

Вологодская областная универсальная научная библиотека им. И. В. Бабушкина
Управление культуры, спорта, молодежной политики и туризма
Администрации Сокольского муниципального района

**«АКАДЕМИК ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ПЛАТОН СЕМЕНОВИЧ ТЮРИН И КУЛЬТУРА
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ XIX ВЕКА»**

Сборник материалов научной конференции
(Вологда – с. Архангельское, 10 – 11 ноября 2016 г.)

Вологда
ВОУНБ
2017

УДК 75.03(470.12)(092)
ББК 85.143(2Рос-4Вол)-8
А38

А38 Академик Императорской Академии художеств Платон Семенович Тюрин и культура Вологодского края XIX века : сборник материалов научной конференции (Вологда – с. Архангельское, 10 – 11 ноября 2016 г.) / Вологод. обл. универс. науч. б-ка им. И. В. Бабушкина, Управление культуры, спорта, молодеж. политики и туризма Администрации Сокол. муницип. р-на ; [под ред. Е. Л. Демидовой]. – Вологда : ВОУНБ, 2017. – 107 с. : ил.
ISBN 978-5-904318-33-8

УДК 75.03(470.12)(092)
ББК 85.143(2Рос-4Вол)-8

ISBN 978-5-904318-33-8

© БУК ВО «Областная универсальная
научная библиотека», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Е. Даен.</i> ИСТОКИ И КОРНИ ХУДОЖНИЧЕСКОГО ТАЛАНТА П. С. ТЮРИНА.....	4
<i>О. Д. Баженова.</i> ПЛАСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВОЛОГДЫ XIX СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА	15
<i>М. Г. Долгушина.</i> ВОЛОГОДСКИЕ МЕЛОМАНЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА.....	21
<i>В. А. Притчина.</i> НОВООТКРЫТЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОСПИСЯХ П. С. ТЮРИНА В ВОЗНЕСЕНСКОМ СОБОРЕ ТОТЕМСКОГО СПАСО-СУМОРИНА МОНАСТЫРЯ.....	27
<i>Л. В. Кербут.</i> ВЫДАЮЩИЕСЯ МАСТЕРА РУССКОГО ИСКУССТВА XIX ВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖМУЗЕЙНОГО ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА «ВАШИ ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ И ИХ СВЯЗЬ С КУЛЬТУРОЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ».....	31
<i>О. В. Силина.</i> ИКОНОСТАС ЦЕРКВИ ПРОРОКА ИЛИИ НА ЦЫПИНОМ ПОГОСТЕ. ТИПОЛОГИЯ И ИКОНОГРАФИЯ.....	41
<i>Л. Г. Соснина.</i> ГРАФИКА И. И. ШИШКИНА (1832 – 1898) В КОЛЛЕКЦИИ ВОЛОГОДСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ.....	55
<i>И. Н. Викторова.</i> «АВТОПОРТРЕТ» П. С. ТЮРИНА: ВОСПРИЯТИЕ, ИСТОЛКОВАНИЕ, ОЦЕНКА.....	65
<i>Н. В. Лукина.</i> ТРИ ПОРТРЕТА РАБОТЫ ПЛАТОНА ТЮРИНА И ИСТОРИЯ РОДА ЗУБОВЫХ.....	68
<i>В. П. Мясников.</i> РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ П. В. ЗАСОДИМСКОГО В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	73

ИСТОКИ И КОРНИ ХУДОЖНИЧЕСКОГО ТАЛАНТА П. С. ТЮРИНА

Статья, представляющая собой отрывок из монографии о Платоне Тюрине, посвящена истокам творчества академика, в ней характеризуется круг вологодской интеллигенции, способствовавшей получению будущему академику вольной. Особое внимание уделяется вологодским дворянам Межаковым и их роли в становлении таланта Тюрин.

Ключевые слова: П. С. Тюрин, школа Б. Монакова, помещик Холмов, Ф. Н. Фортунатов, И. И. Энгельмеер, усадьба Межаковых Никольское, П. А. Межаков, портреты.

The article, which is an excerpt from the monograph on the Platon Tyurin, is devoted to the origins of the academician's work, it is characterized by a circle of the Vologda intelligentsia that contributed to the future free academician. Particular attention is paid to the Vologda noblemen Mezhaikov and their role in the development of the talent of Tyurin.

Keywords: P. S. Tyurin, school of B. Monakov, landowner of Hills, F. N. Fortunatov, I. I. Engelmeier, Manor Mezhaikovs Nikolsky, P. A. Mezhaikov, portraits.

*«Изучение корней культуры чрезвычайно важно для ее понимания.
Только так можно сохранить духовную связь времен».*
Д. С. Лихачев.

Из беседы писателя Ю. Леднева с академиком Д. С. Лихачевым //
Красный Север. 1978. 28 мая.

Согласно документам, П. С. Тюрин поступил учиться в Академию художеств (далее – АХ) в довольно зрелом возрасте – около 28 лет. Звание «неклассного» художника он получил в 34 года, а звание академика в 41 год. Надо полагать, что ко времени поступления в академию у него был накоплен достаточный профессиональный опыт, полученный им в частной художественной школе, которую содержал Б. Е. Монаков. Здесь «простой ремесленный живописец», учитель Тюрин, дал будущему живописцу определенные систематические знания в области пластических искусств и практические навыки.

Какова же была система обучения в этой частной живописной школе? Об этом, в частности, пишет другой ученик и мастерской, современник Тюрин Федор Викторович Немиров, ставший фигурантом рассказа В. В. Верещагина в книге «Иллюстрированные биографии нескольких незамечательных русских людей» (Москва, 1895). «Семь месяцев, – вспоминает Немиров, – [я] рисовал только азбуку, значит, зеницы ока; и до всего человека вырисовывал фигуры карандашом, за краски не принимался; последняя фигура оставалась, зады человека вырисовать и ее <фигуру> не вырисовывал ... Когда, значит, нужно было, я краски приготавливал, тер на плите: крон, киноварь, шихирвейс и берлинскую лазурь, винцейскую ярь, слоновую кость, ржевский бакан – каких только колеров не требовалось, все приготавливал – полукармин и кармин тер. Ультрамарину только не имел в руках и не знаю до сих пор ... называли дороже золота его! Здесь и не было в те времена ... А кость сами жгли, эти кобылечки самые от студени: бросишь в печку, и потом сгорят; сверху белое ножиком очистишь, эту белизну; там смолевое, совершенно как голландская сажа... Хозяин говорил: все единственно, что слоновая кость, что эта ... где же столько слонов натягать, сколько ее идет в Россию!»¹.

Вспоминает Немиров и о том, что карандашей и бумаги было мало: «Из лучинок, завернутых в мокрую тряпицу, брошенных в огонь, делали карандаши: сгорит эта мокрая тряпочка, и остаются эти самые головешечки этих лучинок, оне твердые как вроде карандаша – обчистишь и рисовали им. На бумаге не ладно нарисуешь, сейчас счищаешь – и потребление было малейшее в бумаге; один лист существовал вместо десяти; не ладно нарисовал, сметали уголь, опять на ней же и мараешь».

О своем учителе мастеровой пишет с большой симпатией: «прекрасный человек, хозяин». Чтобы обеспечить мастерскую и содержание учеников, Монакову приходилось исполнять иконы, писать портреты, расписывать интерьеры храмов и т. д.²

Обращаясь вновь к архивному документу – письму Непеина об академике Тюрине – находим: вместе с учителем Тюрин исполнял живописные работы в храмах, преимущественно в Грязовецком уезде. Вспоминая об этом периоде, Платон Семенович, продолжает автор, «хранил как драгоценность свой самый первый рисунок тушью на полулисте писчей бумаги с изображением [довольно плохим – авт.] – Вознесения Господня»³.

Был ли Тюрин связан с Вологодской гимназией до поступления в АХ, мы не знаем. Однако важно отметить, что среди тех, кто был свидетелем получения вольной, на первом месте обозначен инспектор Вологодской гимназии Федор Николаевич Фортунатов (1814 – 1872), «выдающийся педагог», в жизни и в быту скромный труженик⁴. О нем сохранились воспоминания известного педагога Н. Ф. Бунакова, написанные в период обучения в Вологодской гимназии конца 40-х – начала 50-х годов XIX века. В них Федор Николаевич очень ярко охарактеризован: «Инспектор Н. Ф. Фортунатов был душой всей гимназии и самодержавным ее владыкой, искренне желавшим добра учащимся, твердо верившим, что ведет их правильным путем к собственному благополучию, человеческому благу, царю и отечеству на пользу <...> Нельзя было не видеть в этом маленьком и худеньком человеке с желтым лицом, произносившим умные речи, красивые и трогательные проповеди, большой нравственной силы»⁵.

Другим свидетелем при получении вольноотпущенной назван в документе статский советник и кавалер Иван Иванович Энгельмеер (1779/1780 – 19 июля 1854). Благодаря исследовательской работе, проведенной профессором Р. М. Лазарчук, опубликовавшей свои материалы об И. И. Энгельмеере в книге «К. Н. Батюшков и Вологодский край», мы узнаем, что этот человек был в свое время известным доктором. В течение многих лет, с 1833 по 1841 год, он лечил больного поэта К. Н. Батюшкова. В губернском городе Вологде Иван Иванович Энгельмеер был личностью весьма уважаемой. Как полагает Р. М. Лазарчук, «событие и соседство имён в отпускной Тюринна глубоко значимые. Не исключено, что этому способствовала их совместная творческая работа»⁶.

Третьим свидетелем при получении вольной назван статский советник Дмитрий Иванович Самарин. Благодаря архивным изысканиям Вологодского краеведа О. В. Шигаревской стало известно, что он был жителем города Вологды и являлся зятем деда святителя Игнатия Брянчанинова Семена Андреевича Брянчанинова (1754 – 1798) – одного из содержателей частного вологодского театра. (За Самариним была замужем дочь С. А. Брянчанинова Александра)⁷. Таким образом, мы видим круг интеллигенции, поспособствовавший получению художником Тюриним вольной.

Заслуживает внимания характеристика самого помещика Александра Алексеевича Холмова, чьим крепостным был в 1843 году П. С. Тюрин. Судя по формулярному списку, составленному в 1809 году, майору в отставке А. А. Холмову было 29 лет. Следовательно, он родился в 1779-80 году и был ровесником доктора Ивана Энгельмеера. Он был участником войн с Наполеоном, воевал в Галиции, Пруссии, получил Золотой крест за сражение при Прейсиш-Эйлау, а 24 мая 1807 года был ранен в ногу в сражении при Ломитене и «всемилоостивейше» пожалован 30 января 1808 года за это сражение золотою шпагою с надписью «За храбрость». После этого «по высочайшему повелению» «за полученную рану уволен от службы с мундиром и пенсионом полного жалованья»⁸. Женат был Холмов на Варваре Николаевне, урожденной Брянчаниновой, она была лет на 15 – 18 младше своего мужа.

Александр Алексеевич Холмов не был богатым помещиком. Если судить по формулярному дворянскому списку за 1819 год, «крестьян за ним числилось 20 душ мужского и 20 женского пола...»⁹. Решение отпустить своего крепостного крестьянина на волю он мог принять под влиянием прогрессивной дворянской общественности города Вологды и, прежде всего, брата Юлии Францевны Межаковой – Александра

Францевича Тирана. С другой стороны, как представляется, это было жестом исключительного благородства, великодушия и гуманизма. Воспитанные в духе патриотического подъема после войны 1812 года, помещики нередко проявляли повышенный интерес к молодому поколению, проявляя заботу не только о своих близких, но также о детях крепостных крестьян. В подтверждение этого исторического факта следует напомнить, что первоначальное художественное образование Платона Тюрин в школе Б. Е. Монакова было санкционировано и оплачено помещиком Холмовым. Зачастую в первой половине XIX века интеллигентные дворянские семьи, к которым принадлежали Холмовы, играли огромную роль в формировании духовного мира своих современников.

В эту раннюю пору становления таланта художника очень большое значение имели для него и другие дворянские семьи. В провинции взаимоотношения с дворянами имели для художников, пожалуй, еще большую ценность, чем в столицах. Среди них необходимо упомянуть известную вологодскую семью Межаковых, для которых Тюрин писал портреты, и, прежде всего, его главу Павла Александровича Межакова. Он (1785 – 1865) приходился Холмову родственником по линии жены – Ольги Ивановны, двоюродной сестры Варвары Николаевны. Павел Александрович был высокообразованным человеком, занимался литературной деятельностью: писал стихи, делал переводы на русский язык сочинений Горация, Тибула, Оссиана, Шиллера, Ламартина и других классиков. Высоко чтит Батюшкова, Крылова, Жуковского, Вяземского, Давыдова, Козлова, восторгался Пушкиным. Про Батюшкова он говорил особенно уважительно, как о поэте, который «пламень неги сладострастной, как волшебник, в душу льет, и умы к себе влечет»¹⁰.

Павел Межаков много лет жил в Петербурге, где служил в Комиссариатском департаменте. У него был собственный дом в Петербурге, в котором устраивались литературные вечера, они назывались «Межаковские литературные вечера»¹¹. Здесь обычно собирались литературные корифеи столицы. Известно, что в загородной усадьбе Межаковых Никольское, построенной в конце XVIII века по проекту архитектора Ринальди, находилась картинная галерея, театр и домашний оркестр. Среди картин, согласно описи имения 1865 года, проданных за долги наследниками, значились произведения Ван дер Хельста, Воувермана, Рейсдала, Гвидо Рени, портрет кисти Рембрандта, и другие произведения западноевропейских мастеров¹². В усадьбе была огромная библиотека, насчитывающая 5000 экземпляров книг – одна из богатейших дворянских библиотек в губернии. В ней было много литературы на французском языке: Буало, Мольер, Корнель, Расин, Лафонтен, Грессе, Малерб, Ламартин, Гюго, Парни, Мильвуа, Шатобриан, Шенье, Монтескье, Вольтер, Руссо и другие авторы; много произведений великих английских писателей: Шекспир, Вальтер Скотт, Байрон, Бентам, итальянцы: Боккаччо, Данте, Тассо и т. д.

Сын П. А. Межакова Александр Павлович (1812 – 1859) и его жена Юлия Францевна, в девичестве Тиран (1813 – 1853), со своим многочисленным семейством постоянно жили в усадьбе Никольское с 1841 года, после отставки А. П. Межакова. Здесь, вдали от столицы, А. П. Межаков занимался научной деятельностью (он был ботаник и орнитолог, написавший много научных трудов по естествознанию и природе Устья Кубинского, его флоре и фауне). Его научные интересы и изыскания поспособствовали формированию богатой коллекции библиотечных фондов, в них – много научной литературы по ботанике, зоологии, климатологии, метеорологии и химии, а также географические карты, атласы и другая научная литература¹³.

Юлия Францевна всецело ушла в заботу о детях, воспитывая их в духе христианских ценностей, утверждая в них любовь к ближнему, доброту, честность и терпение. Судя по переписке с сыновьями Павлом и Александром, которые учились в Петербурге и были оторваны от родителей, Межаковы заботились об их нравственном воспитании гораздо больше, чем о материальном благополучии¹⁴.

Именно из этой усадьбы, пронизанной атмосферой любви в духе христианских идеалов, начинается путь Тюрин в большое искусство. Одной из ранних работ художника, которая дошла до нашего времени, следует считать картину, изобразившую детей А. П. и Ю. Ф. Межаковых в интерьере детской комнаты¹⁵ (ил. 1).

Год исполнения портрета, также как и имена детей, не помечены. Однако нетрудно датировать этот портрет с помощью документов из Государственного архива Вологодской области. Согласно так называемому «алфавитному» списку семьи Межаковых за 1843 год, у П. А. Межакова значилось пятеро детей: «Павел – 5 лет, Ольга – 4, Александр – 3, Владимир – 2, Юлия – 1 год»¹⁶.

Написанный Тюриным портрет, судя по возрасту детей, особенно самой младшей годовалой дочери Юлии, сидящей на коленях у старшей сестры, может быть датирован не ранее конца 1843 или не позднее начала 1844 года. Как раз в этот период Тюрин получил от Холмова вольную, и не исключено, что это событие было как-то связано с работой Тюрин над портретом детей Межаковых. В частности, можно предположить, что в это время в усадьбу приехал ротмистр Александр Тиран, брат Юлии Францевны, хлопотавший об освобождении Тюрин.

В статье «Тропинин и русское искусство» известный искусствовед М. М. Ракова пишет о том, что в начале XIX века «имеет место новый исторический этап в понимании художественных задач детского портрета как особой области портретного искусства. Он восходит к признанию сентиментализмом самостоятельной ценности детского возраста как одного из моментов развития человеческой личности. Ибо именно в детском возрасте, по мнению Карамзина, автора неоконченного романа «Рыцарь нашего времени», изданного в 1803 году, закладываются основы душевного мира личности»¹⁷. Дети на портретах большинства русских художников первой половины XIX века, как верно подметила Ракова, «не только не похожи на взрослых... но даже и не играют во взрослых...»¹⁸.

Общая черта детских портретов этого времени – именно их детскость, причем она зачастую переходила в своеобразный стереотип привлекательности детей с миловидными личиками, со свежим румянцем на щеках, с мягкой улыбкой на устах, которые должны были передавать чистоту душевного мира ребенка. Тюрину такие стереотипы менее всего присущи. Его поиски перекликаются скорее с поисками Тропинина в групповом портрете детей Морковых 1815 года, а также семейном портрете Морковых 1813 года. Однако у Тюрин гораздо меньше парадной репрезентативности. В портретах же Тропинина имеется элемент романтической театрализации. Его герои как будто разыгрывают какой-то домашний концерт, они поют, музицируют, исполняют какие-то роли – и этому подчинена вся обстановка комнаты, напоминающая сценическую площадку с колонной, драпировками, мраморными статуями, подчеркивающими царящую в семье Морковых атмосферу искусства. В портрете детей Межаковых Тюрин бытовой антураж гораздо проще: ширма за спиной детей, разноцветный мягкий ковер на полу, игрушки в руках детей – всё это подчеркивает неторопливый размеренный строй картины с ее будничностью и прозаической повседневностью. Вместе с тем Тюрин в этом портрете сумел выразить характер детей, как бы угадывая в них черты будущей взрослой личности. Например, он выделил цезурами фигуру среднего по возрасту мальчика – Александра, который изображен в центре в «боевой позе». Его фигура представлена в ракурсе: левое плечо выдвинуто вперед, также как и левая нога, а руки, спрятанные в карманах куртки, будто провоцируют невидимого противника на борьбу. В этом образе, подсказанном художнику его собственными наблюдениями, скорее всего, передана готовность мальчика к активному волевому действию, зрима мужская решительность. Здесь художник очень точно выразил сформировавшийся еще в детстве энергичный и решительный характер А. А. Межакова – будущего предводителя дворянства Кадниковского уезда, одного из самых сильных и хозяйственных детей семейства, достойного продолжателя рода Межаковых (ил. 2).

Наоборот, в образах старшего мальчика Павла, изображенного справа, и младшего Владимира, с полной яблоками лубяной коробкой, художник передал нежность, мягкость и миловидность (ил. 3). Группа эта хорошо закомпанована. Тюрин очень точно передал движение рук и позы мальчиков, сидящих друг над другом, их единение и спонтанное детское очарование.

В портрете заметно влияние примитива, от которого автор еще окончательно не освободился в этот период. Например, изображая годовалую девочку, сидящую на коленях у старшей сестры, он придал ее внешности вид раскрашенной куклы. Не менее статичен и образ старшей девочки – Ольги, с аккуратно причесанными волосами, уложенными в букли и одетой по дворянской моде как взрослая барышня: в белое декольтированное платье, отделанное кружевами.

Некоторые противоречия в написании картины могут быть раскрыты с помощью анализа ее красочного строя и технико-технологических особенностей. Комплексные исследования, проведенные в 2013 году реставратором О. В. Карпачевой и экспертом-искусствоведом Т. В. Максимовой, показали, что картина написана на очень тонком качественном холсте с плотностью нитей 25 (нити основы) на 16 (нити утка) в см² с широкими негрунтованными кромками. Это говорит о том, что художник самостоятельно приготовил холст, осуществляя его проклейку и грунтовку. Причем на левой боковой кромке видны остатки различных красок, которыми писал художник: они остались из-за вытирания кисти во время работы о край картины.

Судя по рентгенограмме, на картине двойная живопись, однако, что было в нижнем ее слое, судить трудно, так как этот слой картины был художником тщательно счищен. Видны лишь отдельные фрагменты лиц и фигур, слабо читающиеся из-под верхней живописи. Этот нижний слой художник тщательно замаскировал двойным слоем грунта: серого внизу и более пастозного, нанесенного белилами, сверху. Чтобы скрыть нижний слой живописи, художник ввел темнo-коричневый с оранжевым оттенком фон, который является ее своеобразным задником.

В основе композиционного построения фигур лежит графитный рисунок, линии этого рисунка хорошо заметны на белых одеждах детей, там, где белая краска наносилась тонким полупрозрачным слоем, а также на лицах детей и на волосах, исполненных прозрачными лессировками. Все это еще раз свидетельствует об авторском поиске художника при работе над картиной. Следует отметить необычайную живописную особенность этой ранней работы художника. Художник пишет ее на цветных подмалевках, которые просвечивают изнутри и обогащают палитру своим необычным свечением; местами он прибегает к смелым цветовым контрастам, например, в изображении пестрого ковра с играющими детьми. Яркие вспышки рябиново-красного цвета в нем контрастируют с зеленым, голубой соседствует с золотисто-желтым отраженным светом. Так создается богатая живописная фактура ворсистого ковра. Кроме того, следует отметить артистизм манеры письма. Художник применяет самые разнообразные приемы: широкий мазок плоской щетинной кистью, которым он моделирует главные объемные массы фигур в движении и ракурсе, и тонкие корректирующие прописки на световых участках круглыми кисточками, легкий воздушный мазок на газовых тканях детских платьев и кружев, и метод торцевания. В одеждах присутствуют цветные лессировки малиново-розовым лаком на красных штанах сидящего справа Павла, они создают цветные рефлексy в тени, а на мальчике Александре, одетом в серовато-бежевую куртку, яркая, рябинового цвета рубашка расцвечена голубыми рефлексами, передающими изысканную фактуру шелковой ткани. Все эти неожиданные находки мастера придают картине необычайную колористическую живость и привлекательность.

Хозяева усадьбы Никольское отличались большим гостеприимством, а также широтой устраиваемых балов и празднеств. Об этом свидетельствуют многочисленные пригласительные билеты, изысканные, каллиграфически исполненные «визитки», находящиеся сейчас в фонде Межаковых Государственного архива Вологодской области¹⁹.

Хозяева усадьбы гордились своей родословной. Встречая гостей, они прямо в вестибюле главного здания знакомили их с портретами как самих владельцев, так и своих предков. Следует сказать, что портреты даже в самое трудное время не принято было продавать либо обменивать. Лишь в начале 20-х годов XX века, когда хозяева усадьбы окончательно покинули ее пределы, портреты из Никольского вывезены были в Вологодский государственный музей.

Помещик Павел Александрович Межаков, обладавший совершенным эстетическим вкусом, по существу сам определял место и роль каждого портрета в своем загородном доме. В 1821 году он заказал самому модному на тот период и дорогому художнику англичанину Дж. Доу (1781 – 1829) в честь десятилетия своей свадьбы парный семейный портрет. О внушительности заказа говорит размер полотна: 152 x 119²⁰ (ил. 5).

Характерная особенность картины – ее возвышенный, несколько театрализованный строй, что типично для раннего периода творчества Дж. Доу в России и в целом для европейского и русского романтизма. Павел Межаков, изображенный в тени красной драпировки слева, склонившись и опираясь о спинку дивана, представлен как поэт-созерцатель. Его супруга Ольга Ивановна, изображенная на фоне открытого облачного неба, выступает в роли нежной вдохновительницы, выражаясь словами А. С. Пушкина, как «чистейшей прелести чистейший образец» или как «гений чистой красоты». Написанный свободной кистью и «на одном дыхании», чем-то напоминающий акварель, с огромным разнообразием профессиональных живописных и технических приемов, необычайно смелый и точный по рисунку, этот портрет можно назвать образцом высшей пробы не только русского, но и европейского искусства первой четверти XIX века. Картина была предметом гордости нескольких поколений рода Межаковых. Ее изучали, ей подражали, ее считали эталоном высокого профессионализма. В 1844 году именно Платону Тюрину выпала честь написать пару этому шедевру – семейный портрет младшей четы Межаковых – Юлии Францевны и Александра Павловича²¹ (ил. 6). Такой заказ, несомненно, говорит о признании таланта крепостного мастера, о его несравненных достоинствах, которые не только были высоко оценены владельцами усадьбы, но стали путеводной нитью для дальнейшего развития самого художника.

Портрет написан на очень качественном тонком полотне, на котором стоит штамп Прокофьевской фабрики. Композиция зеркально повторяет парадный портрет предыдущего полотна Доу. Размеры картин одинаковые. Тюрин мастерски обыграл большой формат, подчеркнув его вертикальное направление и сообщив более холодноватый колорит, исполненный в синеvато-серых оттенках. Межаковы изображены на фоне открытой террасы с видом на парк. Высокое небо с клубящимися облаками в просвете, а под ним ветка дубового деревца в левой части картины конкретизируют характер этого парка – предмет забот и научных исследований хозяина. А. П. Межаков (ил. 8) изображен в черном фраке, песочного цвета жилете и в белой рубашке, с шотландской бородкой, со скрещенными на груди руками и отведенным вверх мечтательным взглядом. Его жена (ил. 9) в белом декольтированном бальном платье, изображенная справа, осторожно возложила тонкую кисть руки на плечо мужа. У самого края картины слева охотничья собака, придающая композиции ощущение домашнего тепла и уюта. Так же как и Доу, Тюрин пытается найти пространственный разворот фигур, применяя сложные ракурсы. Скупыми средствами он передал воздушность окружающей среды, стройность и романтику архитектуры, фактуру нарядного белого бального платья дамы, нежность его шелковых переливов, хорошо гармонирующих с женственным обликом самой модели. Художник не перегружает красочный слой полотна. Он использует в моделировке формы естественный цвет белого грунта, который просвечивает через красочный слой и пронизывает полотно изнутри своим холодным струящимся серебристым светом, столь типичным для природы Северной Пальмиры.

Картина Тюриня явилась не только архитектурной зеркальной поддержкой шедевру Дж. Доу. В образах младшей четы Межаковых с предельной точностью выражен идеал эпохи. Вместо бурной патетической романтики, которая пронизывает полотно Дж. Доу, Тюрин воспел семейный союз двух любящих сердец, их внутреннюю гармонию, духовное единство, взаимное согласие. Это и есть те бытовые ценности «тихого очага» в замкнутом пространстве помещичьей усадьбы, характерные для эстетики и стиля бидермейера – господствующего направления европейского, в том числе и русского искусства второй четверти XIX века²².

Еще один живописный портрет из усадьбы Межаковых Никольское, вывезенный в 20-х годах XX века и переданный в 1953 году в Вологодскую областную картинную галерею, представляет молодого человека в охотничьем костюме. Ранее числился как портрет Межакова. Он не имеет авторской подписи, однако по стилю и по возрасту изображенного человека его можно датировать началом 1840-х годов, точнее не ранее 1842-го. Благодаря проведенной атрибуционной работе, результаты которой опубликованы в статье Даен М. Е. «Вологодский художник П. С. Тюрин», а также подтверждены Н. В. Лукиной – исследователем генеалогии рода Зубовых, было доказано, что на портрете изображен двоюродный брат А. Межакова Сергей Алексеевич Зубов²³ (ил. 7).

Этот портрет еще один пример адаптации в условиях дворянской провинциальной усадьбы романтического стиля второй четверти XIX века, характерного для русского искусства. Правда, по сравнению с предыдущими произведениями, он выглядит более скромным, что соответствует самому формату картины. Молодой человек изображен на охоте. У него густые черные волосы, выбивающиеся из-под черного картуза, костюм глубокого темно-зеленого цвета с высокой отложной стойкой воротника, повязанного черным шейным платком. Руки сложены у пояса, опираются на ствол охотничьего ружья. На ремне, перекинутом через левое плечо, висят ягдташ для дичи и рожок. Справа внизу охотничья собака, смотрящая на своего хозяина снизу вверх. Стройная фигура охотника, приближенная к переднему плану, возвышается на фоне высокого неба с клубящимися серо-фиолетовыми тучами, меж которыми сквозят синие просветы. Здесь нет характерных для предыдущих портретов эффектов и пространственных ракурсов. Однако картина с ее грозным пейзажем и вынесенной на передний план фигурой в лучах контрастного освещения приобретает ореол романтической недосказанности. Композиция полотна сродни многим портретам конца 30-х – начала 40-х годов XIX века.

Сравнительно небольшой формат, низкая линия горизонта, фрагментарный срез закрученной по спирали березы с рваными от ветра ветками, характер освещения с его романтической таинственностью сближает образ охотника с портретом Нестора Кукольника Карла Брюллова. Естественно, эта аналогия может показаться поверхностной: образ, созданный Тюриным, уступает по многогранности психологического содержания и маэстрии произведению Брюллова. Однако портрет Тюриня обладает своими, чисто провинциальными особенностями. По существу все обаяние произведения выстроено на ритме силуэта, полном внутренней и своеобразной музыкальности. Эта пластика силуэта, его уверенная контурная линия стала типичной особенностью стиля художника. Она впоследствии определила его индивидуальную манеру, структуру его композиционного мышления и его почерк.

Заметим, что названные выше портреты из усадьбы Межаковых написаны были Тюриным еще до поступления в АХИ, вероятнее всего, до его переезда в Петербург, а потому в какой-то мере они показательны для вкусов верхнего слоя вологодского дворянства, стремящегося не отстать от столичной моды. Отсюда репрезентативные романтические тенденции, выразившиеся в сложной композиции портретов с террасами на парковом фоне, тяжелыми драпировками, колоннами или экспрессивным грозным пейзажем. Многие из этих портретов явились для художника этапом в овладении композиционным и техническим мастерством, той школой, в которой накапливался его индивидуальный творческий опыт. Но многое в них было продиктовано волей и вкусами заказчиков, которые сформировали своеобразную эстетику дворянской рафинированной культуры в пределах замкнутого мира загородной усадьбы. Вместе с тем, художник сумел выразить в них и свою непосредственную эмоцию – доброе и поэтическое отношение к миру, определившее особенность дарования художника.

¹ Верецагин В. В. Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей. – М., 1895. – С. 4, 6–7.

² Там же. – С. 4–6.

³ РГАЛИ. Ф. 1956. Оп. 1. Д. 74. Л. 1 об.

- ⁴ См. о нем: Кошелев В. Вологодские давности. – Архангельск, 1985. – С. 215–218.
- ⁵ Бунаков Н. Ф. Моя жизнь в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной. – СПб., 1908. – С. 9.
- ⁶ Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край. – Череповец, 2007. – С. 251–252.
- ⁷ Шигаревская О. В. Несколько неизвестных фактов и имен из жизни «содержателя вольного театра» С. А. Брянчанинова // Память как механизм культуры в русском литературном процессе : (памяти Риммы Михайловны Лазарчук) : материалы Всерос. науч. конференции 12–14 марта 2014 г. – Череповец, 2014. – С. 260.
- ⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 31. Д. 2749. Л. 21–22.
- ⁹ Там же. Л. 5.
- ¹⁰ О П. А. Межакове см.: Формулярный список // ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 344; Батюшков К. Н. Сочинения. – СПб., 1886. – С. 645–646; Кошелев В. А. К истории русской усадебной культуры : (вологодский поэт П. А. Межаков) // Вологда : историко-краеведч. альм. – Вологда, 1994. – Вып. 1. – С. 195–207.
- ¹¹ Гура В. Три этюда. 1. Общества, кружки, усадебная жизнь // Времен соединение : очерки, портр., этюды, обзоры. – Архангельск, 1985. – С. 64.
- ¹² ГАВО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 355. Л. 12.
- ¹³ Кевролева-Коноплева Л. А. Вологодская Советская Публичная библиотека. Год работы. – Вологда, 1920. – С. 28–31.
- ¹⁴ Смирнов. Ю. Воспитание сердец // Историческое краеведение и архивы. – Вологда, 2000. – Вып. 6. – С. 173–180.
- ¹⁵ ВГИАХМЗ. Инв. ВОКМ 2988. Х., м. 88 x 116. Каталог № 1.
- ¹⁶ ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.
- ¹⁷ Ракова М. М. В. А. Тропинин и русское искусство // Василий Андреевич Тропинин : исследования и материалы. – М., 1982. – С. 13.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ ГАВО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 41.
- ²⁰ Даен М. Е. Семейный портрет Межаковых из Вологодского государственного музея-заповедника : признаки аутентичности стиля Дж. Доу / М. Даен, Т. Максимова, М. Кононович // Антиквариат. – 2014. – Декабрь. – С. 25–31.
- ²¹ ВГИАХМЗ. Инв. ВОКМ 2833. Каталог № 2.
- ²² Напомним, термин «бидермейер» возник в середине XIX века в качестве курьезного литературного псевдонима на игре слов «bidermann» и «Maier», то есть «порядочный, простодушный человек г-н Майер». Этим понятием обозначены художественные процессы в Германии и Австрии в рамках исторического периода с 1815 по 1848 год – между историческим Венским конгрессом и мартовскими событиями революции в Германии. Ключевыми словами эпохи бидермейера можно назвать «дом», «домашняя жизнь» (См. : Степанова С. С. Русская живопись эпохи Карла Брюллова и Александра Иванова». – СПб., 2011. – С. 231–232).
- ²³ См.: Каталог № 3; Даен М. Е. Вологодский художник П. С. Тюрин // Панорама искусств. – Москва, 1983. – [Вып.] 6. – С. 318–322; Лукина Н. В. Вологодские дворяне Зубовы. – Москва : Потомки Зубовых, 2004. – Ч. 1. – С. 32.

Литература

1. Лазарчук Р. М. К. Н. Батюшков и Вологодский край : из архивных изысканий. Череповец, 2007. – С. 252–253, 260–261.
2. Даен М. Е. Атрибуция портретов П. С. Тюрин // Памятники культуры: новые открытия. 1985. – Л., 1986. – С. 328.

Список иллюстраций

1. П. С. Тюрин. Портрет детей А. П. Межакова. Около 1843. Холст, масло.
2. П. С. Тюрин. Александр Межаков.
3. П. С. Тюрин. Павел Межаков.
4. П. С. Тюрин. Владимир Межаков.
5. Д. Доу. Семейный портрет Межаковых. 1821.
6. П. С. Тюрин. Семейный портрет Межаковых. 1844.
7. П. С. Тюрин. Портрет С. А. Зубова. Около 1843. Холст, масло.
8. П. С. Тюрин. Лицо А. П. Межакова.
9. П. С. Тюрин. Лицо Ю. Ф. Межаковой.

1. П. С. Тюрин. Портрет детей А. П. Межакова. Ок. 1843. Холст, масло

*2. П. С. Тюрин.
Александр Межаков*

*3. П. С. Тюрин.
Павел Межаков*

*4. П. С. Тюрин.
Владимир Межаков*

5. Д. Доу.
Семейный портрет Межаковых

6. П. С. Тюрин.
Семейный портрет Межаковых

7. П. С. Тюрин. Портрет С. А. Зубова.
Около 1843. Холст, масло.

8. П. С. Тюрин.
Лицо А. П. Межакова

9. П. С. Тюрин.
Лицо Ю. Ф. Межаковой.

ПЛАСТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ВОЛОГДЫ XIX СТОЛЕТИЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Статья посвящена вологодской сакральной пластике XIX в. на примере произведений из собрания Вологодского Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, в ней предприняты попытки идентифицировать конкретную скульптуру с именем мастера.

Ключевые слова: город Вологда, Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, сакральная пластика, иконостасы, XIX век.

The article is devoted to the Vologda sacral plastics of the XIX century on the example of works from the collection of the Vologda State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, it attempts to identify a concrete sculpture with the name of the master.

Keywords: Vologda, Vologda State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, sacral plastics, iconostases, XIX century.

Вологда в XIX веке, как и многие другие русские губернские города, «доигрывала исторические сценарии», начатые в столицах XVIII века: город из купеческого и ремесленного медленно превращался в центр дворянской и аристократической культуры. «Жалованная грамота дворянству» 1785 г. Екатерины II поощряла развитие дворянского вотчинного хозяйства, вплоть до заведений на своих землях заводов, фабрик, торговых ярмарок.

Н. П. Малиновский, в книге о Владимирской церкви Вологды (1905) указывал на рост дворян среди прихожан храма в конце XVIII века¹. Правда, в большей степени, ремонты и перестройки вологодских церквей осуществлялись за счет сбора средств на приходе или на деньги купцов, которые нередко были старостами храмов. Платон Тюрин был прихожанином Владимирской церкви в XIX веке. Творчество этого художника знаменует начало освоения провинциальным искусством академического стиля российской столицы. К классицистически-академическому направлению относилась в основном и вологодская сакральная пластика XIX века.

Первая и, особенно, вторая половина XIX века демонстрировали в оформлении церковных интерьеров вологодских храмов рост официальной эстетики. Столица предлагала не только образцовые варианты архитектуры церквей, но и официальные образцовые варианты архитектуры иконостасов, с которыми сверялись губернские проектировщики². Проекты (тогда писали рисунки) составлялись губернскими архитекторами, священниками, мастерами токарного и резчицкого цехов, обязательно утверждались Вологодским архиепископом. В фондах Вологодского музея-заповедника сохранилось 12 проектов иконостасов, подписанных разными правящими архиереями в период с 1790-х до 1880-х гг. Эти листы представляют иконостасные строения Вологды и Тотемского уезда (Шуя, Чалово), а также ряда неизвестных храмов, поскольку проекты без уточняющих надписей. В чертежах, датированных 1818, 1831, 1845 гг., и недатированных, но по стилю относимых к первой половине XIX в., преобладают иконостасные стенки в форме триумфальных арок, украшенные классицистическим орнаментом, со скульптурой в навершии (13947/6 нв, 13947/7 нв, 13947/8 нв, 13947/2 нв, 13947/4 нв, ВОКМ 29533/1, ВОКМ 29533/2). В чертежах второй половины XIX века скульптуры уже нет: архитектурный модус иконостаса составляют арки различных очертаний от полукруглых до килевидных и стрельчатых, плоскости иконостасного строения заняты орнаментами самых разных стилей, порой существующих рядом в своеобразных сочетаниях, фрагментах. Отдельно и выборочно присутствуют необарочная, необалканская, неорусская, неоготическая, неоклассицистическая орнаментики.

Скульптура «покинула» иконостасную конструкцию и нашла применение в подставках для киотов, алтарных сеньях. В этом случае мастера ориентировались на классицистически-академические образцы, но результаты получались разные

в зависимости от технических навыков резчиков: от правильно-академических до примитивно-огрубленных.

И в этом случае, если сравнивать вологодскую скульптуру с пермской, которую исследователи датируют XIX в., можно увидеть значительную разницу: в вологодской, по сравнению с пермской, сужен репертуар скульптурных сюжетов, и в формообразовании отсутствует фольклорность и народная упрощенность, характерная для пермской скульптуры.

Вологодская иконостасная резьба и скульптура укладывается вполне в постклассицистические (академические) нормы, а к концу XIX – началу XX века появляются произведения в стилистике модерна и народного примитива, но обозначаются последние скорее только как тенденции, достаточно слабо себя проявившие.

Мастера-резчики (токари, позолотчики – все, кто участвовал в создании деревянного убранства храмов) в Вологде и губернских городах были объединены в цеха. «Памятная книжка Вологодской губернии» на 1867 и 1868 гг. указывала наличие в резницком цехе 9 мастеров, 26 рабочих и 12 учеников. Позолотчиков было больше: 11 мастеров, 9 рабочих, 4 ученика². «Памятная книжка Вологодской губернии» на 1875 и 1876 гг. представляла расширенную, по сравнению с предыдущим десятилетием, статистику³. Столяров в Вологде – 11 мастеров, 40 рабочих и 28 учеников; в Грязовце 6 мастеров; в Кадникове 2 мастера и 1 рабочий; в Тотьме 4 мастера и 2 ученика; в Устюге 3, Никольске 2, Сольвычегодске 2 мастера. Мастеров столярного дела почти в 4 раза больше, чем резчиков (38:9). Резчиков в Вологде, Грязовце, Кадникове, Никольске, Устьсыольске по одному, в Тотьме, Устюге два. Ученики имеются только в Грязовце (5), Тотьме (2), Устюге (2). Работников ни у кого из резчиков нет. Позолотчиков в названных городах всего 8, с ними 20 рабочих и 8 учеников. Позолотчики и резчики включены в «Памятной книжке...» в параграф «Прочие ремесленники, не принадлежащие к первым разрядам».

Точнее увидеть картину развития резницкого дела в Вологде и губернии XIX века позволяют тексты Контрактов с мастерами⁴ в книгах Вологодского магистрата, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области. В Вологодском магистрате регистрировали контракты на исполнение иконостасов, поэтому известно достаточно большое количество имен резчиков: Александр Иванович Лошков, Константин Иванович Лошков, Евгений Алексеевич Окопишников, Аполлон Васильевич Пастухов, Павел Дормидонтович Золотилов, Александр Прокопьев Семенов, Василий Иванович Ягодников, Иван Васильевич Дружинин. Указанные мастера выполняли заказы не только в Вологде, но и в храмах обширной Вологодской и Архангельской губерний. Документы отмечают имена приезжих мастеров: в кафедральном теплом Воскресенском соборе Вологды (рядом с Архиерейским домом) по контракту 1803 – 1806 гг. служили скульптор Гофман и немец Иван Андреев Фохт⁵. Последний в течение двух первых десятилетий XIX в. был Вологодским губернским архитектором, почерк которого в архитектуре малых форм узнаваем. В собрании музея-заповедника хранятся подписанные им архитектурные проекты. Построенные (или подписанные им) храмы и усадьбы встречаются в Вологде, Тотьме⁶ и других губернских городах. Известны работы Фохта от 1799 г. в Ростове Великом.

К сожалению, как в случае с вологодскими цеховыми мастерами, так и с приезжими, идентифицировать конкретную скульптурную работу с именем конкретного мастера не представляется возможным. Но тексты контрактов позволяют расширить сведения о репертуаре деревянного иконостасного ваения. Например, мастера могли делать следующее: для алтаря исполнять «ангелов при престоле»⁷, для царских врат «над ними... Сын и два ангела»⁸, заказывали «Голгофу в трех лица», «Воскресение с двумя ангелами»⁹, «Распятие Христово и предстоящих в обрезае виде» (1865)¹⁰, «Господа Саваофа, круг его облака в Херувимы с сиянием» (1835)¹¹, «...резных, Восстание из гроба Христа Спасителя и ангелов» (1835)¹², «Духа святого в сиянии» (1849)¹³, «...резные ангелы к аркам над Царскими вратами с оживленными лицами» (1850)¹⁴.

Тематику сакральной скульптуры XIX века представляют также книги вологодских краеведов об истории церквей. Например, Н. И. Суворов в монографии о Вологодском Всеградском соборе сообщал о «двух киотах изящного устройства»: на продолговатом пьедестале утверждены два резные, высеребренные, величиною в рост человеческий ангела, преклоненные на одно колено и поддерживающие на руках и главах, в виде кариатид, раму, состоящую из двух колонн, увенчанных резными золочеными облаками с херувимом среди их и знамением креста на верху. Рамы эти с двух сторон покрыты стеклами, внутри которых помещаются дорогой цены хоругви, шитыя по малиновому бархату золотом с круглыми, живописными на середине их изображениями: на одной Спасителя (список с чудотворной иконы), на другой – Божией Матери Тихвинския»¹⁵. Наличие таких «ангельских киотов» подтверждают фотографии интерьеров Всеградской церкви, хранимые в Вологодском музее-заповеднике (ВОКМ 17632/5).

Важным в этом случае является выделение определенной типологической группы скульптуры XIX в. в формах, каких не знало XVIII столетие – ангелы, поддерживающие киоты. Распространенным образцом скульптуры XIX в. являлась коленопреклоненная ангельская фигура, держащая на голове или руках алтарную столешницу или киот, подобно тому, какой был описан Н. И. Суворовым в книге о Всеградской церкви Вологды. В собрании музея-заповедника 9 таких фигур. Они, как правило, с расprostертыми, разведенными в стороны или поднятыми вверх руками, устойчивые по своей архитектонике и с фрагментом крепления в виде штыря на голове. Рассмотрение этой группы скульптур в стилистической последовательности также показывает выше обозначенную тенденцию следования академически-классицистическим образцам (ВОКМ 1818/1, ВОКМ 1818/2, ВОКМ 1819/1, ВОКМ 1819/2, ВОКМ 10558/4, ВОКМ 1817, ВОКМ 19966) с единичными проявлениями примитивно-фольклорного стиля (НВ 11817/39, 27223/31).

К сожалению, среди типологически близких 9 ангельских фигур-«кариатид» в собрании Вологодского музея-заповедника нет ни одной, которую бы можно было определенно отнести к Всеградской церкви. Все ангельские подставки являются круглой скульптурой, изображающей преклоненных на одно колено ангелов с поднятыми руками и раскрытыми крыльями. Фотография 1930-х гг. интерьера Николаевской церкви Золотые Кресты в Вологде (14126/1 нв) также показывает «ангельский киот», но атрибутировать его среди скульптур собрания пока не представляется возможным.

Е. А. Виноградовой найдены имена исполнителей «ангельских киотов» Всеградского храма – ведущих вологодских резчиков Александра и Константина Лошковых. В контракте от 1860 г. Лошковы, прописывая условия своей работы над иконостасом Кирико-Улитской церкви села Толстикова Вологодской епархии, определенно указывают на выполнение ими украшения Всеградского храма. В контракте это звучит так: «И всё это обязуемся сделать мы, Лошковы, в лучшем виде, подобно тому, как сделаны нами работы в Вологодской Спасской градской (Спасообыденной Всеградской в Вологде – О. Б.) и Леонтьевской церквях, и совершенно согласно модели»¹⁶. Речь, очевидно, идет об иконостасе и киотах храма. Договора на исполнение этих работ пока не найдено, но Н. И. Суворов называет в книге о Всеградской церкви время их проведения: 1851 – 1853 гг., храм был освящен заново в 1854 г. Преосвященным Феогностом, епископом Вологодским¹⁷. Также историк дает описание иконостасов. Придельные: «одинаковой величины и по одному рисунку, в три яруса, резьба и колонны вызолочены червонным золотом по полименту, царские врата ...состоят из огромного, резного, сплошь вызолоченного креста, окруженного сиянием, на лучах которого утверждены шесть икон с обычными изображениями Благовещения и четырех евангелистов»¹⁸. Возможно, проект этого придельного иконостаса представлен в проектном рисунке недатированного иконостаса неизвестной церкви (нет надписи) с необарочным декором и крестом в сиянии на царских вратах, с подписью «чертил К. Лошков» (13947/2 нв). Далее Н. И. Суворов описывает главный иконостас «в три яруса с тремя полуциркульными углублениями в алтарь с полусводами, ярко вызолоченными вверх, в большом среднем углублении царские врата, шесть высоких

колонн вызолочены червонным золотом по полименту, равно как и узорчатая резьба, покрывающая большую часть иконостаса, прочие места выкрашены белой краской. На верху иконостаса поставлены обрезные, писанные на железе Распятие с Предстоящими, позади клиросов иконы в высоких резных, золоченных киотах»¹⁹. Всеградский собор в Вологде в начале XX в. считался выдающимся памятником церковного строительства: в Троице-Сергиевой Лавре в 1915 г. был издан посвященный ему альбом²⁰.

Обращаясь снова к свидетельству ранее цитированного архивного документа, следует предположить, что работой Лошковых является убранство Леонтьевской церкви. В собрании Вологодского музея-заповедника имеются рельефы двух ангельских фигур (ВОКМ 10558/5, 10558/5а), которые, согласно стилистике иконостасов первой половины XIX в., могли венчать алтарную конструкцию. О том, что рельефы происходят из Леонтьевской церкви, «смутно» указывает акт приема коллекции предметов с номером 10558. В формах ангельских фигур резчики следовали классицистическим правилам (плоскостность, отсутствие ракурса).

Еще две скульптуры вологодского собрания можно атрибутировать первой половине XIX в. и связать с украшением одного из придельных иконостасов Никольской церкви во Владычной слободе (утраченных). Существует фотография алтарной преграды «правого придела теплого храма Никольской Владыченской церкви» (ВОКМ 17630/3) и проект «иконостасов для придельных храмов святого первомученика архидиакона Стефана, святителя Николая Чудотворца в Вологодской Николаевской церкви во Владычной слободе», утвержденный к исполнению вологодским епископом Евлампием 16 мая 1845 г. (ВОКМ 29535/1). Этот проект подписан «священником Иконниковым», его автором. Из надписи на проекте понятно, что существовало два предельных иконостаса, один из которых, правый, и представлен на фотографии, а левый может соответствовать проектному рисунку. Сравнение проекта и двух скульптур коленопреклоненных ангелов позволяет высказать предположение, что два памятника вологодского собрания (ВОКМ 10558/15, ВОКМ 10558/16, размер каждого 53,5 x 36 x 15) могли быть из алтарной преграды левого придела. В рисунке ангелы показаны достаточно обобщенно, в скульптуре выразительно и соответственно академическим нормам. Ангелы преклонены на одно колено, стоят на облаке, руки сложены в адоративном жесте у груди, «домиком». Общие ритмы склоненной фигуры, от линии профиля до линий драпировок, представляют единство объемного решения, но более приближенного к пластике барокко в ракурсе плеч, нежели классицистическому фронтальному развертываю, которое можно видеть в фигурах ангелов, венчающих правый придельный иконостас, на фотографии 1930-х гг. Работы могли выполнять мастера вологодского токарного и резницкого цехов, но авторы этой скульптуры не известны. Несмотря на анонимность этой скульптуры (Лошковы?), отметим, что вологодская пластика первой половины XIX в. стоит на уровне лучших столичных образцов.

Пара ангелов из храма Спаса Преображения на Болоте в Вологде также представляет скульптуру из наверхия иконостаса (ВОКМ 10558/28, ВОКМ 10558/29). Но в этих памятниках при их явной ориентации на иконографию и формы академической резьбы уже проступают веяния сентиментальной культуры конца XIX века, что позволит в начале XX века перейти к стилистике модерна. Ярким представителем такой, до конца не раскрытой тенденции сакральной пластики, является скульптура коленопреклоненного ангела из Борисоглебской церкви села Высокое Вологодского района (ВОКМ 16886). В той же иконографической схеме коленопреклоненного ангела исполнена скульптура из неизвестной церкви Вологодской области, переданная в музей в 1971 г. (ВОКМ 15727).

Но она уже показывает значительное упрощение, на грани примитива, то есть представляет тенденцию, следуя которой скульптура могла бы прийти к народному, фольклорному варианту. В собрании Вологодского музея такие памятники не многочисленны.

В результате закрытия и разрушения храмов в послереволюционные годы большинство иконостасов XIX века не сохранилось. Если же судить по фотографиям и описаниям иконостасов вологодских церквей, хранящимся в фондах Вологодского музея-заповедника и архивах, роль скульптуры в иконостасах первой половины XIX века, как уже было замечено, сведена к минимуму, а со второй половины XIX века отмечается ее полное отсутствие, основное место занял орнаментальный декор. Из 12 рисунков – проектов иконостасов в фондах музея, только три принадлежат второй половине XIX в.: «Рисунок на сделание (так – О. Б.) иконостасов Николаевской Глинковской церкви», подписанный 2 сентября 1876 г. Вологодским владыкой Феодосием, и «черченный» «цеховым мастером Василием Ивановым Ягодниковым» (13947/1 нв); неизвестной церкви в неоготическом стиле с необалканским орнаментом, авторства «А. Пастухова», подписанный Вологодским епископом Феодосием 21 февраля 1871 г. (5410 рест.); и проект авторства Н. И. Кичина для Леонтьевской церкви Вологды (может быть не утвержденный?), представляющий иконостас с элементами декора одновременно необарочного, неоклассического и неорусского стилей (ВОКМ 29535/2).

Статистику возводимых в Вологде иконостасов в XIX в. можно представить в следующем порядке²¹: в 1816 – 1824 гг. строился «ампирный белый иконостас церкви Святой Троицы в Осаново помещиков Макшеевых»²²; в 1812 г. заменили иконостас в холодной церкви Екатерины во Флоровке²³; в 1814 г. заказали иконостас для холодного Благовещенского храма²⁴; в 1830-е гг. возводятся иконостасы в Спасском соборе Спасо-Прилуцкого монастыря (1835–1836, «отделка нового иконостаса», мастер Александр Иванов Лошков²⁵); в Воскресенском соборе (1832–1833, «новый однарусный иконостас»)²⁶; в 1837 г. по проекту «учителя рисования П. П. Писцова, резчиком Лошковым был сделан» иконостас в домовую церковь Святого Духа при Вологодской губернской гимназии²⁷. Фотография начала XX в. позволяет представить внешний вид этой алтарной преграды «византийского стиля»: однарусной с полуовальными завершениями по верхнему краю и аттиком над центральной частью с царскими вратами. Единственными скульптурными формами в этом иконостасе являются кресты, которые венчают высокий аттик и каждую форму верхнего ряда иконостаса. На фотографии через открытые Царские врата видно запредельное Распятие со скульптурой распятого Христа.

В 1860-е гг. возводится иконостас в церкви Кирилла Белозерского в Рощенье (1866, стоил 4 тысячи рублей)²⁸. В 1888 г. в часовне при Пименовской богадельне поставили «белый с золоченой резьбой иконостас»²⁹.

Авторы книги об истории православных храмов и монастырей Вологды описывают как «нетипичные для Вологды» иконостасы в псевдоготическом стиле первой половины XIX в., например, Сретенской церкви, церкви Зосимы и Савватия, иконостас которой в 1837 г. выполнял Александр Иванов Лошков³⁰. На самом деле, неоготика была таким же официальным стилем, как и неорусский стиль. Оба они символизировали «древние, ушедшие времена». Неоготическую стилистику начали использовать раньше неорусской, еще в эпоху Екатерины II, то есть с 1760-х гг. и продолжали до конца XIX в.

В контрактах на изготовление иконостасов записывалось, что скульптура вся должна быть позолочена, о полихромной раскраске в XIX в. уже не было речи. Там же в договорных текстах мастера давали обязательства делать работу «... по вкусу нынешнего времени», «соразмерно низу и высоте храма», «работа должна быть сделана в лучшем виде, приличном благолепию храма», «сделать самым чистым и прочным мастерством», «...самым лучшими и искусным мастерством». Мастера Лошковы, например, даже вписывали в контракт условие «...остальные 200 рублей обязуюсь получить чрез 2 года и по исправлении могущих произойти повреждений»³¹.

Интересной частью вологодского скульптурного собрания являются три произведения из католических костелов Вологды: Распятие (ВОКМ 10558/20) и две композиции (ВОКМ 10558/17, 10558/18) из страстного цикла, обычно включающего 12 сюжетов Крестного пути Христа, располагаемых по периметру католического храма. В обеих композициях это упавший на колени Христос. В одном случае, под тяжестью креста,

рядом с ним тот, кто помог ему нести крест. В другом случае – моление в Гефсиманском саду («Моление о чаше»). Костел в Вологде существовал с 1860-го г. (в частном доме), в 1910 г. было построено отдельное здание. В 1925 г. (29 сентября) католические скульптуры передали в музей из ризницы закрытого Успенского монастыря Вологды. Все три произведения по своей стилистике академичны, но с некоторыми нотками экспрессивности, которая лежит в существе их сюжетного повествования.

Скульптура XIX в. – последняя страница истории вологодской сакральной пластики, бытовавшей на вологодских землях с XVI в. История и историки знают имена мастеров, иконографию в виде проектных чертежей и фотографий, подкрепляемую археографией в виде книг вологодских историков-краеведов и архивных документов. Тем более ценным видится собрание вологодского музея-заповедника, которое визуализирует этот яркий период вологодской старины.

¹ Малиновский Н. П. Владимирская церковь в городе Вологде. – Вологда, 1905. – С. 78–91.

² Например, в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге находится один из Атласов таких образцовых проектов.

³ Памятная книжка Вологодской губернии на 1867 и 1868 г. / под ред. Ф. А. Арсеньева. – Вологда, 1868. – С. 26–27.

⁴ Памятная книжка Вологодской губернии на 1875 и 1876 гг. / изд. Вологод. статистич. комитета. – Вологда, 1875. – С. 70–78.

⁵ Горшково О. Д. Контракты с резных дел мастерами первой половины XIX века как источник по истории деревянной скульптуры вологодского Севера. // Реставрация и исследование темперной живописи и деревянной скульптуры : скульптура, прикладное искусство. – М., 1993. – С. 182–186.

⁶ За информацию благодарю Е. А. Виноградову. См.: ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 5164. Дело о подряде на скульпторскую работу в кафедральном Воскресенском соборе. 26.02.1803–25.07.1806.

⁷ Григоров Д. А. Тотма и ее окрестности // Тотма : ист.-лит. альманах. – Вып. 1. – Вологда, 1995. – С. 132. Цит.: «Главное здание собора с 1816 по 1822 г. было перестроено по новому плану архитектора Фохта, как сказано в церковной летописи, «в особенном западном вкусе».

⁸ ГАВО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175. Л. 6.

⁹ Там же. Д. 177. Л. 3 об.

¹⁰ Там же. Д. 175. Л. 7.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 435. Л. 1–1 об.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 128. Л. 1 об.

¹³ Там же. Л. 12.

¹⁴ Там же. Д. 188. Л. 1 об.

¹⁵ Там же. Д. 191. Л. 3 об.

¹⁶ Суворов Н. И. Описание Спасообыденной Всеградской, что в Вологде церкви. – Вологда, 1879. – С. 7–12.

¹⁷ ГАВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 435/1. Л. 1 об. Благодарю за информацию Е. А. Виноградову.

¹⁸ Суворов Н. И. Указ. соч. – С. 7–8.

¹⁹ Суворов И. И. Указ. соч. – С. 10.

²⁰ Суворов Н. И. Указ. соч. – С. 11–12.

²¹ Спасовсеградский собор в городе Вологде и его святыни: альбом. – Сергиев Посад, 1915. – 16 л.

²² Статистика составлена на основании сведений из кн.: История православных храмов и монастырей Вологды / М. В. Васильева и др.; гл. ред. А. В. Камкин. – Вологда, 2014.

²³ Там же. – С. 192.

²⁴ Там же. – С. 144.

²⁵ Там же. – С. 154.

²⁶ ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 128. Л. 1 об. Благодарю за информацию Е. А. Виноградову.

²⁷ История православных храмов и монастырей Вологды... – Вологда, 2014. – С. 32, 56.

²⁸ Там же. – С. 187.

²⁹ Там же. – С. 112.

³⁰ Там же. – С. 198.

³¹ ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 132. Л. 14. За информацию благодарю Е. А. Виноградову; История православных храмов и монастырей Вологды... – Вологда, 2014. – С. 123.

³² ГАВО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 175. Л. 7.

ВОЛОГОДСКИЕ МЕЛОМАНЫ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Статья посвящена вологодским любителям музыки середины XIX века. В ней дается представление о двух основных типах провинциального любительства: меценатстве и творческой деятельности дилетантов-дворян. Кратко охарактеризованы наиболее известные фигуры музыкальной жизни города.

Ключевые слова: Вологда, середина XIX века, музыкальная жизнь, вологодские дворяне Брянчаниновы и Зубовы.

The article is dedicated to the Vologda music lovers of the middle of the XIX century. It gives an idea of two types of provincial lover: patronage and the creative life of lay dilettantes. The most famous figures of the musical life of the city are briefly described.

Key words: Vologda, the middle of the 19th century, musical life, Vologda noblemen Bryanchaninovs and Zubovs.

Дворянскую культуру XIX века сложно вообразить без музыкальной составляющей. Представленный вокальным либо инструментальным исполнительством, а иногда – композиторским творчеством, музыкальный контекст присутствовал в жизни каждой дворянской семьи. Это касалось как столичного, так и провинциального дворянства, копирующего, на доступном в отдаленных городах и поместьях уровне, сложившийся в Санкт-Петербурге и Москве тип культурного времяпрепровождения.

По свидетельству Ф. В. Булгарина, к середине столетия «не только у каждого семейного чиновника, но даже у каждого ремесленника дочери учатся играть на фортепиано»¹. «Хотя здесь совсем не в моде заставлять девиц играть и петь, что говорится, на показ, ... знать музыку непременно надобно», – сообщала девушка, приехавшая в Петербург из провинции².

Любовь к музыке в дворянской среде проявлялась двояко. С одной стороны, она выражалась в активной слушательской позиции: посещении спектаклей и концертов, поддержке и поощрении профессиональных артистов. С другой – существовал довольно большой круг лиц, имевших музыкальные способности и музыкальное образование, хорошо владевших музыкально-исполнительскими навыками и охотно их демонстрировавших – так называемые дилетанты или, на французский манер, аматёры (от фр. «amateur» – любитель).

В середине XIX века, когда в России было крайне мало музыкантов-исполнителей высокого профессионального уровня (первая русская консерватория открылась в 1862 году в Санкт-Петербурге), а гастрольно-концертная практика еще только складывалась, выступления дилетантов составляли основу музыкальной жизни провинции. Подготовленные ими концерты и музыкальные вечера становились событиями общегородского значения. «Музыка, с точки зрения большинства даже образованной публики, составляет еще предмет удовольствия, предмет роскоши, особенно в провинции: во всяком случае она является у нас не как необходимая насущная потребность нравственной стороны, но как что-то отдельное от жизни, не составляющее неопременного ея условия. И конечно, далеко еще время, когда она займет место наряду с другими предметами, сделавшимися в настоящее время необходимыми в программе общего образования человека. Вот почему мы каждый раз спешим занести в нашу губернскую летопись всякое проявление искусства, в каком бы виде и форме оно не выражалось», – размышлял современник³.

Гастролирующие исполнители редко баловали город своим присутствием. Поэтому известных артистов в Вологде всегда встречали с неподдельным энтузиазмом. Музыкантов приглашали в частные дома, им всячески угождали, нередко подносили подарки. Например, в 1850-е годы город тепло принял скрипача Н. Я. Афанасьева (1851), певца А. О. Бантышева и пианиста А. И. Дюбюка (1852), капельмейстера А. Париса (1853), других музыкантов. Но, пожалуй, наиболее восторженный прием был

оказан пианисткам сестрам В. В. и Н. В. Погожевым. Два вечера фортепианной музыки с их участием состоялись 26 и 31 января 1851 года в зале Дворянского собрания.

Артистическая карьера Веры и Натальи Погожевых началась в 1840-е годы, когда в России, как и повсюду в Европе, сформировалась устойчивая мода на выступления детей-виртуозов. В юном возрасте сестры были чрезвычайно популярны, о них часто и много писали газеты и журналы. Образование девушки получили в Лейпцигской консерватории, их преподавателем фортепианной игры был знаменитый И. Мошелес.

Отчеты о выступлениях Погожевых в Вологде появились не только в местной, но и в столичной прессе. О том, что «девицы Погожевы... в январе отправились в Вологду, где были приняты отлично тамошним благородным обществом», – сообщила своим читателям «Северная пчела»⁴. «Превосходные рояли Вирта были предложены девицам Погожевым помещицами Варварой Александровною Засецкой и Настасьей Александровною Шлегель, и, после весьма удачных концертов, девицы Погожевы испытали в Вологде и Русское древнее гостеприимство, и Русскую старинную щедрость. В. В. Погожева получила подарки: от помещицы Варвары Александровны Засецкой – два золотые браслета; от Елизаветы Карловны Брянчаниновой – два золотые браслета с алмазами и аметистами, от Губернского Дворянского предводителя Павла Александровича Межакова обе сестры получили по паре золотых серег с цветными камнями. Это благородное внимание к Русским талантам и поощрение их приносит честь чувствам Вологодского благородного общества»⁵.

В статье упоминаются хорошо знакомые вологжанам имена. Варвара Александровна Засецкая (1789 – 1869) организовала в Вологде первую кружевную фабрику и открыла в сельце Ковырино училище для детей крепостных крестьян. Помещицей Настасьей Александровной Шлегель в 1855 году была построена деревянная церковь Николая Чудотворца в местечке Дягилево, недалеко от современного с. Новленское Вологодского района. К сожалению, не удалось обнаружить сведений о Елизавете Карловне Брянчаниновой, урожденной баронессе Остен (1823 – 1858), супруге Н. П. Брянчанинова, могила которой сохранилась на территории усадьбы Покровское под Вологдой (ил. 2).

Павел Александрович Межаков (1788 – 1865), напротив, не нуждается в специальном представлении. Известный в первой трети XIX столетия поэт, он был знаком с Г. Р. Державиным, К. Н. Батюшковым, Н. И. Гнедичем, П. А. Вяземским. Образование Межаков получил Московском Университетском благородном пансионе, известном своими музыкальными традициями, затем служил в коллегии иностранных дел и в комиссариатском штате военного ведомства. Он дважды избирался вологодским губернским предводителем дворянства. Имение Межаковых Никольское во второй половине XVIII – первой половине XIX века славилось дворцом и парком, богатейшей в губернии библиотекой, картинной галереей, оркестром и крепостным театром (ил. 3).

Концертные выступления вологодских дилетантов также нашли отражение на страницах периодической печати. Так, развернутая статья «Вологодских губернских ведомостей» посвящена состоявшемуся 8 мая 1859 года концерту в зале Дворянского собрания, когда «обществом благородных любителей музыки дан был... концерт в пользу здешней женской гимназии... в этот вечер преимущественно пользовались восторженным одобрением публики талантливая и прекрасная певица-пианистка М. П. Сутоцкая и М. М. Зубов, тенор, с отлично обработанною методою пения...»⁶.

В «Ведомостях» от 9 марта 1863 года приведена программа концерта вологодских «любителей музыки и пения», состоявшегося 28 февраля в зале Дворянского собрания. В первом отделении прозвучали увертюра из оперы «Вильгельм Телль» Дж. Россини, которую исполнили Ф. А. и А. А. Брянчаниновы, В. Е. Заханевич и О. К. Клем, ария из оперы «Лукреция Борджиа» Г. Доницетти (О. Н. Брянчанинова), концерт Ф. Мендельсона-Бартольди (Ф. А. Брянчанинова) и ария из оперы «Семирамида» Россини (княжна С. П. Ухтомская). Второе отделение включало фантазию Тальберга на темы из оперы Мейербер «Роберт-дьявол» в исполнении В. Е. Заханевича, дуэт «Ach,

caraimagin» Габусси (О. Н. Брянчанинова и Д. Е. [?]. Брянчанинов), концерт Герца (А. А. Брянчанинова [?]). В заключение прозвучали три «цыганские песни с хором: «Любовь цыганки», «Песнь цыганки» и «Вдоль по улице метелица метет»⁷, исполнили гг. аматёры»⁸.

Анализ газетных публикаций позволяет выделить круг вологжан, имевших славу хороших музыкантов. Найти и систематизировать информацию о них сегодня достаточно сложно. Однако некоторые сведения все же удалось обнаружить. Прежде всего, они касаются представителей известных в губернии семей Брянчаниновых, Межаковых и Зубовых.

Пристального внимания заслуживает фигура Михаила Михайловича Зубова (1837 – 1901). В Российском государственном историческом архиве сохранилось дело «О службе состоявшего в ведомстве Санкт-Петербургских театров уволенного по прошению актера оперной труппы Михаила Зубова»⁹, которое свидетельствует о его обучении у Федерико Риччи – композитора, дирижера, одного из наиболее авторитетных учителей пения в Петербурге. Зачисленный в труппу императорских театров в 1858 году, М. М. Зубов все же не увидел свет ramпы. Судя документам дела, помешали проблемы со здоровьем. Однако по сведениям Н. В. Лукиной, осенью того же года Михаил Михайлович уехал в Милан, продолжил обучение пению у итальянских мастеров и некоторое время выступал на сцене театра LaScala¹⁰. Вернувшись в Россию в 1866 году, Зубов служил в оперных театрах Киева, Харькова и Одессы. В 1875 году он принял решение о завершении своей сценической карьеры и вернулся в Вологду, где сразу стал одной из ключевых фигур музыкальной жизни. Известно, что в 1880-е годы Зубов вел класс сольного пения в Мариинской женской гимназии¹¹, а также возглавлял воскресную школу хорового пения в рамках деятельности организованного в 1879 году «Общества любителей музыкального и драматического искусств»¹².

Из представителей рода Брянчаниновых в концертной жизни Вологды середины XIX века принимали активное участие представители так называемой «юровской ветви»: Анатолий Александрович Брянчанинов (1839 – 1918) и его младшая сестра Фаина Александровна (ил. 1), в замужестве Межакова (1841 – 1923)¹³, и их кузина Ольга Никитична Брянчанинова (1836 (1837?) – 1907)¹⁴. Представителя семьи Брянчаниновых, имеющего инициалы Д. Е., обнаружить не удалось. Но, возможно, в газете присутствует опечатка, и речь идет о Дмитриии Никитиче Брянчанинове (1843 – 1895). Как видно, все они были молоды и хорошо обучены: в 1863 году названным участникам концерта было от 20 до 27 лет, а исполненные ими произведения достаточно сложны позволяют судить о хорошей музыкальной подготовке.

Среди перечисленных музыкантов-любителей выделяется Анатолий Александрович Брянчанинов, впоследствии получивший известность благодаря своей литературной деятельности. Он начал писать в молодые годы, будучи студентом Главного Инженерного училища в Петербурге. В 1860 – 1870-е годы его рассказы и повести печатались в «Сыне Отечества», «Русском вестнике», газете «Орловский вестник» (в Орел Брянчанинов переехал в середине 1870-х годов). Анатолий Александрович был дружен и состоял в переписке с И. С. Тургеневым. В конце столетия он вернулся в Вологду и некоторое время был редактором неофициальной части «Вологодских губернских ведомостей»¹⁵.

К сожалению, в процессе работы над статьей не удалось обнаружить сведений о многих других вологодских дилетантах, деятельность которых пришлась на середину XIX века. Поиск информации о них – перспектива дальнейших исследований.

¹ Очерки по истории русской музыки XIX века. – М; Л., 1965. – С. 4.

² Нравы. Письма провинциалки из столицы // Северная пчела. – 1830. – 10 июня (№ 69).

³ Вологодские губернские ведомости. – 1859. – 9 мая (№ 19). – С. 151.

⁴ Северная пчела. – 1851. – 21 февраля (№ 40).

⁵ Там же.

⁶ Вологодские губернские ведомости. – 1859. – 9 мая (№ 19). – С. 152.

⁷ «Вдоль по улице метелица метет» – популярный романс А. Е. Варламова.

⁸ Вологодские губернские ведомости. – 1863. – 9 марта (№ 10). – С. 31.

⁹ РГИА. Ф. 497. Оп. 2. Д. 16561. Л. 19.

¹⁰ Лукина Н. Михаил Михайлович Зубов, автор четырех опер на сюжеты А. С. Пушкина // Лукоморье. – Рига, 1998. – № 3. – С. 36.

¹¹ Вологодские губернские ведомости. – 1886. – 28 марта (№ 13). – С. 10.

¹² Заметка о деятельности Вологодского общества любителей драматического и музыкального искусства // Вологодские губернские ведомости. – 1880. – 10 июля (№ 50). – С. 1.

¹³ Их отец, Александр Петрович Брянчанинов с 1859 года был владельцем усадьбы Юрово Грязовецкого уезда.

¹⁴ Идентифицированы на основе данных статьи: Соколова Л.Д. Родословие семьи Брянчаниновых // Городок на Московской дороге : ист.-краевед. альманах. – Вологда, 1994. Интернет-ресурс. http://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_05.htm Дата обращения – 04.11.2016.

¹⁵ См. о нем: Брянчанинов Анатолий Александрович // Писатели Орловского края: Биобиблиографический словарь. – Орел, 1981. Интернет-ресурс. http://www.booksite.ru/usadba_new/brenko/3_27.htm. Дата обращения – 04.11.2016.

Список иллюстраций к статье

1. Ф. А. Межакова с дочерью Марией. 1898.
2. Надгробие Е. К. Брянчаниновой.
3. Дом Межаковых.

1. Ф. А. Межакова с дочерью Марией.
1898

2. Надгробие Е. К. Брянчаниновой

3. Дом Межаковых

**НОВООТКРЫТЫЕ АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О РОСПИСЯХ
П. С. ТЮРИНА В ВОЗНЕСЕНСКОМ СОБОРЕ
ТОТЕМСКОГО СПАСО-СУМОРИНА МОНАСТЫРЯ**

Статья посвящена не известным ранее архивным документам из Государственного архива Вологодской области, раскрывающим работу академика П. С. Тюрина над росписью Вознесенского собора Тотемского Спасо-Суморина монастыря в 1864 – 1865 гг.

Ключевые слова: *город Тотма, Спасо-Суморин монастырь, Вознесенский собор, Платон Тюрин, росписи собора, архимандрит Нафанаил, архивные документы.*

The article is devoted to previously unknown archive documents from the State Archives of the Vologda Region, which reveals the work of Academician P. S. Tyurin over the painting of the Ascension Cathedral of the Totem Spaso-Sumorin Monastery in 1864 – 1865.

Keywords: *Totma city, Spaso-Sumorin monastery, Ascension Cathedral, Platon Tyurin, murals of the cathedral, Archimandrite Nathaniel, archival documents.*

Тотемский Спасо-Суморин монастырь на Севере издавна считался центром православной культуры и духовности. Основанный в середине XVI века монахом Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Феодосием Сумориным и перестроенный из камня в XVII–XIX веках, монастырь к началу XX века представлял собой цельный архитектурный комплекс. После утраты колокольни в 30 – 50-е годы XX столетия главную роль в ансамбле играет Вознесенский собор, построенный в 1796 – 1825 годах по проекту Василия Казакова, сына прославленного архитектора Матвея Казакова.

Богатое внутреннее убранство собора не сохранилось, на стенах и куполе частично уцелели росписи, выполненные в 1864 – 1865 годах академиком живописи Платоном Семеновичем Тюриным, которые впервые были исследованы в конце 80-х годов прошлого столетия кандидатом искусствоведения Мирой Евсеевной Даен¹.

К сожалению, до настоящего времени почти ничего не известно о времени пребывания художника в Тотме, о его титаническом труде в Вознесенском соборе Тотемского монастыря. Поэтому мне бы хотелось представить вам новую информацию – документы, которые были исследованы мною в Государственном архиве Вологодской области.

Документы свидетельствуют о том, что в Вологодскую духовную консисторию поступает просьба от архимандрита Тотемского Спасо-Суморина монастыря Нафанаила с братиею разрешить расписать холодный Вознесенский собор и пригласить для этого академика живописи художника Платона Семеновича Тюрина.

Разрешение было получено, о чем свидетельствует Указ Вологодской духовной консистории от 24 января 1864 года. «... Слушали прошение Ваше о дозволении в холодном Вознесенском храме стены и свод покрыть колерами на масле и в приличных местах украсить живописными изображениями, а именно: в алтаре на своде написать Сошествие Святого Духа на апостолов, на куполе Бога Отца, Бога сына, Бога Духа святого, окруженных небесными силами: Архангелами и Ангелами, Херувимами и Серафимами. Ниши, кумпалы между окнами в простенках шестнадцать пророков, ниже пророков на четырех арках колонн и столбов держащих на себе кумпол, написать четырех Евангелистов»².

В этом же документе оговаривается сумма оплаты за работу и о немедленном заключении контракта с Платоном Тюриным: «Каковое дело стоимостью будет простирается, по соображению Академика живописи, желающего лично трудиться Платона Тюрина – до 1500 руб. серебром на сем прошении Его Преосвященства Христофор, епископ Вологодский и Устюжский и кавалер резолюцию дать следующую: производство прописанной работ внутри храма дозволяется на прописанном условии.

Настоятелю монастыря со старшей братиею не медлить заключить в помянутом прошении мастером на законном основании контракт»³.

Судя по записям прихода-расходных книг Спасо-Суморина монастыря, выполнение росписей в Тотемском Вознесенском соборе стало делом всенародным. Средства «на живопись» поступали не только из Тотемского уезда и других уездов Вологодской губернии, но и из-за ее пределов. Как иногородние узнавали о росписи Тотемского собора? Возможно, это были выходцы с этих краев, или сведения о росписи помещались в печатных изданиях. Например, уже в марте 1864 года поступили деньги «от послушников Льва Анфалова и Льва Томашского, собранные ими в Вельском уезде от усердствующих на устройство живописи 110 руб. 50 коп.»⁴.

Работы в соборе были начаты в апреле 1864 года. Вместе с П. С. Тюриним живопись выполняли послушник монастыря Евгений Сергиевский, крестьянин Кадниковского уезда Кокомысловского правления, дер. Туриева Михаил Владимирович Молодцов, который был зачислен в состав братии⁵. Участие живописца Ивана Африкановича Скрипицына также подтверждено документально: «30 сентября. Плачено живописцу Академии ученику Вологодского гражданина сыну Ивану Африканову Скрипицыну за написание в холодном храме Вознесения Господня уборки на стенах в течение месяца 50 руб., и одного клейма под хороми Божией Матери среди херувимов 50 руб., всего 100 руб.»⁶.

Позолоту в соборе выполнял тотемский мещанин, позолотчик – Иван Иванович Ушаков, которому была доверена выписка золота из Москвы; столярные работы – тотемский мещанин, столяр – Павел Александрович Коровкин. Работы по железу выполнял тотемский мещанин, кузнец Иван Иванович Мишуринский.

О большом объеме выполненных Платоном Тюриним работ свидетельствуют следующие строки из монастырских книг: «Выдано живописцу Академику Платону Семеновичу Тюрину за написание Бога Отца и Бога Сына и Духа святого, обстоящего небесными силами – Архангелом и Ангелами – 53 лица и херувимами и серафимами – 24 лица, ниже купола в простенках между окнами – 16 пророков, повыше – 16 херувимов; ниже пророков на 4-х углах, четыре евангелиста; в Алтаре – на своде – Сошествие Святого Духа на Апостолов – 15 лиц...»⁷.

В «Журнале входящих бумаг» Вологодской духовной консистории находим запись о посещении Тотьмы и Спасо-Суморина монастыря Епископом Вологодским и Устюгским Христофором: «Живописная работа Академика Платона Тюринина на разных местах внутри храма была осмотрена лично в прошлое лето и найдена произведенною во всех частях исправно с знанием дела и прилично святости места; дозволяется произвести через него же и в будущее лето предположенная остальным живописным изображениям и позолоту с употреблением в расход прописанного количества денег, когда доходы обители то позволяют»⁸.

В 1865 году в Вологодскую духовную консисторию поступила новая просьба от архимандрита Нафанаила с братиею на продолжение росписей. В Тотьму пришел ответ с разрешением летом 1865 года продолжить украшение росписями холодного Вознесенского собора. Снова собираются деньги «на живопись». Уже в январе 1865 года монахом Александром и послушником Кириллом Томатским в Устюгском и Сольвычегодском уездах собрано 300 руб. Послушниками Иваном Малевинским и Василием Поповым в Кокшенгской и Демьяновской волостях собрано около 300 рублей.

По данным за 1865 год, с января по ноябрь денег поступило 1900 рублей: более 800 рублей собрано послушниками монастыря в Тотемском уезде, более 400 – в Вельском, более 200 – в Никольском, более 100 – в Кадниковском уездах.

На основании прихода-расходных книг Спасо-Суморина монастыря стало известно, что поступали деньги «на живопись в холодном Вознесенском соборе» и от частных лиц. Например, от Санкт-Петербургского цехового мастера Ивана Александровича Уткина и зятя его – 15 рублей; от вологодского купца Николая Яковлевича Сарафанова – 10 рублей, получено с почтою из Санкт-Петербурга от Александры Федоровны

Нащокиной – 25 рублей, от разных благотворителей – 50 рублей»⁹. Судя по документам, деньги поступали до ноября 1865 года, видимо, к этому времени работы были выполнены полностью.

В полученном из Духовной консистории документе в феврале 1865 года указаны конкретные сюжеты для росписей, которые позволяют сегодня понять, что спрятано за побелкой, нанесенной в советское время: «На правой стене над приделом Божией Матери Тихвинской: Благовещение Пресвятой Богородицы, Рождество Христово с поклонением волхвов и пастырей, и Сретение Господне.

На левой стороне над приделом Преподобного Феодосия, над святыми его мощами: Богоявление Господне, Снятие со креста Господа Иисуса Христа и Воскресение Христово, а в алтаре главное написать три клейма: Спасителя, Божие Матерь и Иоанна Крестителя. Стены же во всей церкви и передних приделах и во всех трех алтарях, равно колонны и пилястры убрать под мрамор масляными красками под лаком, (слайд) а карнизы и капители вызолотить»¹⁰.

Платон Семенович Тюрин не только выполнял настенную живопись, но и руководил другими работами внутри собора. Некоторые документы даже свидетельствуют о личностных качествах художника, когда он просит поощрить своих помощников. Например, послушнику монастыря Евгению Сергиевскому, который все лето трудился под надзором П. С. Тюрин, было выдано вознаграждение в размере 15 рублей по просьбе художника. Столяру П. А. Коровкину по распоряжению художника заплачено 48 рублей.

Огромный объем работы был выполнен не только Платоном Тюриным, но и его помощниками. Например, позолотчик Иван Ушаков вызолотил 22 капители, карниз с медальонами на протяжении 26 сажень, архитрав на 20 сажень, 96 балясин и др. Столяр Коровкин выполнял наборные тесовые работы, оклеивал поверхности холстом, шпатлевал, набирал полы, производил покраску, изготовлял двери, балясины и др.¹¹

Таким образом, грандиозное сооружение – Вознесенский собор, выполненный по проекту столичного архитектора, расписанный художником – академиком, представлял большую ценность. И, согласно страховой оценки на 1910 год, он был оценен в 36 тысяч рублей, в то время как главный Преображенский собор – всего в 15 тысяч¹².

В книге тотемского краеведа В. Т. Попова, изданной в конце XIX столетия, есть сведения о посещении монастыря и Вознесенского собора в 1870 году Его Императорским Высочеством Государем Великим князем Алексеем Александровичем: «В притворе Вознесенской церкви, при многолюдном стечении народа приложившись здесь к животворящему кресту и приняв окропление святой водою, вступил в помеченный храм, в котором почивают нетленные мощи угодника»¹³. В 1898 году имел возможность созерцать росписи, побывав в Вознесенском соборе монастыря, Великий князь Сергей Александрович, путешествующий по Вологодской губернии¹⁴.

Неоднократно выполненные художником Тюриным росписи находились под угрозой исчезновения. Здесь имеются в виду пожары. Об одном из них в 1917 году пишет крестьянин Александр Алексеевич Замараев в своем дневнике: «...в монастыре произошел грандиозный пожар. Загорело на колокольне. Не знаю, от неосторожности звонаря или зажгли с намерения посторонние... Вверху загорели купола. Крест с колокольни с ужасной вышины рухнул, купола, недавно серебрянные, сгорели. Колокола все рухнули. Огонь перебросило на соседний корпус. Были привезены и пущены в дело все пожарные машины. Тысяча человек работали. Женщины носили воду ведрами, ушатами. Мужчины заливали и выносили церковное имущество, а также женщины выносили утварь, иконы, облачение из обоих соборов. Благодаря усилию народа огню не дали проникнуть в большие корпуса и храмы, которые остались целы»¹⁵.

Угроза исчезновения росписей возникла и в послереволюционный период, когда в монастыре были осквернены мощи его основателя Феодосия Суморина. Об этом событии мы тоже узнаем из дневника крестьянина Замараева. На митинге в начале 1918 г. было принято решение о закрытии обители¹⁶. А потом – каких только

заведений здесь не было! Детский дом, красноармейская коммуна, архивохранилище, лесотехнический техникум, ГПТУ – 19, воинская часть дорожников¹⁷. Но если у тех, кто занимал эти помещения, хватало средств на поддержку строений, то о сохранении росписей никто не думал, а самое главное, первоначально в годы Советской власти это было вне государственной идеологии.

В 90-е годы взяло святыню под свою опеку Тотемское музейное объединение. После многочисленных субботников и ремонта за счет собственных средств музея на территории монастыря появилось открытое хранение фондов Тотемского музейного объединения и музейная гостиница «Монастырские кельи».

Летом 2014 года вологодский епископ (ныне митрополит Вологодский и Кирилловский) Игнатий издал распоряжение о создании на территории Спасо-Суморина монастыря архиерейского подворья. Так началась новая страница в жизни обители, совместная с деятельностью нашего музейного объединения. В работу включаются неравнодушные тотмичи, желающие возродить обитель.

В связи с этим мне хотелось бы выразить надежду на сохранение и реставрацию росписей, выполненных художником П. С. Тюриным, чтобы они не были утрачены безвозвратно.

¹ Даен М. Е. Монументальные росписи П. С. Тюрина. Научный архив Тотемского музейного объединения (далее Н. а. ТМО) № 1474.

² ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 158. Л. 1, 10-об., 18–18-об. Журнал входящих бумаг в 1864 году.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 81. Книга о приходе и расходе Спасо-Суморина монастыря за 1864 год.

⁵ Там же. Д. 158. Л. 10. Журнал входящих бумаг в 1864 году.

⁶ Там же. Д. 82. Книга о приходе и расходе сумм Тотемского Спасо-Суморина монастыря за 1865 год.

⁷ Там же. Д. 158. Л. 251–251 (об.), 252. Журнал входящих бумаг в 1864 году.

⁸ Там же. Д. 81. Книга о приходе и расходе сумм Спасо-Суморина монастыря на 1864 год.

⁹ Там же. Д. 82. Книга о приходе и расходе сумм Тотемского Спасо-Суморина монастыря за 1865 год.

¹⁰ Там же. Д. 158. Л. 251 об., 252. Журнал входящих бумаг в 1864 году.

¹¹ Там же. Д. 82. Книга о приходе и расходе сумм Тотемского Спасо-Суморина монастыря за 1865 год.

¹² Страховая оценка строений, принадлежащих Тотемскому Спасо-Суморину монастырю. 1910. 25–28 июля. Н. а. ТМО № 752.

¹³ Попов В. Т. Город Тотма, Вологодской губернии : ист. очерк / В. Т. Попов. – Вологда, 1886. – С. 84–85.

¹⁴ Полиевктов Н. А. Посещение Его Императорским Высочеством Великим князем Сергием Александровичем Вологодской губернии 29 мая–7 июня 1898 г. / Н. Полиевктов. – Вологда, 1898. – С. 14.

¹⁵ Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева 1906–1922 годы. Рукопись. 1917 год. Т. 36454.

¹⁶ Там же, 1918 год.

¹⁷ Притчина В. А. Спасо-Суморин монастырь перед своим закрытием // Преображение в веках. – Вологда, 2007. – С. 90–97.

**ВЫДАЮЩИЕСЯ МАСТЕРА РУССКОГО ИСКУССТВА XIX ВЕКА
В ПРОСТРАНСТВЕ МЕЖМУЗЕЙНОГО ВЫСТАВОЧНОГО ПРОЕКТА
«ВАШИ ЛЮБИМЫЕ ХУДОЖНИКИ И ИХ СВЯЗЬ
С КУЛЬТУРОЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ»**

В статье описаны новые проекты Вологодской картинной галереи, связанные с именами К. Е. Маковского, И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина и В. В. Верещагина, устанавливается связь этих широко известных художников с Вологодским краем, приводятся не известные ранее документы о семье дворян Летковых, проживавших в Вологде и связанных с К. Е. Маковским.

Ключевые слова: Вологодская картинная галерея, выставки, К. Е. Маковский, И. И. Шишкин, И. К. Айвазовский, В. В. Верещагин, живопись, графика, семья Летковых, архивные документы.

The article describes new projects of the Vologda Picture Gallery related to the names of K. E. Makovsky, I. K. Aivazovsky, I. I. Shishkin and V. V. Vereshchagin, a connection is established between these well-known artists and the Vologda region, the previously unknown documents on the family of the noblemen of the Letkovs who lived in Vologda and are related to K.E. Makovsky.

Keywords: Vologda Picture Gallery, exhibitions, K. E. Makovsky, I. I. Shishkin, I. K. Aivazovsky, V. V. Vereshchagin, painting, graphics, the family of Letkovs, archival documents.

В рамках межмузейного выставочного проекта «Ваши любимые художники» в Шаламовском доме Вологодской областной картинной галереи прошли четыре художественные выставки: «Русские художники Маковские» (2011), «Богатырь русского леса» (к 80-летию со дня рождения И. И. Шишкина) (2012), «Айвазовский и русский морской пейзаж» (2014), «Верещагин и батальный жанр в русском искусстве XVIII – начала XX веков» (2015), которые пользовались большой популярностью как у ценителей искусства, так и у всех категорий населения. Они позволили говорить со зрителем не только об особенностях творчества этих выдающихся мастеров, об их роли в развитии русского искусства XIX века, но и о зарождении, становлении новых стилей и направлений в изобразительном искусстве, об истории развития жанров. Данный проект был разработан Ярославским художественным музеем. Слово «ваши» в названии проекта – это, конечно же, обращение к зрителю.

В проекте приняли участие музеи Вологды (ВОКГ), Иваново (ИОХМ), Костромы (КГИАХМЗ), Переславля-Залесского (ПЗГИАХМЗ), Плеса (ПГИАХМЗ), Рыбинска (РГИАХМЗ), Твери (ТОКГ), Череповца (ЧерМО) и Ярославля (ЯХМ).

На выставке «Русские художники Маковские», которая состояла из живописного и графического разделов, было представлено творчество знаменитой художественной династии, как старшего, включая произведения Константина Егоровича (1839 – 1915), Владимира Егоровича (1846 – 1920), Николая Егоровича (1841 – 1886), Александры Егоровны (1837 – 1916) Маковских, так и младшего поколений – Елены Константиновны Лукш-Маковской (1878 – 1967), Александра Владимировича Маковского (1869 – 1924), а также труды искусствоведа Сергея Константиновича Маковского (1877 – 1962), редактора художественного журнала «Аполлон» (1909 – 1917) и издателя журналов «Старые годы» (1907 – 1917) и «Русская икона» (1913).

Выставка «Богатырь русского леса» познакомила зрителей с живописными полотнами и графическими произведениями одного из родоначальников и ярчайших представителей русского реалистического пейзажа – И. И. Шишкина (1832 – 1898).

Следующие две выставки только в Вологде получили такие названия. Нами были созданы более масштабные по сравнению с другими участниками проекта экспозиции. На выставке, посвященной знаменитому маринисту И. К. Айвазовскому (1817 – 1900), шел разговор и о развитии русского морского пейзажа, благодаря введению в экспозицию

произведений художников XIX – начала XX века, обращавшихся к изображению морских видов. Здесь были представлены и живописные полотна двух внуков И. К. Айвазовского: М. П. Латри (1875 – 1942) и А. В. Ганзена (1876 – 1937). Романтическое звучание этой выставки было усилено включением в нее макетов парусников из собрания судомоделиста, череповчанина С. В. Лушкина (род. 1953). На выставке, посвященной творчеству В. В. Верещагина (1842 – 1904), были показаны и батальные картины, гравюры, рисунки русских художников XVIII – начала XX века.

При создании в рамках проекта экспозиций в Вологде были привлечены к сотрудничеству Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее ВГИАХМЗ), а также Вологодская областная универсальная научная библиотека им. В. И. Бабушкина.

Эти выставки, задуманные как передвижные, были показаны во всех музеях-участниках проекта.

Знаменитые мастера, творчество которых представлено в проекте, были объединены эпохой, хорошо знакомы, в той или иной степени связаны друг с другом. Так, К. Е. Маковский написал портрет И. К. Айвазовского¹, И. И. Шишкин во время поездок в Крым бывал у знаменитого мариниста в Феодосии (1879), В. В. Верещагин продал свою парижскую мастерскую в Мезон-Лаффите К. Е. Маковскому (1891), а на смерть И. И. Шишкина откликнулся в одном из своих «Листков из записной книжки», которые регулярно публиковал в «Русских ведомостях»².

Нам представилось интересным выявить связь этих широко известных художников с Вологодским краем. Результаты исследования оказались весьма любопытными.

Второй женой К. Е. Маковского была Юлия Павловна (в девичестве Леткова) (1859 – 1954). «Юлию Павловну знает во многих лицах не только вся Россия, но и весь шар земной, в тех своих культурных частях, где имеются художественные музеи и картинные галереи, иллюстрированные журналы и олеографии. Супруга знаменитого художника, Константина Егоровича Маковского, Юлия Павловна глядит едва ли не со всех картин лучшей поры его творчества»³ (ил. 6).

Юлия Леткова в годовалом возрасте была привезена родителями из Санкт-Петербурга в Вологду в 1860 году вместе с сестрами (Еленой, Александрой, Екатериной), где их отец, статский советник Павел Степанович Летков (1826 – ?), более десяти лет занимал должность начальника управления Вологодского телеграфного отделения. Юлия и три ее старшие сестры учились в Вологодской Мариинской женской гимназии (далее ВМЖГ), что подтверждают материалы, обнаруженные в Государственном архиве Вологодской области (далее ГАВО).

Из «Журнала заседания Педагогического совета Вологодской Мариинской женской гимназии» мы узнаем, что «Педагогический совет Вологодской Мариинской женской гимназии, в заседании 9 июня 1868 года, рассмотрев экзаменационные списки воспитанниц определил <...>: 6.) Перевести из I класса в II: <...> Юлию Леткову <...>»⁴. «10., Определено наградить похвальными листами за отличные успехи воспитанниц: <...> 1-го класса – Юлию Леткову <...>»⁵. На основании этих документов можно утверждать, что Юлия Леткова поступила в гимназию в 1867 году в возрасте 8 лет.

В собрании ВГИАХМЗ находятся три фотографии выпускниц ВМЖГ, на которых запечатлены сестры Летковы. Фотографии потребовали дополнительной атрибуции, так как на двух из них были обозначены лишь фамилии учениц, а на одной, наряду с фамилиями, – первые две буквы имен.

На обороте фото (ВГИАХМЗ. № 31402/1) (ил. 1) имеется надпись: «Выпуск вологодской женской гимназии 1870 года 1). Леткова <...>».

В «Деле Вологодской Мариинской женской гимназии о выбывающих ученицах и выдаче документов их в 1872 году» имеется прошение главы семейства Летковых в педагогический совет ВМЖГ, в котором он пишет: «Послучая потери аттестата, выданного из Мариинской женской гимназии, в 1870 году об окончании курса Еленой Летковой, имею честь покорнейше просить Педагогический Совет выдать засви-

детельствованную копию с онаго, которая необходима для поступления на службу в Телеграфное ведомство»⁶. На основании его мы можем сделать вывод, что на этом фото запечатлена Елена Леткова (1-ая слева). Вот что писал о ней в будущем А. В. Амфитеатров в статье, посвященной трем сестрам Летковым: «Прекраснейшею из трех считалась Елена. Ее я видел и помню только мельком – проскользнула пред юношескими глазами, «как мимолетное виденье, как гений чудной красоты». В противность сестрам, которым суждена была жизнь до преклонной старости, Елена Леткова недолго украшала собою восьмидесятную Москву. Выйдя замуж за богатого владельца одной из лучших московских аптек <...>, Елена Павловна умерла родами»⁷.

На следующей фотографии (ВГИАХМЗ. № 31402/2) (ил. 2) присутствует надпись: «V класс Вологодской Мариинской Женской Гимназии 1869-70 года. 1. Ал. Леткова. <...>. 5. Ек. Леткова» и цифры над каждой из воспитанниц. Таким образом, на фото мы видим двух сестер Летковых: Александру (1-ый ряд 1-ая слева под цифрой 1) и Екатерину (1-ый ряд, 3-я слева под цифрой 5).

Из воспоминаний С. К. Маковского мы узнаем, что в 1877 году сестра Ю. П. Маковской (Летковой) – Александра Павловна позировала вместе с ней для картины К. Е. Маковского, посвященной событиям на Балканах (ил. 7): «Болгарские мученицы» написаны <...>, на злободневную тему: турецкие башибузуки в разгромленной церкви надругаются над женщинами-христианками. Для одной (прижимающей к груди младенца) позировала моя мать; лицо другой, распростертой на полу уже мертвой женщины, написано с тетки Александры Павловны Летковой. Обе очень похожи, – отец оставался портретистом и в жанровых композициях. У нас была большая фотография с этих «Мучениц»⁸.

На фото (ВГИАХМЗ. №31402/4) (ил. 3) читается надпись: «VII класс 1 Леткова <...>». На обороте его написано: «Выпуск Мариинской Женской Гимназии 1871 – 1872». Фотографию удалось атрибутировать на основании «Списков учениц, окончивших курсы в Вологодской Мариинской женской гимназии с 1868 года» и «Описи документов учениц VIII класса Вологодской Мариинской женской гимназии»⁹:

№	Фамилия при окончании гимназии	Фамилия по мужу	Общественное положение мужа	Адрес	Постановление ... (нрзб.)
	В 1872 из VII кл.				
5.	Леткова Екатерина	—	—	—	—

«<...> Екатерины Летковой

1. Аттестат об окончании курса в гимназии, от 12 июня 1872 г. за № 29»¹⁰.

Эти документы подтверждают, что на фото – Екатерина Леткова (1-ая слева). Она окончила дополнительный педагогический VIII класс в 1873 году, а затем единственная из сестер получила высшее образование в Москве на Высших женских курсах В. И. Герье, которые имели историко-филологическую направленность. Она была самой одаренной из сестер Летковых, став популярной в свое время писательницей, мемуаристкой, переводчицей. Известен ее портрет кисти К. Е. Маковского (1879) (ил. 10), на котором Екатерине 23 года.

Восторженные слова в год кончины Е. П. Летковой-Султановой (1856 – 1937) посвятил ей А. В. Амфитеатров: «...я был гимназистом седьмого-восьмого класса, когда Екатерина Павловна не только сияла в Москве звездой большого света: это еще не обличает возраста, но уже и литературное имя имела, была весьма замечена и критикою, и публикою, печатала в толстых журналах повести, ученые статьи и переводы с нескольких языков. <...> Думаю, что не оставалось в те времена ни одного выдающегося на московском горизонте светила, которое не покружилось бы хоть немного в сфере притяжения этой солнечной девы, «благоговевя богомольно пред святыней красоты»¹¹. Она действительно была яркой личностью своего времени, сочетая в себе красоту и женственность с глубоким умом, культурой, свободомыслием и самостоятельностью¹².

Екатерина Павловна стала моделью и для картины К. Е. Маковского «Боярский свадебный пир в XVII веке» (1883) (ил. 8), которая на Всемирной выставке в Антверпене (1883) была удостоена Большой золотой медали.

«На каком-то чествовании Тургенева возле знаменитого писателя сочли нужным посадить первых московских красавиц: то были Екатерина Павловна Леткова, впоследствии Султанова, сотрудница «Русского Богатства», <...>, и Александра Дмитриевна Бугаева (прим. автора: мать поэта Андрея Белого). Они сидят рядом и на известной картине К. Е. Маковского «Боярская свадьба», где с Александры Дмитриевны писана сама молодая, а с Екатерины Павловны – одна из дружек»¹³.

Сестры Летковы, как в детстве, так и в последующие годы жизни были очень дружны, вели переписку, часть которой находится в Российском государственном архиве литературы и искусства¹⁴, они всегда поддерживали друг друга. Так Екатерина Павловна часто материально помогала младшей сестре Евгении, а старшую Александру, оставшуюся незамужней, взяла к себе и содержала ее в старости¹⁵.

В отличие от Константина Егоровича Маковского, блестящего мастера парадных портретов русской аристократии, знаменитый баталист Василий Васильевич Верещагин брал своих героев из низов, находя их на улицах, рынках, площадях. Уроженец г. Череповца Новгородской губернии, он бывал и в соседней губернии – Вологодской. Летом 1894 года он предпринял путешествие на барке по Северной Двине (от Устюга до Архангельска) и по Белому морю, результатом которого стало не только множество живописных этюдов, но и литературный дневник «На Северной Двине. По деревянным церквям» (1896), и сборник «Иллюстрированные автобиографии нескольких замечательных русских людей», соединяющий фототипии живописных портретов с биографиями, рассказанными этими персонажами. Отдельным изданием в качестве приложения к каталогу выставки В. В. Верещагина эта книга вышла в 1895 году. Нам она интересна тем, что в ней содержится биография героини портрета «Старушка-воложанка Пахтусова» (1893 – 1895) (ил. 4), который находится в постоянной экспозиции ВОКГ. В образе старой женщины в очках и темном платочке, в каждой морщинке ее лица художник умело передал присущие «маленькому человеку» типичные черты характера: трудолюбие, бережливость, настороженность и некоторую недоверчивость.

Колоритен рассказ портретируемой о себе, фрагменты которого приведены ниже: «Вологодская я, Пахтусова именем, не здесь, в Вологде, родилась, а 230 верст, в Верховажье, – посад этакой называется. А муж здешний, природный вологодский. Без малого 70 лет мне! <...> живу в богадельне, заработка небольшая, копейки по две в день на кружевах. Да дочь посылает на чай, на Рождество, на Пасху – на своем-то ремесле, на кружеве – по 4 копейки за аршин продаю – не пропитаться чайком...»¹⁶.

В книге содержится важная информация о вологодском художнике Б. Е. Монакове (в тексте – Монахове)¹⁷, первом учителе П. С. Тюриня, А. И. Ягодникова и мастерового Ф. В. Немирова, портрет (ил. 5) и рассказ которого воспроизведены в ней.

«У Бориса Егоровича Монахова обучался живописному; <...>. Был у хозяина Тюрин Платон Семеныч, да Ягодников Алексей Иваныч, мальчик был, да я; – оба академики были после, и оба теперь на праведном пути. Я один остался. После на того и на другого столярную работу я работал», – рассказал он В. В. Верещагину¹⁸. К сожалению, местонахождение живописного портрета Ф. В. Немирова неизвестно.

Вот таким интересным образом два больших замечательных художника были связаны с Вологодским краем.

Известно, что Иван Иванович Шишкин тоже бывал в Вологодской губернии. Из воспоминаний А. Т. Комаровой (1867 – 1941), племянницы И. И. Шишкина, из переписки пейзажиста с географом и этнографом Г. Н. Потаниным (1835 – 1920) мы узнаем, что художник посетил Вологодскую губернию в мае 1887 года вместе с известным мастером светописи Е. П. Вишняковым (1841 – 1916). «Иван Иванович ездил с Е. П. Вишняковым в Вологодскую губернию, привез много рисунков речных порогов, разлива и пр. и написал оттуда картину “Бурелом” (ил. 11), для выставки 1888 г.»¹⁹. Г. Н. Потанин в апреле

1887 года писал И. И. Шишкину из Иркутска: «Жалею, что не увижу тех этюдов, которые Вы вывезете из Вологодской губернии. Не изобразите ли багунное болото, то есть моховое болото внутри еловника, заросшее багуном (*Ledum palustre*)? Какие разнообразные оттенки цветов торфяникова мха!»²⁰.

В собрании ВОКГ находятся 5 марин Ивана Константиновича Айвазовского²¹. Бытование лишь одной из этих картин, «Гибель корабля» (1883) (ил. 9), связано с Вологодской губернией.

В «Инвентарной книге вещевых коллекций художественного отдела Вологодского государственного музея» под литерой «Д» и номером 5930Д обозначено, что эта картина получена из закрытого Грязовецкого музея по акту от 23 марта 1932 года²². Грязовецкий музей был создан после революции, а закрыт в 1929 году. Можно предположить, что полотно И. К. Айвазовского «Гибель корабля» до поступления в этот музей находилось в одной из дворянских усадеб Грязовецкого уезда Вологодской губернии.

Выставки проекта «Ваши любимые художники» познакомили широкую аудиторию с творчеством крупнейших мастеров русского классического искусства XIX века и побудили автора проследить связь этих художников с культурой Вологодского края.

¹ Маковский К. Е. Портрет И. К. Айвазовского. 1887. Холст, масло. Астраханская областная картинная галерея.

² Кудря А. И. Верещагин. – М., 2010. – С. 171.

³ Амфитеатров А. В. «Жили-были три сестры». (памяти Ек. П. Летковой) // Сегодня. 20, 21 июня 1937 [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.n^ibrary/amfiteatrov/amfiteatrov_rainyati_letkovoy.html (дата обращения: 01.11.2016).

⁴ ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-об.

⁵ Там же. Л. 2 об.

⁶ Там же. Д. 40. Л. 2.

⁷ Амфитеатров А. В. Указ. соч.

⁸ Маковский С. К. Портреты современников. – М., 2000. – С. 43–44.

⁹ ГАВО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 38. Л. 1 об.

¹⁰ Там же. Д. 69. Л. 3.

¹¹ Амфитеатров А. В. Указ. соч.

¹² Колточихина А. А. Е. П. Леткова-Султанова : общественно-политическая и литературная деятельность (1856–1937) : канд. диссертация на правах рукописи. – М., 2015. С. 39. [Электронный ресурс]. – hist.msu.ru/Science/Disser/Koltochihina.pdf (дата обращения: 02.11.2016).

¹³ Ходасевич В. Ф. Некрополь. – М., 2008. – С. 474.

¹⁴ Колточихина А. А. Указ. соч. С. 7–8.

¹⁵ Там же. – С. 49.

¹⁶ Верещагин В. В. Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей. – М., 1895. – С. 103.

¹⁷ Даен М. Е. Он рисовал сестер Батюшковых : (забытый художник А. И. Ягодников) // Батюшков : исследования и материалы : сб. науч. трудов. – Череповец, 2002. – С. 188.

¹⁸ Верещагин В. В. Указ. соч. – С. 6–7.

¹⁹ Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневник. Современники о художнике / сост. и вступ. статья И. Н. Шуваловой. – Л., 1978. – С. 440.

²⁰ Там же. – С. 316.

²¹ Лунная ночь. 1858. Холст, масло. Поступление: в 1954 из Горьковского художественного музея.

Гибель корабля. 1883. Холст, масло. Поступление: в 1953 из ВОКМ.

Ниагарский водопад. 1899. Холст, масло. Поступление: в 1953 из ВОКМ. Ранее – Государственный музейный фонд.

Уголок Феодосии (Над горами луна). 1880-е. Холст, наклеенный на картон, масло. Поступление: в 1962 от МК РСФСР.

Корабли штилюют. Этюд. 1895. Картон, масло. Поступление: 1954 из Саратовского художественного музея им. А. Н. Радищева.

²² ВГИАХМЗ. Инвентарная книга вещевых коллекций художественного отдела Вологодского государственного музея. Литера «Д». 5930Д.

Сокращения

ГАВО – Государственный архив Вологодской области.

ГРМ – Государственный Русский музей.

ВГИАХМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ВГМЗ – Вологодский государственный музей-заповедник.

ВОКГ – Вологодская областная картинная галерея.

ВОКМ – Вологодский областной краеведческий музей.

ВМЖГ – Вологодская Мариинская женская гимназия.

ИОХМ – Ивановский областной художественный музей.

КГИАХМЗ – Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

МГУ – Московский государственный университет.

Нрзб. – неразборчиво.

ПЗГИАХМЗ – Переславль-Залесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ПГИАХМЗ – Плесский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

РГИАХМЗ – Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

ТОКГ – Тверская областная картинная галерея.

ЧерМО – Череповецкое музейное объединение.

ЯХМ – Ярославский художественный музей.

Список иллюстраций к статье

1. Выпуск Вологодской женской гимназии. 1870. ВГИАХМЗ. № 31402-1.

2. V класс Вологодской Мариинской женской гимназии. 1869–1870. ВГИАХМЗ. № 31402-2.

3. Выпуск Вологодской женской гимназии. 1872. ВГИАХМЗ. № 31402-4.

4. В. В. Верещагин. Старушка-вологжанка Пахтусова. 1893–1895.

5. Портрет Ф. В. Немирова.

6. К. Е. Маковский. Семейный портрет.

7. К. Е. Маковский. Болгарские мученицы.

8. К. Е. Маковский. Боярский свадебный пир. 1883.

9. И. К. Айвазовский. Гибель корабля. 1883.

10. К. Е. Маковский. Е. П. Леткова-Султанова.

11. И. И. Шишкин. Бурелом. 1887.

1. Выпуск Вологодской женской гимназии.
1870. ВГИАХМЗ

2. V класс Вологодской
Мариинской женской гимназии
1869–1870. ВГИАХМЗ

3. Выпуск Вологодской женской гимназии.
1872. ВГИАХМЗ

4. В. В. Верещагин.
Старушка-воложанка Пахтусова.
1893–1895

5. Портрет Ф. В. Немирова

6. К. Е. Маковский.
Семейный портрет

7. К. Е. Маковский.
Болгарские мученицы

8. К. Е. Маковский. Боярский свадебный пир. 1883

9. И. К. Айвазовский. Гибель корабля.
1883

10. К. Е. Маковский.
Е. П. Леткова-Султанова

11. И. И. Шишкин. Бурелом. 1887

ИКОНОСТАС ЦЕРКВИ ПРОРОКА ИЛИИ НА ЦЫПИНОМ ПОГОСТЕ. ТИПОЛОГИЯ И ИКОНОГРАФИЯ

В статье рассматриваются типология и иконография деревянной церкви Илии Пророка на Цыпином погосте в Кирилловском районе, историческая динамика конструкции иконостасов, подчеркивается ансамблевость монастырских строений.

Ключевые слова: *церковь Пророка Илии, Цыпин погост, Ферапонтов монастырь, типология, иконография, конструкция иконостасов.*

The article deals with the typology and iconography of the wooden church of Elijah the Prophet at Tsypy Pogost in the Kirillov district, the historical dynamics of the construction of iconostases, and the ensemble of monastic buildings is emphasized.

Keywords: *the church of the Prophet Elijah, Tsypin Pogost, Ferapontov Monastery, typology, iconography, the construction of iconostases.*

«И действительно, трудно придумать сочетание более удачное, нежели ряды этих чудесных икон, играющих красивыми красками, словно переливающихся самоцветными камнями, кое-где тронутых золотом, – и эти строгие, иссиня-серые бревна стен».

Грабарь И. Э.

В двух километрах от Ферапонтова монастыря, знаменитого фресками средневекового художника Дионисия, на берегу озера, на погосте, стоит деревянная церковь пророка Илии (ил. 1). Освященный в 1755 году, просторный летний храм имеет высокий четырёхъярусный иконостас, насчитывающий на сегодняшний день 81 сохранившуюся икону. Иконостас, занимающий площадь более 100 квадратных метров, расположен на пяти стенах восьмиугольного в плане здания и органично вписан в его архитектуру (ил. 2). Иконы местного ряда, праздники, апостолы и пророки отделены друг от друга колоннами и полуколонками с резным орнаментом из цветов и виноградной лозы. Пропорциональные отношения фигур верхнего яруса к нижестоящим рассчитаны так удачно, что уменьшающийся их масштаб создает впечатление перспективного сокращения, унося взор смотрящего в подкупольное пространство и без того высокого, открытого восьмигранного шатра. Подобные грандиозные иконостасы не так часто встретишь сейчас в деревянных храмах Русского Севера; время, пожары и богатая событиями история России XX века не пощадили подобные памятники. Вместе с тем, иконостасы деревянных церквей – это особая, национальная, не до конца изученная тема. По мнению Т. М. Кольцовой, сегодня крайне сложно проследить эволюцию развития иконостасного искусства на севере России, поскольку сохранилось слишком мало церквей с полными, не разрушенными интерьерами, и тем более важно атрибутировать немногочисленные, дошедшие до нашего времени комплексы¹. Раскрытие этих вопросов и явилось задачей данного исследования.

Считается, что первыми деревянными церквями на Руси были храмы клецкого типа, в основе которых был простой четырехугольный сруб. На формирование архитектуры шатра решающее влияние оказала практика военно-оборонительного строительства. Из разнообразных форм боевых башен наиболее удачно сочетала в себе практические и архитектурно-художественные формы – восьмигранная, «круглая» башня, формой покрытия которой явилась сужающаяся кверху восьмигранная пирамида шатра. Пристройка в XVII веке к западной стене восьмерика трапезной привела к рождению нового типа храма – «восьмерика на четверике с трапезной». Он стал самым распространенным и популярным типом церкви на Севере². Строившиеся храмовые комплексы, как правило, включали зимнюю и летнюю церкви с колокольней. Древнейшие теплые храмы не имели алтарного прируба. Алтарь отделялся от остального помещения храма

тонкой перегородкой, на которую крепились иконы. Если в таком храме устраивали второй престол (придельный), помещение делили тесовой или бревенчатой стеной на две части, в каждой из которых были свой алтарь и иконостас. Зимние храмы, отапливаемые печами, были рассчитаны на сохранение тепла, они имели двойные, утепленные перекрытия, проконопаченные мхом пазы между бревнами, минимальное количество углов в срубе, продуманную систему оконных и дверных проемов. Летние церкви рубили восьмериком или четвериком на высоких подклетах. Для алтаря и притвора с восточной и западной сторон делали прирубы. Внутреннее пространство летних храмов было достаточно высоким и светлым за счет двойного ряда окон. Входы располагались с севера, юга и запада. Они выходили на паперть, окружавшую храм с трех сторон³. Внутреннее убранство летних храмов, вмещавших большое количество народа, становилось главной заботой прихожан.

Ряд исследователей сходится во мнении, что истоки возникновения высокого русского иконостаса следует искать именно в деревянном зодчестве, где в оформлении интерьеров, произошло расхождение восточно-христианской и русской традиций⁴. По мнению Г. И. Вздорнова, в византийских храмах, построенных из прочного камня и расписанных фресками, форма алтарной преграды оставалась неизменной на протяжении тысячи лет. В русских деревянных церквях предалтарная стенка открывала вид на полутемную, лишенную живописи алтарную нишу. Тогда постепенно началось наращивание алтарной преграды над Деисусом: сначала иконами с праздниками, затем пророческими и праотческими образами. Увеличение количества икон, компенсировало отсутствие настенных росписей. Поскольку древнерусские города были наполнены деревянными храмами, этот процесс был повсеместным⁵.

Иван Евдокимов, говоря о предпосылках возникновения высокого иконостаса, также считает, что первоначальный однотябловый иконостас в деревянных храмах существовал недолго, так как «естественным было, при особом чувстве декоративности, жившем в русском народе, заполнение “пустых мест” поднимающейся до наката потолков преградой, с устройством на ней лишних полочек для икон»⁶. Н. Соболев пишет, что в старину был распространен обычай ходить в церковь со своей иконой. Прихожане ставили ее на полку алтарной преграды и молились. Оставленные после смерти прихожан образы постепенно заполняли ряды полок преграды, которая разрасталась не только вширь, но и ввысь. Автор описывает интерьер церкви Воскрешения Лазаря (1390) при Муромском монастыре Пудожского уезда Олонецкой губернии: «В рубленной стене, отделяющей алтарь от церкви, проделано отверстие, которое разделено на две неравные части. В меньшей помещается северная дверь, а в большей Царские врата. На стене, остающейся свободной от упомянутых пролетов, устроены полки, на которые поставлены разной величины иконы, пожертвованные прихожанами»⁷.

В первой половине XX века занимавшийся изучением памятников Русского Севера И. Э. Грабарь считал, что алтарная преграда в деревянном храме прошла ту же эволюцию, что и в каменном. Когда количество иконных рядов в каменных церквях увеличивалось, то же происходило и в деревянных. Первоначально иконостасы занимали только восточные стены четвериков, затем со строительством восьмигранных шатровых храмов, тябла, перегибаясь по граням, стали занимать три стены восьмерика. В крестчатых храмах с двумя прирубами, иконостасы с севера и юга захватывали еще по одной стенке. При такой системе получался пятистенный иконостас. В качестве примера автор приводит иконостас Никольской церкви в Зачатье (1687) Холмогорского уезда Архангельской губернии и иконостас Спасо-Преображенской церкви в Кокшеньеге (1683) Тарногского уезда Вологодской губернии (ил. 2). Когда в конце XVII – начале XVIII века в Россию с Запада пришли новые мотивы декорации алтарных преград – север не остался в стороне. Новые веяния прежде всего отразились в резьбе иконостасов, в которых появились элементы барокко, получившие, по мнению автора, налет забавного провинциализма, утратив свой явно западный характер⁸.

С XVII века в столичных, а позже и в провинциальных храмах происходила постепен-

ная замена тябловых иконостасов на рамочные, конструкции которых украшались фигурной резьбой, пилястрами, розетками, мотивами пальмовых и акантовых листьев, виноградной лозой. Их исполнителями, как правило, были мастера-резчики, переселенные в Россию из Вильно, Полоцка, Витебска, Смоленска и других городов, входивших в состав Речи Посполитой. Заказчик того времени, оговаривающий с мастерами подробности предстоящей работы, хорошо разбирался в терминологии резного дела. В подрядных описывается конкретный вид некоторых деталей, важных заказчику: «От Царских врат вверх битовкою с откосами и с дорожниками и с корнисами, а промеж дорожниками в откосах вместо флям, штуки резные, небольшие»⁹. Изменилась и форма икон: их стали вписывать в восьмиугольники, круги, овалы, а постановлением Собора 1667 года завершаться иконостасная конструкция должна была «Распятием» – скульптурной или имитирующей объем «обрезной» (вырезанной по контуру) композицией. Иногда «Распятие» становилось основой страстного ряда¹⁰.

Художественные связи северных городов и монастырей с центральными областями России были традиционно прочными. Примечательно, что первые многоярусные резные иконостасы, имеющие в составе скульптурные композиции, были исполнены в Вологде, Сольвычегодске, и Великом Устюге артелями резчиков, во главе которых стояли московские мастера¹¹. Но основное число произведений деревянной скульптуры, декоративное убранство сельских и городских храмов создавались северными мастерами. Развитие иконостасной системы не было единым в разных районах севера. На протяжении всего XVII века множество церквей сохраняли приверженность традициям, продолжая возводить тябловые иконостасы¹².

С середины XVIII века алтарные преграды, декорированные элементами барокко, становятся самостоятельными, центральными объектами в интерьерах храмов. В XIX веке им на смену приходят облегченные, строгие конструкции в стиле классицизм. Ярким примером является трехстенный иконостас 1895 года в деревянном Сретенско-Михайловском храме XVII века, села Красная Ляга. Таким образом, в течение длительного времени оба вида иконостасов – тябловые и рамочные, существовали в деревянных храмах параллельно. Сначала резные конструкции и киоты устраивались только на уровне местного ряда, затем распространились на всю высоту иконостаса¹³.

Впервые церковь пророка Илии на Цыпино упоминается в грамоте архиепископа ростовского Кирилла 1533 года, в связи с освобождением от дани шести церквей, стоящих на землях Ферапонтова монастыря¹⁴. Первоначально Ильинский храм находился на южном, высоком берегу озера, но был перенесен в связи с троекратным «уходом» чудотворной храмовой иконы пророка Илии и явлением ее на дереве, на противоположном берегу. Новый храм освятили в 1635 году. Затем на его месте в 1755 году строится церковь, вариантом последующих переделок которой является ныне стоящий на погосте храм. В архивных документах сохранилось «Прошение Надпорожского стану церкви Пророка Илии, что на Цыпине, священника Поликарпа Иванова о выдаче из вологодского Софийского собора ко освящению новопостроенной Ильинской церкви священного антиминос» от 26 июня 1756 года¹⁵. Дата постройки храма подтвердилась при разборке памятника в 2003 году: в угловом соединении алтарных бревен на уровне шестнадцатого венца, была найдена закладная монета того времени. Дендрохронологический анализ древесины также подтвердил время заготовки леса весной 1755 года¹⁶. Церковь представляет собой высокий ярусный восьмерик с прирубленными алтарем и трапезной, с трех сторон окруженный висячей папертью-галереей (ее конструкция скрыта под обшивкой храма). В Вологодской области существовало, как минимум, три памятника имеющих аналогичные купол и ярусный шатер, но ни один из них не сохранился до нашего времени¹⁷. По мнению исследователей, географическая и временная близость всех четырех памятников наводит на мысль о возможности их постройки одним мастером или одной плотницкой артелью¹⁸. В наши дни по-прежнему остаются неизвестны полные аналоги Ильинского храма, тогда как в нем нет ни одного композиционного или конструктивного приема, который не применялся бы в культовых

сооружениях предшествующего времени. Церковь пророка Илии может считаться одной из этапных построек в истории Русского Севера: в ней нашли воплощение два архитектурно-типологических направления, отражающих, с одной стороны, старейшую традицию, а с другой – новую тенденцию, давшую о себе знать в деревянной культовой архитектуре XVIII века¹⁹.

В конце XX века встала проблема сохранности памятника. Здание находилось в аварийном состоянии, и от его былого величия остался только нижний восмерик с деформированными стенами и временной кровлей. Министерством культуры РФ было принято решение о реставрации памятника методом полной переборки. В 2009 году реставрационные работы были завершены. В интерьере храма поднялся пятистенный, четырехярусный иконостас.

Проследить эволюцию иконостаса в Ильинской церкви достаточно сложно, так связанные с ним архивные документы не сохранились (ил. 3). Остаются неизвестными и имена художников, писавших иконы. Дошедшая до нашего времени опись имущества церкви 1797 года фиксирует под № 5: «В церкви иконостас резной, золоченый, столярной работы в четыре яруса»²⁰. Как правило, перестройки иконостасов происходили при крупных ремонтах интерьеров храмов. В церкви пророка Илии такой ремонт проводился в 1860-х годах²¹. Переделки интерьера сопровождались обтяжкой стен и «неба» холстом с масляной живописью, растеской оконных и дверных проемов, заменой потолков в алтаре и притворе. Следующий ремонт проходил в 1914 году, он так же коснулся интерьеров: в церкви и галереях частично был заменен пол. При разборке паперти во время реставрационных работ на соединении двух балок пола была обнаружена надпись графитным карандашом: «Ремонт сей церкви Харитонов 1914 года Июня Месяца. Василий Васильев Харитонов. Деревня Захарьино»²². В надписи указана не только дата ремонта, но и имя местного мастера из деревни Захарьино, расположенной на правом берегу Бородаевского озера, в шести километрах от Цыпина.

Иконостас, стоящий в церкви в настоящее время, восстановлен в 2009 году по образцу начала XX века. Верхний ярус иконостасной рамы, с размещенными в нем иконами пророческого ряда, представляет собой вертикальные окна с барочными выкружками в верхней части. Окна обрамляют резные полуколонки с растительным мотивом, завершающиеся в верхней части имитацией коринфской капители. Фриз украшен сквозной, объемной резьбой – это овалы в окружении стилизованных листьев с завитками на концах. На выступающих частях фриза – резные розетки-четырёхлистники. Деисусный ярус оформлен аналогично пророческому, с той лишь разницей, что иконные окна полностью прямоугольные и более вытянуты по вертикали (ил. 4). Ниже, в праздничном ряду окна имеют форму восьмиугольников, а разделяющие их акантовые полуколонки – тоньше, капители небольшие (ил. 5). Ярус с иконами местного ряда представляет собой широкие, в два размера верхних рядов, окна, по бокам украшенные витыми колоннами на тумбах и завершающиеся декоративной капителью. Между капителью и карнизом помещена резная накладка, имеющая сложный рисунок, состоящий из подвеса с колокольцеобразными кистями и восьмьюлепестковым цветком в центре. Над иконами та же сквозная, объемная резьба, но вдвое крупнее, чем в других рядах.

Аналогами цыпинской пятистенной конструкции являются иконостасы в деревянных северных церквях, о которых писал И. Э. Грабарь, в большинстве своем, сохранившиеся только в архивных фотографиях. Так, иконостасы Никольской церкви в селе Зачатье (ил. 7), Воскресенской церкви села Сельцо²³ (Архангельская область) и упоминавшийся выше иконостас 1895 года в деревянном Сретенско-Михайловском храме XVII века, села Красная Ляга – имеют такую же створчатую, раскрывающуюся в пространство храма конструкцию. Отдельные элементы декора и восьмиугольная форма иконных окон праздничного ряда встречается в иконостасах каменных церквей Бориса и Глеба в селе Нижние Матигоры (ил. 6) и Троицкой церкви в Холмогорах²⁴. Очень близкую трактовку разграничивающих ярусы полуколонок и декорацию карнизов видим в иконостасе деревянной церкви Димитрия Солунского в селе Калье Холмогорского уезда²⁵.

Сравнение элементов резного декора иконостасной рамы позволило выявить еще одну группу памятников, находящихся в непосредственной близости от Ильинской церкви, это – иконостасы церквей Ферапонтова монастыря второй половины XVIII века и Софийского собора города Вологды, чуть более раннего периода. Следует сказать, что все они с течением времени неоднократно перестраивались, но общая композиция и затратные в финансовом отношении элементы декора (резьба) переходили со старых иконостасных рам на обновленные. Эти «неизменные» приметы стиля представляют особый интерес. Иконостас главного собора Вологодских земель – Софийского (1559) был выполнен в 1737 году Арсением Барщевским, монахом, поляком по происхождению, будущим архимандритом Спасо-Прилуцкого монастыря. Он был искусным резчиком, подвизавшимся в вологодских монастырях. Слава его шла далеко, и известно, что весной 1725 вологодский епископ Павел неоднократно писал в Кирилло-Новоезерский монастырь, где тогда находился Барщевский, повелительные указы, с требованием выслать монаха на Вологду: «понеже касается до него нужда в строении в соборной церкви иконостасов», – писал он²⁶. В Софии Вологодской Барщевский создал высокий, пятиярусный иконостас, в стиле раннего барокко, когда элементы декора еще подчинялись ясно читаемой архитектурной конструкции (ил. 8). Основание иконостаса состоит из чередующихся филенчатых восьмиугольных ячеек и трех вытянутых по вертикали прямоугольников. Иконные окна местного чина разделяются пилястрами и полуколонками с растительным мотивом и завершаются капителью. Фриз над каждой иконой украшен резной вставкой – эллипсом, окруженным завитками и гирляндами. Иконы праздничного ряда помещены в овалы, остальных рядов – в арочные окна. Широкие рамы центральных икон украшены барочной выкружкой, подчеркнутой лентой ажурной сквозной резьбы.

Аналогичное декорирование встречаем в иконостасе ферапонтовского собора Рождества Богородицы 1753 года, сохранившегося на фотографиях начала XX века (ил. 9). Цоколь иконостаса решен в виде чередующихся углубленных восьмиугольников и узких прямоугольников, но, в отличие от софийского, декорирован лепными рельефами и цветами. Арочные иконные окна разделены пилястрами с капителью; иконы праздников помещены в вертикальные овалы. Барочная выкружка над центральной иконой Спасителя, так же как и в Софийском соборе, обрамлена орнаментом. Сходство элементов декорации свидетельствует о том, что иконостас главного храма Ферапонтова монастыря, в плане убранства и общей композиции, является адаптированной к пространству «цитатой» (четыре яруса, а не пять; не выступающая центральная часть с Царскими вратами) иконостаса Арсения Барщевского, что говорит о популярности художественных находок мастера.

Через двадцать лет и в остальных монастырских церквях начинается замена тябловых иконостасов на рамочные. Первые переделки начались в 1773 году в церкви преподобного Мартиниана. О конструкции не сохранившегося до наших дней иконостаса рассказывает опись 1775 года: «Иконостас столярной резной работы новой в трех апартаментах на тунбах»²⁷. Подрядчиком работ был вологодский купец Иван Иванович Дружинин²⁸. Интересно, что в 1775 году он же занимался перестройкой иконостаса в трапезной палате и примыкающей к ней церкви Благовещения. Вид храмового иконостаса фиксирует вышеуказанная опись: «Иконостас новой, на тунбах, в три апартамента, столярной работы, обложен вокруг в откосах и карнизе флямом, капительки малые резные»²⁹. Оба иконостаса были разобраны в 1853 году, в связи с ремонтными работами в трапезной палате. По предположению В. Д. Сарабьянова, их резные детали пошли на декор новому иконостасу трапезной палаты³⁰. Сохранившаяся в архиве Музея фресок Дионисия фотография начала XX века с изображением трапезного иконостаса подтверждает эту версию: резные декоративные элементы, аналогичные соборным, размещены на новой раме (ил. 10).

В 1781 году в Ферапонтовской обители, при игумене Павле, принимается решение о постройке в надвратных церквях иконостаса, подобного соборной церкви,

церкви Благовещения, и вероятно, церкви преподобного Мартиниана (так как у двух последних был один подрядчик). В одной из монастырских книг, за № 10 от 23 сентября, сохранилась запись денежного расхода об уплате мещанину Александру Шушерину «во оправлении в оном Ферапонтове монастыре над святыми вратами в церквях Богоявления Господня и преподобного Ферапонта иконостаса резного золоченого по договору во сто шестьдесят рублей задатком в уплату денег тридцать рублей»³¹. Там же запись расходов на материалы для иконостаса: «соснового и красного тесу в шестьдесят тесин мерой». Иконостас надвратных церквей прекрасно сохранился до нашего времени, что позволяет сравнить его композицию и декор с предыдущими памятниками (ил. 11). Он имеет двухъярусную конструкцию и убранство, аналогичное соборному иконостасу, включая декор цоколя и ряд других элементов. Арочные окна второго ряда икон, украшения фриза, полуколонки из акантовых листьев, вставки сквозной резьбы – идентичны и убранству Ильинского иконостаса (ил. 14, 15).

Из описи имущества Ильинской церкви 1797 года, зафиксировавшей резной иконостас, следует, что в пророческом и деисусном чинах стояло – по двадцать пять икон; в праздничном – двадцать четыре; местном ряду – четырнадцать (вместе с дверями в жертвенник и дьяконник). К началу XX века количество икон в иконостасе сохранилось. На сегодняшний день, ряд образов утрачен – это три иконы из местного ряда и две из праздничного. В процессе реставрации находятся «Спас Вседержитель» и «Богоматерь Знамение» – центральные образы деисусного и пророческого рядов. Итак, иконостасная рама, появившаяся в церкви в 70-х – 80-х годах XVIII века полностью сохранила свою композиционную структуру и общее количество иконных киотов.

Дошедшие до нашего времени выполненные в академической манере образы пророческого, деисусного и праздничного чинов были созданы, скорее всего, в 60-е – 70-е годы XIX века. Вероятным заказчиком мог явиться И. М. Бриллиантов, настоятель Ильинской церкви с 1862 – по 1895 год, при котором произошло значительное обновление интерьера церкви. Большинство памятников отличает высокое мастерство живописного исполнения, что позволяет допустить их изготовление под руководством художника, хорошо знакомого с академической школой (ил. 12). Местный ряд был перестроен при следующем священнике, отце А. М. Фомине, предположительно, в 1914 году, что также связано с ремонтными работами в храме. Сохранили свои места только две иконы – «Рождество Богородицы» XVII века и «Пророк Илия в житии» с 16 клеймами XVIII века. Стилистической особенностью местных образов является синтез традиционных элементов иконописания (золотые фоны) и академической трактовки формы, что было характерно для русского церковного искусства того времени (ил. 13).

В плане технологии все иконные щиты состоят из двух или трех досок и имеют по две врезные встречные шпонки. Иконы верхних ярусов выполнены с соблюдением одних и тех же приемов: поверх левкасного грунта положен тонкий слой охры с последующим нанесением рисунка графитным карандашом и дальнейшей живописью. На некоторых иконах паволока лежит только в верхней или нижней части доски. Иконостасные образы, за исключением двух выше упомянутых икон, написаны масляными красками. Имена иконописцев остаются неизвестными, но по манере исполнения пророческого и деисусного чинов можно выделить двух мастеров, тогда как праздники писались одним художником. Поздние иконы местного ряда также были написаны одним человеком.

Таким образом, во второй половине XVIII века, все иконостасы церковью Ферапонтова монастыря были выполнены в единой стилистике, с соблюдением форм элементов декора, что, безусловно, способствовало интерьерной ансамблевости монастырских строений. Велика вероятность того, что известный вологодский резчик, настоятель Спасо-Прилуцкого монастыря, Арсений Барщевский, умерший в 1764 году, имел, если не прямое (консультируя и предлагая мастеров), то косвенное (как автор образца)

отношение к созданию иконостаса собора Рождества Богородицы, послужившего, в свою очередь, примером для иконостасов настоящих монастырских храмов. Рамочная конструкция вотчинной, по отношению к монастырю, Ильинской церкви, была выполнена в традициях пятистенных иконостасов восьмигранных северных церквей, но в силу особой популярности «стиля Барщевского», декорирована как в каменных, монастырских церквях и двух главных для этой местности соборах – вологодского (Софийского) и ферапонтовского (Богородице-Рождественского). Иконостасная рама, заменившая тязловую конструкцию, вероятно, была выполнена одним из подрядчиков, ранее работавших в монастыре – И. Дружининым или А. Шущериным. Предположительное время ее создания – вторая половина 70-х – середина 80-х годов XVIII века. Первоначальный декор иконостасного основания на Цыпино был аналогичен рассмотренным памятникам. Он имел чередующиеся лепные рельефы в восьмиугольных обрамлениях и гирлянды цветов в прямоугольных³². Почти через сто лет старые иконостасные образы трех чинов были заменены на новые, академического письма. В начале XX века аналогичные изменения коснулись и местного ряда.

¹ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI – XVIII веков. – М., 2009. – С. 222.

² Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. – М., 1986. – С. 6–8.

³ Заручевская Е. Деревянные храмы Русского Севера XVI – начала XIX вв. [Электронный ресурс] URL <http://art.1september.ru/> (Дата обращения 25.08.2014).

⁴ Вздорнов Г. Свидетели обвинения : судьба великих русских иконостасов XV века // Наше наследие. – 2013. – № 105. – С. 20–35.

⁵ Там же. – С. 23.

⁶ Евдокимов И. Север в истории русского искусства. – Вологда, 1921. – С. 145.

⁷ Соболев Н. М. Русская народная резьба по дереву. – М.; Л., 1934. – С. 166.

⁸ Грабарь И. Э. Деревянное зодчество Русского Севера. [Электронный ресурс] URL <http://rudocs.exdat.com/> (Дата обращения 02.09.2014)

⁹ Цитируется по: Бусева-Давыдова И. Л. Русский иконостас XVII века: генезис типа и итоги эволюции // Иконостас. – М., 2000. – С. 631.

¹⁰ Мозговая Е. Б. Иконостас. Иконостас Петропавловского собора : каталог. – СПб., 2003. – С. 12.

¹¹ Мальцев Н. В. Искусство декоративной резьбы и деревянной скульптуры Русского Севера // Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: каталог выставки. – Архангельск; Москва, 1995. – С. 17.

¹² Там же. – С. 21.

¹³ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI – XVIII веков. – М., 2009. – С. 209.

¹⁴ Бриллиантов И. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона: репринт. воспроизв. изд. 1899 года. – М., 2001. – С. 118.

¹⁵ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 2053. Л. 17 об.

¹⁶ Мальцев А. П. Реставрация церкви пророка Илии, что на Цыпинском погосте // Церковь пророка Илии на Цыпинском погосте, 1755. – Вологда, 2009. – С. 9.

¹⁷ Церковь Рождества Богородицы (1792) в селе Межурки Харовского района; церковь Рождества Богородицы (1783) в селе Поповка-Каликинская Вожегодского района; церковь Рождества Богородицы (1793) в селе Лукачево Усть-Кубинского района (Мальцев А. П. Указ. соч. – С. 42–44).

¹⁸ Мальцев А. П. Указ. соч. – С. 41.

¹⁹ Шургин И. Н. Ильинская церковь Цыпинского погоста и близкие ей памятники деревянного зодчества конца XVIII века // Ферапонтовский сборник. – М., 1985. – Вып. 1. – С. 221.

²⁰ Описание имущества 1797 года церкви пророка Илии Цыпинского погоста. Церковь пророка Илии на Цыпинском погосте 1755. – Вологда, 2009. – С. 87.

²¹ Мальцев А. П. Указ. соч. – С. 13.

²² Мальцев А. П. Указ. соч. – С. 14.

²³ Кольцова Т. М. Искусство Холмогор XVI – XVIII веков. – М., 2009. – С. 340 – 341.

²⁴ Там же. – С. 217.

²⁵ Там же. – С. 222.

²⁶ Цитируется по: Рыбаков А. А. Иконостас вологодского Софийского собора (к истории создания и реставрации). [Электронный ресурс] URL <http://www.booksite.ru/> (Дата обращения 07.10.2016).

²⁷ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 3067: Выписки из приходно-расходных книг Ферапонтова монастыря, 1771-1774 гг. Л.13 об.

²⁸ Сарабьянов В. Д. История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. – М., 1988. – Вып. 2. – С. 97.

²⁹ Цитируется по: Сарабьянов В. Д. История архитектурных и художественных памятников Ферапонтова монастыря // Ферапонтовский сборник. – М., 1991. – Вып. 3. – С. 52.

³⁰ Автор дает ссылку на скромное вознаграждение (208 рублей), полученное подрядчиком Н. Милавиным. См.: Сарабьянов В. Д. Указ. соч.

³¹ Пролог. Москва, XVIII в. КБИАХМЗ. СК 473. КП 7952.

³² Примеры сохранились на двух киотах, фланкирующих в церкви пророка Илии главный вход из паперти-галереи в наос.

Список иллюстраций к статье

1. Церковь пророка Илии на Цыпинском погосте. Фото С. А. Пестерева, 2012.
2. Иконостас церкви пророка Илии. Фото С. А. Пестерева, 2012.
3. Иконостас церкви пророка Илии. Фото С. С. Подъяпольского, 1960-е годы, КБИАХМЗ.
4. Иконы Деисусного чина. Фрагмент иконостаса церкви пророка Илии. Фото И. С. Хоботова, 2013.
5. Иконы праздничного чина. Фрагмент иконостаса церкви пророка Илии. Фото И. С. Хоботова, 2013.
6. Иконостас церкви Бориса и Глеба села Нижние Матигоры. Фотография нач. XX в., АОКМ.
7. Иконостас Никольской церкви в селе Зачатье. Фотография первой трети XX в., Фотоархив ИИМК.
8. Иконостас Софийского собора города Вологды. Современный вид.
9. Иконостас собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Фотография начала XX века, КБИАХМЗ.
10. Иконостас церкви Благовещения (Трапезной палаты) Ферапонтова монастыря. Фотография середины XX века, КБИАХМЗ.
11. Интерьер церкви Богоявления с приделом преподобного Ферапонта – надвратных церквей Ферапонтова монастыря. Фото автора, 2014.
12. Св. пророк Наум. Икона пророческого чина из иконостаса церкви пророка Илии. 60-е–70-е годы XIX в., КБИАХМЗ.
13. Св. равноапостольные Константин и Елена. Икона местного ряда из иконостаса церкви пророка Илии. 1914, КБИАХМЗ.
14. Сходство элементов декора иконостасов надвратной церкви Богоявления и церкви пророка Илии.
15. Сходство элементов декора иконостасов вологодского Софийского собора, храмов Ферапонтова монастыря и церкви пророка Илии.

1. Церковь пророка Илии на Ципинском погосте

2. Иконостас церкви пророка Илии

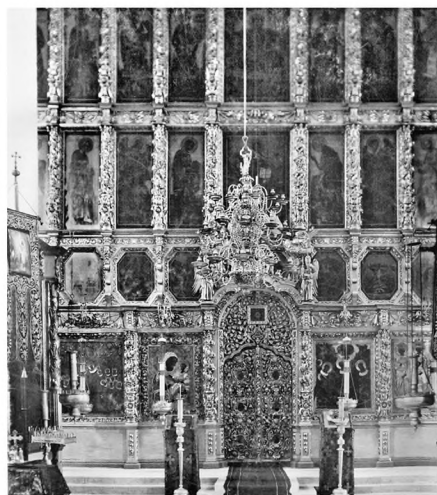
*3. Иконостас церкви пророка Илии,
КБИАХМЗ*

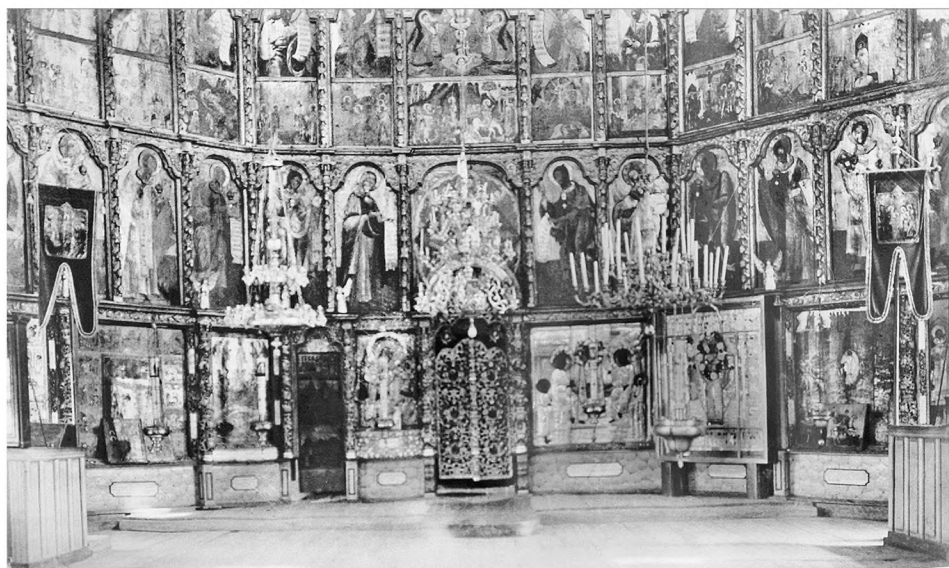
4. Иконы Деисусного чина.
Фрагмент иконостаса церкви пророка Илии

5. Иконы праздничного чина.
Фрагмент иконостаса церкви пророка Илии

6. Иконостас церкви Бориса и Глеба
села Нижние Матигоры.
Фотография нач. XX в., АОКМ

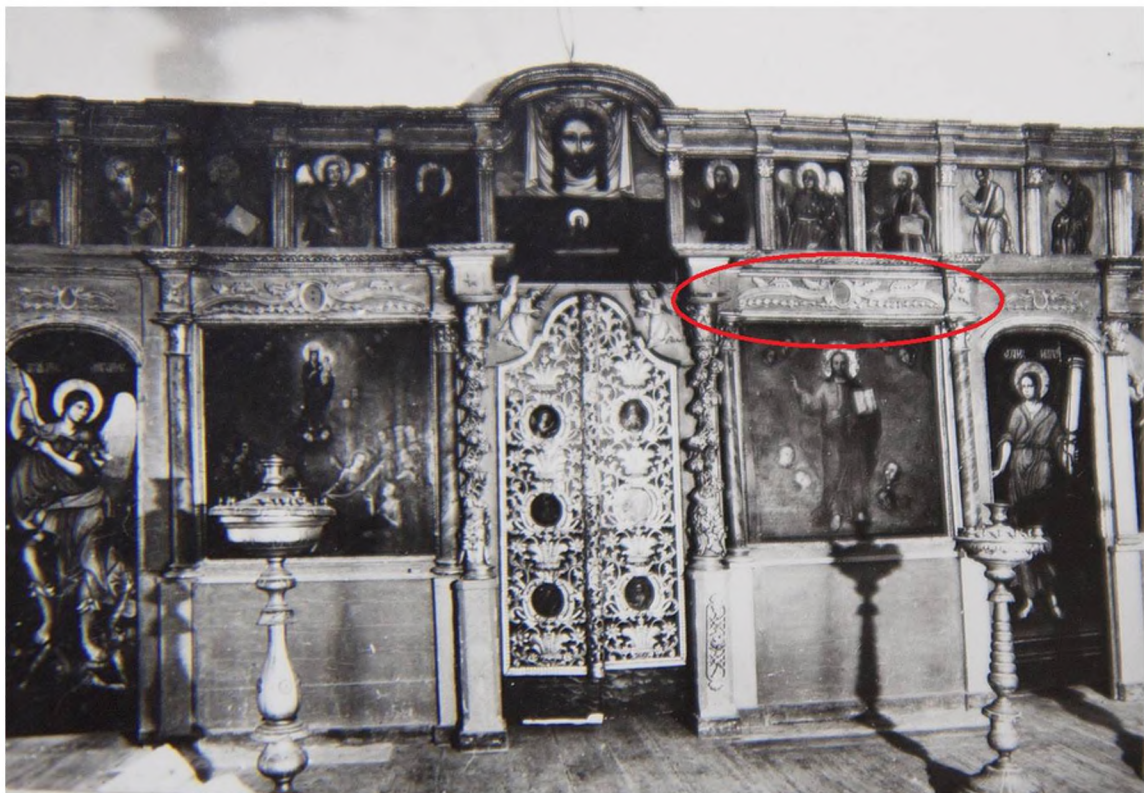
7. Иконостас Никольской церкви в селе Зачатье.
Фотография первой трети XX в., Фотоархив ИИМК

8. Иконостас Софийского собора города Вологды. Современный вид

9. Иконостас собора Рождества Богородицы
Ферапонтова монастыря.
Фотография начала XX века, КБИАХМЗ

10. Иконостас церкви Благовещения (Трапезной палаты) Ферапонтова монастыря.
Фотография середины XX века, КБИАХМЗ

11. Интерьер церкви Богоявления с приделом преподобного Ферапонта –
надвратных церквей Ферапонтова монастыря

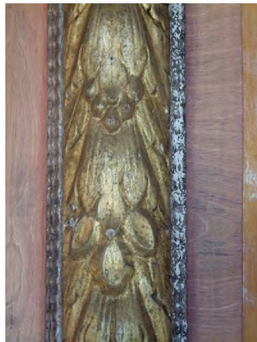

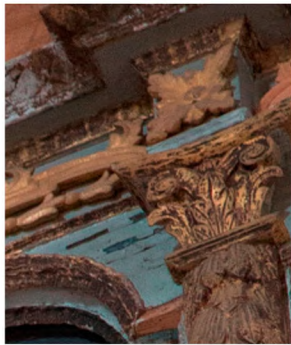

12. Св. пророк Наум.
Икона пророческого чина из иконостаса
церкви пророка Илии.
60-е–70-е годы XIX в., КБИАХМЗ

13. Св. равноапостольные Константин и Елена.
Икона местного ряда из иконостаса
церкви пророка Илии.
1914, КБИАХМЗ

СХОДСТВО ЭЛЕМЕНТОВ ДЕКОРА ИКОНОСТАСОВ

			ЦЕРКОВЬ БОГОЯВЛЕНИЯ (ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ)
			ЦЕРКОВЬ ПРОРОКА ИЛИИ (ЦЫПИНСКИЙ ПОГОСТ)

14. Сходство элементов декора иконостасов
надвратной церкви Богоявления и церкви пророка Илии

ОБЩНОСТЬ ДЕКОРА ФРИЗОВ И ЦОКОЛЕЙ ИКОНОСТАСОВ

		СОФИЙСКИЙ СОБОР (ВОЛОГДА)
		СОБОР РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ (ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ)
		ЦЕРКОВЬ БОГОЯВЛЕНИЯ (ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ)
		ЦЕРКОВЬ БЛАГОВЕЩЕНИЯ (ФЕРАПОНТОВ МОНАСТЫРЬ)
		ЦЕРКОВЬ ПРОРОКА ИЛИИ (ЦЫПИНСКИЙ ПОГОСТ)

15. Сходство элементов декора иконостасов вологодского Софийского собора,
храмов Ферапонтова монастыря и церкви пророка Илии

ГРАФИКА И. И. ШИШКИНА (1832 – 1898) В КОЛЛЕКЦИИ ВОЛОГОДСКОЙ КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕИ

В статье исследуются графические произведения известного русского художника И. И. Шишкина из собрания Вологодской картинной галереи, раскрывается история комплектования коллекции художника.

Ключевые слова: И. И. Шишкин, графика, пейзаж, Вологодская картинная галерея, история комплектования.

The article examines the graphic works of the famous Russian artist I. I. Shishkin from the collection of the Vologda Picture Gallery, reveals the history of the collection of the artist's collection.

Keywords: I. I. Shishkin, graphics, landscape, Vologda Picture Gallery, history of acquisition.

Творчество Ивана Ивановича Шишкина, одного из родоначальников отечественного реалистического пейзажа, в собрании Вологодской областной картинной галереи представлено только графическими произведениями. Но это не умаляет ценности нашей коллекции, состоящей из около двухсот произведений знаменитого автора. Среди работ И. И. Шишкина, хранящихся в Вологодской галерее, только оригинальных рисунков насчитывается сорок пять единиц, охватывающих практически всю творческую жизнь великого русского пейзажиста. А это и ранние наброски, выполненные студентом Шишкиным в Петербурге, в годы учебы в Императорской Академии художеств, натурные рисунки карандашом 1870 – 1890-х годов, среди которых эскизы композиций будущих живописных полотен, законченные рисунки, выполненные тушью или карандашом на белой или тонированной бумаге. И, наконец, рисунок соусом на холсте «Охотничий домик императора Александра III в Спале», относящаяся к началу 1890-х годов. Достаточно полно представлено в Вологодской галерее и печатное творчество И. И. Шишкина. Это и ранние литографии автора, опубликованные в выпусках «Русского художественного альбома» 1861 года, офорты 1870 – 1890-х годов, выходившие как отдельными тиражами, так и в качестве приложений к художественным журналам тех лет. И, наконец, два экземпляра альбома «60 офортов И. И. Шишкина. 1870 – 1892», вообравшие в себя лучшие произведения автора, созданные в этой технике за более чем двадцатилетний период, и выпущенные в 1894 году в Петербурге издательством Товарищества А. Ф. Маркса. Офорты помещены в коричневую и светло-серую коленкоровые папки с цветным тиснением на обложке, которые специально для этого издания заказал в Париже Анатолий Евграфович Пальчиков, столоначальник Петербургского лесного департамента, страстный поклонник творчества И. И. Шишкина, исследователь, активно участвовавший в издании материалов о печатной графике художника¹.

Началом формирования коллекции произведений И. И. Шишкина в Вологодской областной картинной галерее стал 1961 год. Тогда в составе большого дара ленинградского коллекционера и искусствоведа П. Е. Корнилова в галерею поступили первые шесть офортов и литографий художника. В 1979 году их дополнила целевая передача в ВОКГ отдельных печатных листов пейзажиста из обменного фонда Государственного Русского музея. Значительным событием для нашего собрания стало приобретение в 1982 году большой коллекции работ И. И. Шишкина у дочери известного отечественного ученого-ботаника Алексея Порфирьевича Ильинского (1888 – 1945), одного из лучших в СССР знатоков ботанических садов и самых значительных собирателей офортов и рисунков художника. Характеризуя этого неординарного человека, Е. С. Селина, исследователь из Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова, отмечает, что «интересы А. П. Ильинского не ограничивались лишь наукой: он очень любил искусство, сам неплохо рисовал, хорошо разбирался в музыке, был одним из учредителей создания в городе Сарапуле, где он жил, музея...»². В числе произведений, поступивших

от И. А. Ильинской, были оригинальные рисунки художника, отдельные печатные листы и раритетный экземпляр альбома 1894 года «60 офортов И. И. Шишкина. 1870 – 1892». Приобретение именно этой коллекции позволило в 1983 году осуществить давнюю мечту вологжан и провести в залах Вологодской областной картинной галереи совместно с Русским музеем большую выставку живописных и графических произведений И. И. Шишкина. В это же время от Вологодского краеведческого музея нами был получен второй экземпляр альбома «60 офортов И. И. Шишкина» и рисунок «Опушка леса», поступивший от жительницы Ленинграда Е. С. Мокиевской. И, наконец, последним знаменательным пополнением коллекции работ И. И. Шишкина в галерее стало приобретение в 1995 году у М. П. Саввы (Санкт-Петербург) большого рисунка соусом, с изображением императорских охотничьих угодий в Спале. На основе этого рисунка, о чем сообщалось в экспертном заключении Государственного Русского музея³, в 1896 году автор создал живописное полотно «Лес в Спале». Анализу данной коллекции и посвящена эта исследовательская работа.

Иван Иванович Шишкин, как никакой другой живописец-пейзажист второй половины XIX века, огромное значение придавал графике. Он умел и любил рисовать, чувствовал, по собственному выражению, «музыку карандаша», художественную прелесть специфических средств графики. Как писал А. Н. Савинов, один из первых исследователей графического творчества художника: «У Шишкина рисунки были не заметками для памяти и не мелочами для альбомов, но самостоятельным и важным видом творчества, который он совершенствовал в многолетних систематических занятиях»⁴. Серьезное изучение графического наследия пейзажиста, особенно его рисунков началось лишь с середины XX века. Специально рисункам И. И. Шишкина в 1952 году была посвящена работа, автором которой стал А. А. Федоров-Давыдов⁵. Анализируя вопросы развития русского рисунка XIX века, эту тему затрагивал А. А. Сидоров⁶. С 1971 года серьезным изучением творческого наследия художника занималась И. Н. Шувалова, ленинградский искусствовед, выпустившая в свет фундаментальные исследования не только о живописи, но и о графике И. И. Шишкина, выдержавшие несколько переизданий. Наконец, к 175-летию юбилею мастера, широко отмечавшемуся в нашей стране, появляются серьезные, многосторонние исследования, специально посвященные графике Шишкина. Подготовленные и опубликованные в 2007 и 2008 годах ведущими искусствоведами Государственной Третьяковской галереи и Государственного Русского музея, они отдельно рассматривают стилистические особенности работы художника в офорте и литографии, в рисунке и альбомной графике и утверждают особое место Шишкина в развитии русской реалистической графики второй половины XIX века⁷.

Анализируя «вологодскую» коллекцию рисунков И. И. Шишкина, остановимся, прежде всего, на его законченных произведениях. И начать нужно с самых ранних из них, относящихся еще к периоду учебы в Императорской Академии художеств. Уже тогда он много рисует, отдаваясь этому занятию, как в классах, так и в свободное от учебы время. Молодой художник часто ездил по окрестностям Петербурга, видимо, в этот период посетил и Знаменку, загородное имение царской семьи, славившееся своим садово-парковым ансамблем. Но не эти достопримечательности видим мы на листе, с названием «Знаменка», датированным самим автором 1857 годом (Инв. № 5092-Г ВОКГ). Перед нами пейзаж с лесным массивом на втором плане, тропой, петляющей по полю и крестьянкой, идущей в сторону леса. По тому, с каким вниманием художник изображает фигуру девушки, рисует детали ее костюма, можно сделать вывод, что это не столько натурная зарисовка, сколько попытка создания своего рода «картинного мотива». Тот же принцип введения в пейзажный мотив человека мы находим и в следующем рисунке из собрания галереи «В лесной глуши» (ил. 5). По тщательной проработке рисунка стволов, веток, листьев, и вместе с тем обобщенной, пока еще масштабно несоразмерной с пейзажем фигурой человека, этот лист можно отнести к тому же, ученическому периоду творчества Шишкина. Правда, здесь, в отличие от первого рисунка, основное

внимание автор сосредотачивает уже на характеристике именно пейзажного мотива. Используя серебристую карандашную штриховку и легкую растушевку, художник пытается наполнить лес светом и воздухом, передать состояние покоя и тишины.

Рисунки И. И. Шишкина, уже мастера-профессионала, получившего в 1865 году звание академика, а в 1873 – профессора пейзажной живописи, качественно отличаются от его ученических работ. В период расцвета творчества, как отмечали исследователи, художник уже «не стремится, как часто бывало раньше, тщательно заполнить весь лист... Но при этом как бы быстро не был исполнен рисунок, он всегда имеет крепкую конструктивную основу»⁸.

Подобными качествами обладают два следующих рисунка из собрания галереи, относящихся к раннему периоду его творчества, когда художника особенно интересовала тема вырубки лесов. В одном из них, получившем название «На вырубке. Поленница дров» (Инв. № 5114-Г ВОКГ), Шишкин как полноценный объект изображения, запечатлел поленницу, специально приготовленную для себя лесорубами. Продолжение волновавшей его темы можно найти и в следующем листе, названном нами «Стоянка лесорубов» (ил. 2). Здесь художник с особым чувством узнавания отдается перечислению ярких деталей крестьянского быта, выделяя рыбацкие сачки-верши и корзину, сплетенные из ивовых прутьев, старый рукомойник с двумя носиками, висящий на дереве, наконец, нарубленные для костра поленья. Этот живой «пересказ», которым Шишкин увлекался в своих ранних живописных работах, не мог ни найти отражение в его рисунках. И он настолько захватывает автора, что даже сегодня мы чувствуем волнение художника и вместе с ним открываем для себя эту незнакомую и бесконечно занимательную сторону жизни людей и природы.

Следующий этап в творчестве художника представлен рисунком, входящим в большую живописно-графическую «Крымскую серию». Из биографии живописца известно, что летом 1879 года Шишкин с семьей и учениками Е. Е. Волковым и А. Н. Шильдером совершили поездку в Крым. «Они забирались работать в крымские лес, – вспоминает племянница художника А. Т. Комарова, – писали в монастыре Козьмы и Демьяна; из Алупки на арбе, как цыгане, перебирались в Гурзуф...»⁹. Именно этим годом помечен лист «Крымский пейзаж. Горная дорога» (ил. 3) из собрания Вологодской картинной галереи. Крутой изгиб каменистой дороги, темный лес, поднимающийся по склону горы и нависшее над ними хмурое небо – перед нами свободный по компоновке деталей, богатый тональной разработкой живой натурный рисунок мастера-рисовальщика. Неслучайно авторитетный исследователь графического творчества И. И. Шишкина И. Н. Шувалова отмечала: «Натурные рисунки мастера, почти всегда включают элемент обобщения вместе с непосредственностью мотива. Часто они сразу же начинают играть роль эскиза. Процесс отбора идет даже на этой стадии»¹⁰. Подтверждением тому может служить ряд живописных работ автора периода крымского путешествия, идентичных по состоянию природы и сюжетному мотиву рисунку из нашей коллекции.

Ярким по образной характеристике мотива, его композиционной и тональной проработке предстает перед нами рисунок Шишкина «Елагин остров» (ил. 1), датированный художником 1884 годом. В натурном мотиве поздней осени автору удивительно тонко удается передать настроение тревоги, как бы застывшей в оживании скорых холодов природы. Обнаженные ветви и стволы деревьев кажутся хрупкими и беспомощными под порывами ветра, а отраженные в холодной воде озера, они приобретают еще более настороженный вид. Настроение, тонко подмеченное художником в рисунке, мы увидим в его живописных работах последующих лет.

Многие удачные рисунки, как отмечали исследователи, Шишкин очерчивал рамкой, как бы заранее примеряя их к будущей картине. Рисунок в прямоугольной рамке с авторским штампом под изображением, названный нами «В дубовой роще Петра Великого» (ил. 7), есть и в собрании Вологодской галереи. Интенсивная игра света и тени, переданная художником живой штриховкой, создает ощущение яркого солнечно-

го дня, отчего весь мотив наполняется мажорным, радостным настроением. Выделяя на первом плане крепкое коренастое дерево и окружая его более молодыми дубками, автору удается внести особый ритм и динамику в, казалось бы, простой, обыденный природный мотив. Этот лист относится к большой серии картин, этюдов, рисунков и гравюр 1886 – 1887 годов, навеянных природой Сестрорецка, особенно знаменитой дубовой рощей, отдельные из деревьев которой, как гласит легенда, были посажены еще самим Петром Первым.

С конца 1880-х художник увлеченно работает на Карельском перешейке и побережье Финского залива. В этот период были написаны живописное полотно «У берегов Финского залива. Удrias близ Нарвы» (1889) и одноименным этюд к нему, появившийся годом ранее (оба ГРМ). Мотив, совпадающий практически во всех деталях с законченной картиной 1889 года, находим мы в станковом рисунке из ВОКГ (ил. 6), выполненном пером и тушью. По берегу, заросшему травой, с едва заметной в ней петляющей колеей дороги, идут двое – мужчина в темном пальто и женщина с зонтиком над головой. «Надо ... иметь в виду, – писал Н. А. Савинов, – что пером Шишкин пользовался не для набросков, а, наоборот, для “графических картин” и, подчас, весьма крупных»¹¹. Характер работ Шишкина пером всегда отличается от его карандашных рисунков. Своими приемами рисования они часто напоминают офорты художника. Вот и здесь мы видим, как сложной штриховкой художник воспроизводит множество переплетающихся растительных форм, покрывающих берег, передает набегающие на песчаную отмель легкие волны, ровную гладь морской воды, очертания берега, уходящего к горизонту, и пелену сгущающихся над ним облаков. «Они не всегда исполнены с непринужденностью, – продолжал рассуждать Савинов, – но в них подкупает та редкостная уверенность, то техническое совершенство, с которым Шишкин вносил в изображение новые и новые подробности, определял планы, их светотеневое построение и т. д.»¹². Этими качествами – техническим совершенством и образным поэтичным началом в полной мере обладает станковый перовой рисунок Шишкина из вологодской коллекции.

Наивысшего расцвета творчество Шишкина-рисовальщика достигает в середине 1880-х годов и на протяжении следующего десятилетия совершенствуется и развивается. В эти годы он обогащает свои технические средства, работает не только карандашом, но тушью и углем, обращается к мелу и белилам, использует тонированную бумагу. К подобному типу произведений можно отнести один из выразительных рисунок художника, принадлежащих собранию ВОКГ с изображением соснового леса на берегу залива (ил. 3), поступивший к нам с названием «Опушка леса». Рисунок выполнен на светло-коричневой по тону бумаге с использованием карандаша и белил в прорисовке облаков на заднем плане. Введение даже минимального цветового акцента, в непринужденный, богатый по тону рисунок карандашом, позволил автору выявить пространственную глубину композиции, наполнить пейзажный мотив живым, поэтическим звучанием. Сравнивая нашу композицию с рисунками Шишкина из собраний ведущих музеев (ГРМ, ГТГ), мы склонны отнести датировку его к концу 1880-х годов.

Шишкин-художник был последовательным и принципиальным приверженцем реалистического метода работы над живописными произведениями, основанного на доскональном изучении природы. Этому принципу он не изменял на протяжении всех лет творчества. Примером тому могут служить многочисленные натурные зарисовки автора из вологодского собрания, среди которых образной выразительностью и техническим мастерством отличается простой и при этом артистично исполненный рисунок, изображающий покрытое мхом «Гнилое дерево» (№ 5103-Г ВОКГ), близкий по композиции и мотиву его одноименной живописной работе из ГТГ 1892 года исполнения.

Особенно выделяется в нашем собрании большеформатная работа художника, исполненная соусом на холсте «Охотничий домик императора Александра III в Спале» (ил. 4). Из биографии Шишкина известно, что в мае 1892 года он был на этюдах в Беловежской Пуще, куда выезжал вместе с фотографом Е. П. Вишняковым и худож-

ником А. И. Шильдером. О «грандиозном» впечатлении от «прекрасной Беловежской пуши», картины которой «никогда не забудутся»¹³ упоминается в письмах Шишкина. Сама императорская усадьба в Спале была весьма скромной, потому и называлась охотничьим домиком. Н. А. Вельяминов (1855 – 1920) – личный врач императора, в своих воспоминаниях об Александре III так описывал ее: «Царская усадьба “Спала” расположена на открытой площадке среди старого соснового леса, на берегу реки Равки ... Жилой или охотничий дом, двухэтажный, деревянный на каменном фундаменте, очень простой и скромный, в стиле помещичьего дома или, вернее, без всякого стиля. Кроме жилого дома еще несколько деревянных домиков для служащих, домик управляющего графа Велепольского, конюшни и другие хозяйственные постройки – в сущности, хорошо содержимая помещичья усадьба средней руки...»¹⁴. Но ведь Шишкин в своей работе изобразил совсем небольшое одноэтажное строение. Значит, это вовсе не императорский дом, а одна из хозяйственных построек, или один из егерских домиков, которые и должны были стоять прямо в лесу. В экспертном заключении И. Н. Шуваловой (ГРМ), о котором уже говорилось ранее, также не упоминается императорский охотничий домик, а написано о создании живописного полотна «Лес в Спале», где было изображено место любимой императорской охоты в Беловежской Пуще. В настоящее время имение, находящееся на территории современной Польши, разрушено, и уже ничто не напоминает о когда-то проходивших здесь больших и шумных царских охотах. Потому рисунок Шишкина ценен для нас не только как художественное произведение, но и как исторический документ. Правда, стоит все же уточнить его название, которое должно звучать как «Охотничьи угодья императора Александра III в Спале». Датировать это произведение можно 1892 годом, т. к. известно, что уже в январе 1893 года после посещения беловежских лесов Шишкин представлял на персональной выставке в Петербурге 58 этюдов (из них 17 «громadных»), наработанных за лето и осень. Берем на себя смелость предположить, что в их числе мог быть и наш рисунок соусом, размер которого 97 x 142 сантиметра.

В вологодском собрании рисунков И. И. Шишкина есть и несколько композиционных набросков, имеющих непосредственное отношение к созданию живописных полотен автора. В истории русского искусства второй половины XIX века И. И. Шишкин известен как родоначальник эпического пейзажа. Постепенно уходя от картины-рассказа, характерной для периода становления, он приходит к более обобщенному пониманию темы природы России, к образному выражению ее мощи и силы. Широта лесных просторов, увиденных с возвышенности, громадность неба, отраженного в далеком озере, – вот то эпическое начало, которое захватывает, глядя на живописное произведение Шишкина «Лесные дали» (ГТГ) 1884 года исполнения, этапного, по мнению многих исследователей, в творчестве художника. Подобный мотив передачи необъятного лесного мира, открывшегося перед живописцем, мы находим в быстром карандашном наброске из собрания Вологодской картинной галереи (№ 5123-Г ВОКГ). Работая только линией, без штриховки художник как бы наскоро заносит на лист мотив, поразивший его своей монументальностью. В последующих работах он усилит это звучание, привнесет в законченный вариант картины новые детали, но сохранит ту композиционную схему, что была намечена в первом беглом наброске, хранящемся в Вологде.

Характерной особенностью творческого метода работы Шишкина над композицией будущего произведения исследователи называют использование масштабной сетки, как оказалось, для переноса изображения с рисунка на последующий эскиз. Подобный прием мы находим в наброске из ВОКГ, получившем название «У заброшенной мельницы» (№ 5102-Г ВОКГ). Изображение развалин деревянной водяной мельницы, являющихся смысловым центром композиции нашего наброска, встречается у Шишкина в живописных картинах и этюдах, созданных им в 1894 – 1895 годах в Прибалтике, в местечке Мерикюль. Это, прежде всего, картина «Солнечный день. Мерикюль» 1894 года (ГМИИ им. А. С. Пушкина), где изображение старой мельницы, давно оставленной людьми и пришедшей в негодность, в отличие от нашего рисунка, смещено влево

и придвинуто ближе к зрителю. А вот в наброске карандашом из Вологды Шишкина усугубляет разрушения, рисует совсем развалившийся сруб мельницы, высохшее русло реки и лежащее в траве мельничные колеса. Из воспоминаний А. Т. Комаровой мы узнаем, что художник в начале 1898 года «приступил к картинам: “Дорога в сосновом лесу”, “Пруд в старом парке”, “Заброшенная мельница”...»¹⁵. Но сюжет последней картины Шишкина отличается от нашего рисунка, который, вероятно, так и остался эскизом неосуществленной живописной работы.

Есть в собрании Вологодской картинной галереи рисунок пруда, окруженного высокими старыми деревьями (№ 5104-Г ВОКГ). Подобные мотивы Шишкин мог встретить на многих островах Петербурга. Украшенные в первой половине XIX века регулярными парками и усадебными домами, они к 1880-м годам превратились в места открытые для массовых посещений отдыхающих горожан. И в этом рисунке автор слегка намечает прямую линию берега, явно когда-то искусственно вырытого пруда, более детально прорабатывает стволы и кроны двух раскидистых деревьев, расположенных в левой части композиции. Массив остальных деревьев, отражающихся в воде водоема, он намечает абрисом и легкой штриховкой. По композиционному построению вологодский набросок близок к уже упоминавшейся нами живописной картине Шишкина «Пруд в старом парке» (ГТГ) 1897 года исполнения. Разработка того же мотива, заброшенного пруда в окружении деревьев, лежит в основе еще одного пейзажа из ГТГ «В парке», написанного художником годом ранее. Сравнивая их с рисунком из собрания ВОКГ, приходим к выводу, что лист из вологодской коллекции является первой композиционной зарисовкой картины «В парке», а значит и датировать его можно 1896 годом.

Остальные рисунки из собрания ВОКГ, а их без малого тридцать, являют собой живой натурный материал, который рождался во время постоянных дальних и близких поездок и загородных прогулок художника – поэта, исследователя и новатора.

Подводя итоги обзора графики И.И.Шишкина, можно не без гордости отметить, что рисунки из вологодской коллекции дают возможность реально осознать широту интересов выдающегося мастера отечественной пейзажной живописи, заглянуть в его творческую лабораторию, и просто насладиться его внимательным чутким талантом восприятия родной природы.

¹ Иван Иванович Шишкин. Переписка. Дневники. Современники о художнике / сост. и вступ. ст. И. Н. Шуваловой. Л., 1978. – С. 189. (Из письма А. Е. Пальчикова, адресованного И. И. Шишкину мы узнаем, что тираж альбома в папках должен был составить 350 экземпляров). Перечень печатных листов И. И. Шишкина / сост. Пальчиков А. Е. – СПб., 1885.

² Селина Е. С. Печатная графика И. И. Шишкина в собрании Красноярского художественного музея имени В. И. Сурикова // Суриковские чтения : научно-практическая конференция, 2011. – Красноярск, 2012. – С. 124–125.

³ Заключение подписано И. Н. Шуваловой в 1982 году.

⁴ Савинов Н. А. Рисунки И. И. Шишкина. – М., 1960. – С. 5.

⁵ Федоров-Давыдов А. А. Русская графика. И. Шишкин / изд. Гос. Третьяковской галереи. – М., 1952.

⁶ Сидоров А. А. Рисунки русских мастеров. – М, 1961.

⁷ Шувалова И. Н. Иван Иванович Шишкин. – 2-е изд. – СПб., 1993.

⁸ Русский музей представляет: Иван Шишкин : альманах. – СПб., 2008. – Вып. 194. – С. 30.

⁹ Иван Иванович Шишкин. Переписка... – С. 314.

¹⁰ Русский музей представляет... – С. 27.

¹¹ Савинов Н. А. Указ. соч. – С. 8.

¹² Там же.

¹³ Государственная Третьяковская галерея. Иван Иванович Шишкин, 1832–1898 : к 175-летию со дня рождения художника. – М., 2007. – С. 256.

¹⁴ Воспоминания Н. А. Вельяминова об императоре Александре III. [Электронный ресурс] <http://feb-web.ru/feb/rosarc/ra5/ra5-249.htm>.

¹⁵ Иван Иванович Шишкин. Переписка... – С. 329.

Список иллюстраций

1. Елагин остров. 1884. № 5088-Г ВОКГ.
2. Удриас близ Нарвы. 1889. № 5093-Г ВОКГ.
3. Опушка леса на берегу Финского залива. 1880-е. № 5788-Г ВОКГ.
4. Охотничий домик в Спале. Около 1892. № 12984-Г ВОКГ.
5. В лесной глуши. 1857–1859. № 5089-Г ВОКГ.
6. Стоянка лесорубов. 1860-е. № 5106-Г ВОКГ.
7. В дубовой роще Петра Великого. 1886. № 5091-Г ВОКГ.
8. Крымский пейзаж. 1879. № 5090-Г ВОКГ.

1. Елагин остров.
1884. ВОКГ

2. Удриас близ Нарвы.
1889. ВОКГ

3. Опушка леса
на берегу Финского залива.
1880-е. ВОКГ

4. Охотничий домик в Спале.
Около 1892. ВОКГ

5. В лесной глуши.
1857-1859. ВОКГ

6. Стоянка лесорубов.
1860-е. ВОКГ

7. В дубовой роще Петра Великого.
1886. ВОКГ

8. Крымский пейзаж. 1879. ВОКГ

**«АВТОПОРТРЕТ» П. С. ТЮРИНА:
ВОСПРИЯТИЕ, ИСТОЛКОВАНИЕ, ОЦЕНКА**

Статья посвящена восприятию, истолкованию и оценке одного из самых известных произведений академика П. С. Тюрин – «Автопортрета».

Ключевые слова: *портрет, автопортрет, Платон Тюрин, психология восприятия.*

The article is devoted to the perception, interpretation and evaluation of one of the most famous works of Academician P. S. Tyurin – “Self-portrait”.

Keywords: *portrait, self-portrait, Platon Tyurin, psychology of perception.*

*Портреты девятнадцатого века...
Я преклоняюсь перед вашей красотой!
Полураскрытой тайной человека
В глубины времени зовёте за собой.*

*Их дух витает где-то рядом с нами,
Вливаясь в исторический виток,
А лики их из золочёной рамы
Взирают гордо на людской поток.*

*Ах, если вдуматься, их тоже волновали
Такие же проблемы, что у нас:
Любовь, измены, ревность и печали,
И жар молитвы на иконостас...*

Тема моего выступления – «Автопортрет» П. С. Тюрин: восприятие, истолкование, оценка.

К портретному жанру, как известно, относятся произведения искусства, в которых запечатлён внешний облик конкретного человека или группы людей. Само название этого жанра происходит от старофранцузского выражения, обозначающего «воспроизводить что-либо черта в черту». Однако внешнее сходство – не единственный да и, пожалуй, не главный критерий художественного достоинства портрета. Искусство портрета требует, чтобы наряду с внешним сходством в облике человека отражались его духовные интересы. Всем присутствующим известно, что Платон Семёнович получил звание академика за галерею портретов, в которых показал не только известных, неизвестных широкой публике людей, но и богатый духовный мир моделей.

В 1860–70-е годы одно из главных мест и занял особый вид портрета – портрет-тип, где человек, изображаемый во всей своей психологической сложности, оценивается ещё и по его роли в обществе. В 1857 году Платон Семёнович пишет «Автопортрет». В далёком 1986 году, да и сейчас, глядя на картину, вспоминаю ещё один портрет – Карла Брюллова – они и похожи, и разные... Мастер изобразил себя не в кабинете, не у камина с семьёй, а в мастерской. И Он задумчив, погружён в себя. Усталый взгляд, осунувшееся лицо, пышная причёска – всё свидетельствует о том, что это не парадный портрет, а желание запечатлеть себя после работы по созданию нового шедевра. Перед нами камерный портрет. Это образ художника, спокойно созерцающего мир, наслаждающегося прекрасным, желающего вздохнуть, чуть-чуть замедлить бег времени – и снова пуститься в путь. Здесь нет холодной рассудочности классического портрета, статики персонажа. Движение жизни чувствуется в небрежно наброшенном полушубке (очевидно, в комнате холодно), готовом упасть с плеча, в растёгнутой блузе, нательном крестике, неостывшем чае, в игре света и тени. Конечно, Платон Семёнович знал автопортрет Брюллова, вот почему они похожи внутренним содержанием, настроением, переосмыслением прожитого.

Погружаясь в мир «Автопортрета» нашего земляка, чувствуешь душевное обаяние человека. Скромность, внутреннее благородство мастера – вот что «видит и сердцем» зритель. И Платон Семёнович искал в эти годы «человеческое» в человеке, пытался как можно лучше передать личные черты. Мастер уверен в своих силах, спокойно смотрит в будущее, чувствует, что внутри есть такая мощная пружина, которая поможет обладателю достичь новых вершин. В 1857 году художник переживал подъём творческих сил, и вскоре изменится его судьба, он сломает прежние представления, устремится к новому, неизведанному. Сорокалетний мастер переживает уход молодости, расставание с идеалами детства, юности, классицизма, романтизма. Он уже перерос этот ранний период творческой жизни, повзрослел, «набил руку». Теперь захотелось попробовать что-то новое, необычное. Отсюда своеобразная задушевность портрета; через своё искусство художник смотрел на себя. «Себя, как в зеркале я вижу...», – хочет повторить вслед за А. С. Пушкиным мастер.

Перед нами человек второй половины XIX века, следящий за модой (причёска, усы, эспаньолка), такой, каким он был в повседневной жизни. Художник использовал тёмную и светлую краски, картина почти монохромна, как фотография. Резкий поворот головы, спокойный взгляд... К лицу мастера приковано наше внимание. Оно выхвачено светом, льющимся из окна или от настольной лампы. Фон картины нейтральный. И рука лежит на сердце. Жест означает сердечный привет тому, кто смотрит на портрет, благодарность за память, признательность за то, что не забыли.

Утверждение индивидуальности человека – одна из черт реализма в русском изобразительном искусстве, вот почему для Тюринна не важен фон, декорации, какие-то приметы времени. Возможно, картина покажется обеднённой красками, сюжетом, ограниченной тем углом комнаты, где сидит мастер. Но для человека, которому важен внутренний мир, мишура окружающей действительности не нужна. Можно вспомнить слова Ф. М. Достоевского, который в «Дневнике писателя» отмечал: «В русском портрете нашло себе выражение то правдолюбие и стремление постигнуть сущность человека, тот нравственный критерий его оценки, о котором говорили и великие русские писатели». Художник, принимаясь за портрет, стремился уловить главное, поэтому перед нами серьёзное, психологическое произведение.

*Портрет готов, просохли краски,
И кисть послушная лежит.
Смотри, на нём лицо без маски –
Оно тебе принадлежит.
Оно – твоё, тут нет сомненья,
Как отражение души,
В нём лет прожитых отраженье –
Его отвергнуть не спеши.
Над ним звезда сияет с детства,
Что в путь манила и звала.
Нам, как магическое средство,
Даны судьбою зеркала.*

История портретного жанра второй половины XIX века – страница в художественной истории нашего прошлого. По нему мы можем узнать облик людей того времени. И теперь мы вглядываемся в лицо вологодского художника – передвижника, пытаемся угадать ход его мысли, состояние души. Вот почему скромная, неприязательная картина привлекает наше внимание. Это верный сколок жизни, страстный и искренний отклик на то, что волновало художников во второй половине XIX века.

*Портрет у Мастера... Явление итога
Прожитых лет в дорожной кутерьме,
Когда дорогой стало чувство долга,
Которое приводит лишь к суме
И нижней точке параболы движенья...*
(Александр Корж)

Литература

Вологодский художник Платон Семёнович Тюрин: 1816–1882 / автор-сост. М. Н. Вороно. – Вологда, 1986.

Даен М. Е. Вологодский художник П. С. Тюрин // Панорама искусств. – Москва, 1983. – [Вып.] 6. – С. 307–328 : ил., портр.

Даен М. Е. О художнике П. С. Тюрине // Памятники культуры : новые открытия : ежегодник, 1984. – Л., 1986. – С. 338–345 : ил.

Соснина Л. Г. Тюрин Платон Семёнович // Выдающиеся вологжане : биограф. очерки. – Вологда, 2005. – С. 449–452.

Островский Г. С. Рассказ о русской живописи. – М., 1989. – С. 261–270.

Вачьянц А. М. Вариации прекрасного. Введение в мировую художественную культуру. – М., 2000. – С. 201–202.

<http://www.sunhome.ru/poetry>

<http://stihi.pro/>

<http://www.sunhome.ru/poetry/189809>

<http://www.sunhome.ru/poetry/161757>

ТРИ ПОРТРЕТА РАБОТЫ ПЛАТОНА ТЮРИНА И ИСТОРИЯ РОДА ЗУБОВЫХ

(По воспоминаниям Нины Владимировны Лукиной
и письмам Миры Евсеевны Даен)

В статье рассматриваются портреты дворян Зубовых, являющихся предками москвички Н. В. Лукиной, рассказывается о сотрудничестве Нины Владимировны с известным исследователем творчества академика Тюрин М. Е. Даен и ее помощи в атрибуции портретов Зубовых.

Ключевые слова: вологодские дворяне Зубовы, портреты, Платон Тюрин, атрибуция, М. Е. Даен.

The author examines the portraits of the noblemen Zubovs, who are the ancestors of Muscovite N. V. Lukin, talks about Nina Vladimirovna's cooperation with the famous researcher of the creativity of Academician Tyurin M. E. Daen and her help in attributing portraits of the Zubovs.

Keywords: Vologda noblemens Zubovs, portraits, Platon Tyurin, attribution, M. E. Daen.

В Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени И. В. Бабушкина в настоящее время накопилось немало работ москвички Н. В. Лукиной о дворянском роде Зубовых: 19 книг, 55 статей, 10 нотных сборников, 5 дисков. Наиболее значимые из них, в том числе книга «Вологодские дворяне Зубовы. Часть 1. Москва, 2004» с «Родословным древом», размещены на сайтах библиотеки. И непосредственное отношение к этому собранию имеет старейший сотрудник вологодских музеев, заслуженный работник культуры России, искусствовед Мира Евсеевна Даен.

Дело в том, что в 1993 году Нина Владимировна Лукина случайно оказалась в Вологде и зашла в музей «Мир забытых вещей». Мира Евсеевна показала ей два больших овальных портрета XIX века четы Зубовых, Михаила Алексеевича (ил. 1) и Лариссы Алексеевны (ил. 2) работы Платона Тюрин, и рассказала о жизни этой семьи. «А морской офицер Екатерининских времен, – сказала М. Е. Даен, показывая третий портрет, – скорее всего, Ваш пращур». Позже подтвердилось, что это портрет Александра Федоровича Зубова, прадеда Юлия Михайловича Зубова, который является прадедом Н. В. Лукиной. В Вологодской картинной галерее оказался третий портрет одного из Зубовых работы художника Платона Тюрин, а именно молодого охотника Сергея Алексеевича Зубова.

Нина Владимировна вспоминала: «Я была потрясена – портреты Зубовых висят в музеях, и чужой человек знает о них то, чего я совсем не знаю! Ведь моё представление о предках не распространялось далее бабушки Нины Юльевны Зубовой. В семье никогда не говорили о более ранних поколениях и, тем более, о дворянских корнях. В зрелые годы возникал вопрос: а не были ли предками бабушки графы Зубовы и, прежде всего, фаворит Екатерины II светлейший князь Платон Зубов? Но информации об этом, естественно, не находилось. А с момента моей встречи с Мирой Евсеевной Даен, в свои 58 лет, я поняла, что мой долг узнать историю рода своих предков, вологодских дворян Зубовых, как потом выяснилось, весьма далеких от графской ветви».

Первыми известными Зубовыми для Н. В. Лукиной стали талантливые художники Иван и Алексей Федоровичи, авторы огромных гравюр на металле, которые тогда экспонировались в Новодевичьем монастыре в Москве. Но в первом же письме начала 1994 года Мира Евсеевна сразу же предостерегла её от попытки включения их в родословное древо вологодских дворян Зубовых, указав, что их ветвь восходит к некоему Дмитрию, внуком которого был лейтенант морского флота Александр Фёдорович Зубов. Тогда еще не было уверенности, что именно он изображен на портрете в музее «Мир забытых вещей».

Но Провидение вело прямо к цели! В 1995 году Н. В. Лукина обнаружила в нежилой комнате мамы архив своей бабушки Нины Юльевны Зубовой. Это были письма конца XIX – первой половины XX века к ней от родителей, 10-ти братьев и сестер, родных и знакомых, её письма к родителям, а также переписка с мужем и детьми. Всего около 4-х тысяч конвертов и текстов. А также десятки, если не сотни, старинных фотографий, хранящихся в огромном берестяном коробе. Мама София Владимировна, тогда прикованная к постели, помогла разобрать письма по адресатам и датам и пояснить некоторые фотографии. После срочного письма Нины Владимировны в Вологду с сообщением о том, что портрет морского офицера есть на фото столовой вологодского дома Зубовых, Мира Евсеевна нашла негатив и, убедившись в идентичности портрета на фотографии и находящемся в музее, установила и личность портретируемого, и фамилию художника. Оказалось, как она и предполагала, что это портрет лейтенанта морского флота Александра Федоровича Зубова (~1756 – 1830) работы художника Березина.

И далее Мира Евсеевна рассказала в письмах Н. В. Лукиной о службе не только Александра Федоровича, но и его сына-моряка Алексея Александровича, и окончивших Морской кадетский корпус внуков Сергея и Кирилла Алексеевичей Зубовых. При этом всю информацию М. Е. Даен сопровождала точными ссылками на номера фондов и дел Государственного архива Вологодской области и Центрального государственного архива военно-морского флота. По найденным в архивах ревизским сказкам 1763 года Мире Евсеевне удалось доказать, что вотчиной Александра Федоровича было имение Шоломово (через два «о»), пейзажи окрестностей которого запечатлела известная вологодская художница Анна Николаевна Каринская.

И так во всё. Найденную в архивах информацию о Зубовых Мира Евсеевна сразу передавала в письмах Нине Владимировне, а та делилась с М. Е. Даен своими открытиями. В Вологду была послана фотография Михаила Алексеевича Зубова, овальный портрет которого, в паре с портретом его жены Лариссы Алексеевны, рожденной Румянцевой, написал Платон Тюрин. Мира Евсеевна увидела на этом фото «благородного достойного человека». В ответ на сведения Н. В. Лукиной о приобретении Михаилом Алексеевичем Зубовым имения Порозово у впадения реки Масляной в реку Вологду, М. Е. Даен написала, что это имение раньше называлось Успенское. По её сведениям, оно принадлежало герою Отечественной войны 1812 года Якову Николаевичу Скульскому, мужу тётки Михаила Алексеевича Фании Александровны Зубовой, которое было куплено и переименовано, когда хозяева и их дети умерли.

Вологодский портрет молодого охотника работы Платона Тюрин дополнился фотографиями Сергея Алексеевича Зубова (1815 – 1881) из семейных архивов московских потомков, а также информацией из книг о его жизни, женитьбе, детях, создании первой вологодской частной типографии, строительстве имения Жуково в Тотемском уезде и т. д.

А потом, по литературе, архивным источникам и семейным преданиям, появилась информация о военном инженере-строителе Тихвинской и Мариинской систем каналов, а также вологодского дома Зубовых, полковнике Михаиле Алексеевиче (1810 – 1886), о его женитьбе на Лариссе Алексеевне Румянцевой; об увлечениях оперной музыкой, хоровым пением и даже сочинением романсов, а также о его детях и внуках. По этим сведениям Н. В. Лукиной и была написана её первая книга «Вологодские дворяне Зубовы. Часть 1. Москва : Издательство “Потомки Зубовых”, 2004». К книге было приложено «Родословное древо вологодских дворян Зубовых», которое разрабатывалось автором почти 10 лет. При этом были учтены советы Миры Евсеевны Даен – не путать Зубовых двух разных ветвей рода и их связь с однофамильцами-графами.

«Родословное древо Зубовых» было подарено Мире Евсеевне Даен, и в ответном благодарственном письме Н. В. Лукиной она призналась, что была не права, когда считала родоначальником этой ветви Зубовых не Лукьяна, а Афанасия Ивановича из другой ветви рода. И тут же прислала в Москву ссылки на исповедальные ведомости некоторых Зубовых, по которым можно вычислить даты их жизни. Эта задача сейчас находится в стадии разрешения.

Вся бескорыстная помощь Нине Владимировне Лукиной в течение двух десятилетий осуществлялась Мирой Евсеевной Даен одновременно с её напряженной научной работой, написанием книг и статей, а также на фоне жизненных, служебных и семейных трудностей и передраг, которые она переносила с необыкновенным мужеством. «Но не к чему мне жаловаться, – писала она в одном из писем, – это ведь удел всех женщин мира, особенно у нас...». И поддерживала Н. В. Лукину, посылая ей такие слова: «Дай Вам Бог здоровья и терпения в своих поисках. Приятны эти хлопоты, они дают нам силу жизни и ощущение единства с историей». И ещё: «Дорогая Нина Владимировна. Я очень рада Вашим таким увлечённым тоном письма и настроения, когда Вы для себя так много открываете. И не только для себя, но и для людей, для культуры. Это я говорю искренне, без всякого ложного пафоса».

С тех пор вот уже 21 год Нина Владимировна Лукина продолжает изучение истории рода вологодских дворян Зубовых, известных с XII века. В мае 2015 года в музее «Мир забытых вещей» состоялась её презентация своей последней работы – иллюстрированного альбома «Вологодские усадьбы дворян Зубовых», в котором на 294 страницах описаны 10 усадеб: восемь Вологодского уезда и две Кадниковского. Мира Евсеевна Даен присутствовала на этой презентации и задавала вопросы об интересующих её тех или иных Зубовых. Сейчас у Н. В. Лукиной в работе книга, подводящая итоги накопленных знаний и новых сведений о предках. А в Кадниковском краеведческом музее с 2009 года открыт Дворянский зал с экспозицией о талантливом роде Зубовых, достойно и самоотверженно служивших Отечеству на протяжении нескольких веков и воспитывавших своих детей в идеалах высокой нравственности. Освещена жизнь и общественная деятельность земского начальника и последнего предводителя уездного дворянства, создателя Кадниковского театра, поэта Юлия Михайловича Зубова, а также заслуги его 11 детей. Среди них, тоже служивых людей, шесть поэтов, двое музыкантов, писательница, художница, актер.

И ничего бы этого не было, если бы не помощь Миры Евсеевны Даен, с её тщательностью и профессионализмом в исследованиях, критическим отношением к полученным результатам, готовностью немедленно подсказать, направить, прийти на помощь и поделиться своими мыслями и находками. Низкий ей за это поклон, глубокая благодарность, пожелания «многие лета» и дальнейших победоносных свершений в работе!

2 ноября 2016 года М. Е. Даен послала Н. В. Лукиной такие слова: «Все, что Вы написали, считаю для себя важным и дорогим... Вы мне помогли в моих гипотезах, укрепили мои предположения конкретными фактами и документальными источниками. Дали силу продолжить свои исследования. Вы сами явились для меня примером для подражания, заражая меня энергией... Зубовы много сделали для процветания Вологды, ими дорожил также и академик Платон Тюрин. Конечно, написанную Мирой Евсеевной Даен книгу о талантливом вологодском художнике Платоне Тюрине необходимо как можно скорее издать!»

Отдельная благодарность организатору научной конференции, посвященной 200-летию вологодского художника Платона Тюрин, Наталие Николаевне Фарутиной. На протяжении двух десятков лет она, как близкий друг, неизменно помогала Н. В. Лукиной в сборе материалов о Зубовых из старинных книг и карт. Н. Н. Фарутина является руководителем систематических эколого-краеведческих чтений «По истории дворянской культуры Вологодского края», а также автором библиографического указателя «Дворянские усадьбы Вологодского края и их владельцы: прошлое и настоящее» и «Каталога библиотеки вологодских дворян Зубовых». Наталия Николаевна Фарутина осуществила и инвентаризацию работ Нины Владимировны Лукиной в Вологодской универсальной научной библиотеке имени И. В. Бабушкина.

Список иллюстраций к статье

ил. 1. П. С. Тюрин. Портрет М. А. Зубова. 1880.

ил. 2. П. С. Тюрин. Портрет Л. А. Зубовой. 1880.

*1. П. С. Тюрин.
Портрет М. А. Зубова. 1880*

*2. П. С. Тюрин.
Портрет Л. А. Зубовой. 1880*

РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ П. В. ЗАСОДИМСКОГО В ДОКУМЕНТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Настоящая публикация документов, хранящихся в Государственном архиве Вологодской области, призвана как расширить, так и уточнить имеющиеся представления о родительской семье писателя П. В. Засодимского.

Ключевые слова: русская литература, XIX – начало XX века, писатель, писатель-народник, детский писатель, П. В. Засодимский, биография, родительская семья, В. М. Засодимский, чиновник.

This publication of documents kept in the State Archives of the Vologda Region is being undertaken with the aim of both expanding and clarifying the existing ideas about the parental family of the writer P. V. Zasodimsky.

Keywords: Russian literature, XIX – early XX century, writer, Narodnik writer, children's writer, P. V. Zasodimsky, biography, parental family, V. M. Zasodimsky, official.

Произведения Павла Владимировича Засодимского по праву являются достоянием русской культуры. Поэтому неудивительно, что как его творчество, так и биография не остались вне поля зрения исследователей. По вполне понятным причинам вниманием не была обойдена и родительская семья П. В. Засодимского. Но традиционно о родительской семье писателя в основном судят лишь по окутанным романтической дымкой его собственным воспоминаниям¹, что, несмотря на все достоинства оставленных им мемуаров, с одной стороны, не способствует формированию широких представлений о ней, а с другой – ведёт к живучести концептуально характеризующего её стереотипа, используемого при определении происхождения П. В. Засодимского: небогатая дворянская семья², – к какому органично примыкает утверждение: «Засодимский – сын небогатого дворянина»³. С целью преодоления этого и предпринимается предлагаемая вниманию читателей публикация. Ядром публикации избран такой информативный документ, как копия формулярного списка о службе главы родительской семьи писателя, Владимира Михайловича Засодимского, от 20 мая 1852 г.⁴ Названный документ, снабжённый развёрнутыми примечаниями, достаточно рельефно, по нашему мнению, обрисовывает положение в тогдашнем мире отца Павла Владимировича. По месту в обществе В. М. Засодимского, в первую очередь, можно определить как чиновника, более того в узком смысле слова применительно к десятилетию с 1842-го по 1852 г., представляющему особую значимость ввиду появления на свет в его начале, в 1843 г., будущего писателя, как крупного чиновника уездного уровня, чиновника с достойным содержанием и широкими властными полномочиями. В связи с этим заслуживает внимания тот факт, что в написанной незадолго до смерти сравнительно небольшой автобиографической заметке П. В. Засодимский довольно чётко характеризует отца с формальной стороны как чиновника⁵. Сказанное об отце писателя приобретает особую значимость вследствие того, что в дореволюционной России положение в обществе главы семьи традиционно обуславливало социальный облик самой семьи в целом.

Копия формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 20 мая 1852 г. была представлена при письме Вологодской палаты государственных имуществ от 21 мая 1852 г. в Вологодское дворянское депутатское собрание в ответ на запрос последнего по делу о внесении В. М. Засодимского с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой в дворянскую родословную книгу⁶. В настоящее время документ хранится в Государственном архиве Вологодской области, в составе дела о дворянстве Засодимских. Дело о дворянстве Засодимских, несмотря на принадлежность к этому

роду П. В. Засодимского, по сей день относится к числу малоизвестных единиц хранения областного архива. Это во многом связано с тем, что оно входит в состав фонда не Вологодского дворянского депутатского собрания (ф. 32), чего следовало бы ожидать исходя из его принадлежности, а Вологодской духовной консистории (ф. 496). В свете сказанного представляется целесообразным кратко охарактеризовать настоящее дело.

Дело о дворянстве Засодимских не имеет начала: пронумерованные 56 листов начинаются с шестого. Нет внутренней описи. Обложка дела не производит впечатления оригинальной. На ней фиолетовыми чернилами по современной орфографии выведен заголовок: «Формулярные списки дворян Засодимских». В дополнение к нему шариковой ручкой сделано заключённое в скобки (открывающая круглая, закрывающая квадратная) пояснение: «Имеются сведения и документы об известном русском писателе П. В. Засодимском». Также на обложке теми же фиолетовыми чернилами, что и заголовок, проставлены даты начала и окончания дела: в качестве первой – год 1852-й, второй – 1912-й⁷. Фактически же наиболее ранние документы, находящиеся в деле, относятся к 1-й половине XIX в. Первым из имеющихся налицо отложился в нём указ из Временного присутствия Герольдии Правительствующего сената Вологодскому дворянскому депутатскому собранию об утверждении определения собрания в части о внесении в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, Михайлы (Андреева сына) Засодимского, деда писателя и первого дворянина из Засодимских⁸, и о неутверждении в части о внесении в неё его детей Владимира и Градиславы. Указ датирован 4 декабря 1842 г. Как входящий документ помечен 17 декабря 1842 г. Последним по времени поступления является документ, удостоверявший личность

П. В. Засодимского на протяжении более чем 20 лет. Речь идёт о свидетельстве для свободного проезда в Санкт-Петербург, Москву и другие города Российской империи и жительства в оных от 7 сентября 1890 г. После смерти П. В. Засодимского, наступившей 4 мая 1912 г., и оформления его вдове Александре Николаевне Засодимской бессрочного вида на жительство 14 октября того же года, свидетельство направили «по месту выдачи» – вологодскому губернскому предводителю дворянства. По получении свидетельство завизировали 26 октября 1912 г. Некогда в деле пронумеровали 48 листов, о чём и сделали соответствующую запись. Последним документом в рамках этой нумерации является подписка Михаила Владимировича Засодимского, старшего сына (из выживших) В. М. Засодимского и брата П. В. Засодимского, от 30 января 1878 г. об объявлении ему отношения Вологодского дворянского депутатского собрания о сопричислении к роду Засодимских сына Владимира и о получении присланных при нём свидетельств: о рождении и крещении сына и о сопричислении его к роду Засодимских. Более поздние документы, помещённые в дело, пронумерованы уже в наше время (продолжена старая нумерация). Ныне в деле можно выделить два основных блока документов (от ещё одного, наличие какого в прошлом есть все основания предполагать, – о внесении деда писателя с «родом» в дворянскую родословную книгу – видим лишь последние документы). Первый сформировался в связи с внесением в дворянскую родословную книгу В. М. Засодимского с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой в середине XIX в., второй – уже детей Михаила Владимира и Николая в 70–80-х гг. XIX в.⁹

Приводимый текст копии формулярного списка о службе отца писателя от 20 мая 1852 г. сверен с текстом копии формулярного списка о его службе от 9 августа того же года¹⁰. Копия формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 9 августа 1852 г., как и от 20 мая, также была препровождена из Вологодской палаты государственных имуществ, но только спустя 7 лет после первой, при отношении от 16 января 1860 г., и в ответ уже на последовавший ввиду изъявленного В. М. Засодимским желания «бал[л]отироваться на должности: вологодского уездного судьи и посредника» на дворянских выборах начала 1860 г. запрос вологодского губернского предводителя дворянства¹¹. Находится она в Государственном архиве Вологодской области, в фонде вологодского губернского предводителя дворянства (ф. 31), в составе дела о дворянских выборах начала 1860 г.¹²

Примечания к копии формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 20 мая 1852 г. являются выраженной значимой частью публикации. Назначение примечаний по содержанию как расширить даваемое документом представление об отце писателя, так и показать его жизнь на общероссийском фоне (для достижения последнего широко применялось законодательство Российской империи). Работая над примечаниями, стремились передать колорит эпохи. Отчасти поэтому в них широко используется цитирование источников. Для того, чтобы подтолкнуть к обстоятельному исследованию материального положения семьи Засодимских в разные периоды её существования и к отходу от порочной практики ограничиваться умозрительными фразами о нём, в примечаниях даётся основная часть текста проекта купчей крепости матери писателя Екатерины Павловны Засодимской на имение брата Николая Павловича Засецкого от 23 июня 1855 г. Текстуальные примечания детализированы, чтобы лучше помочь почувствовать как сам документ, так и эпоху.

Помимо копии формулярного списка о службе отца П. В. Засодимского от 20 мая 1852 г., публикуются документы о создании его, П. В. Засодимского, родительской семьи – записи: о брачном обыске Владимира Михайлова сына Засодимского и дочери сельца Фоминского Вологодского уезда помещика Павла Михайловича Засецкого девицы Екатерины от 18 октября 1825 г. из книги для записки брачных обысков Воскресенской церкви, что в Ракулеве Вологодского уезда за 1804–1830 гг. и об их венчании 18 октября 1825 г. из метрической тетради той церкви на 1825 г. (консistorский экземпляр).

В приложении приводится текст протокола Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении коллежского асессора Михайлы Андреева сына Засодимского, деда П. В. Засодимского, с «родом» в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, от 2 июня 1817 г. Протокол составлен во исполнение зафиксированного в июньском журнале 1817 г. решения собрания по вопросу о внесении в дворянскую родословную книгу, наряду с М. А. с. Засодимским, коллежского секретаря Петра Александрова сына Воронова и коллежского асессора Гаврилы Осипова сына Соловьева и о выдаче подполковнику Матвею Козмину сыну Инихову грамоты на дворянство. В интересующей части решения читаем: «По представленным доказательствам Воронова внести родословной книги в 1^ю, а Засодимского и Соловьева – в 3^ю часть, о чем и сочинить особые протоколы...»¹³.

За основу при подготовке документов к публикации взяты «Правила издания исторических документов в СССР» (2-е, перераб. и доп. изд. Москва, 1990).

Публикацию подготовил в 2009 г. и внёс редакционные изменения в 2017 г. В. П. Мясников.

¹ Засодимский П. В. Из воспоминаний. Москва, 1908. 450, [1] с.

Некогда О. В. Шеляпиной предпринималась попытка охарактеризовать родительскую семью писателя по формулярному списку о службе его отца В. М. Засодимского. В результате этой попытки появилась небольшая газетная статья с лейтмотивом о бедности Засодимских (Шеляпина О. В. О семье Засодимских // Красный Север: орган Вологодского областного комитета КПСС и областного Совета народных депутатов. 1982. 4 июня. [С. 4]). Нашедшее в ней отражение прочтение формулярного списка о службе В. М. Засодимского служит веским стимулом для введения в научный оборот проливающих свет на родительскую семью П. В. Засодимского документов и, в первую очередь, документа, подобного использованному О. В. Шеляпиной (что это был конкретно за документ, можем судить по следующему предложению из упомянутой статьи: «В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде мной обнаружен «Формулярный список о службе и достоинстве управляющего Вологодскою палатою государственных имуществ», составленный в 1844 году, в котором есть новые факты о семье Засодимских»).

² О. Гр. Засодимский // Энциклопедический Словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 12. [Полут. 23]. С.-Петербург, 1894. С. 317; Засодимский // Биобиблиографический указатель новейшей русской беллетристики (1861–1911) / [сост. И. В. Владиславлев] // Энциклопедический Словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°». 7-е, соверш. перераб. изд. Т. 11. Стб. 642; Засодимский // Русская Энциклопедия. Т. 8. С.-Петербург, [б. г.]. С. 211;

Засодимский // Дилакторский П. А. Вологжане-писатели. (Материалы для словаря писателей уроженцев Вологодской губернии) // Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1898. № 45. С. 7 [в конце работы П. А. Дилакторский приносит глубокую благодарность лицам, сообщившим ему «некоторые сведения»; среди этих лиц назван П. В. Засодимский (ВГВ. 1899. № 280. С. 3)]; Н. А. П. В. Засодимский. (Некролог) // Новое Время. 1912. № 12984; Бойчевский В. И. Засодимский // Литературная энциклопедия. Т. 4. [Москва]. 1930. Стб. 317; Засодимский // Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 16. С. 483; Азарова Н. И. Засодимский // Краткая Литературная Энциклопедия. Т. 2. Москва, 1964. Стб. 998; Рогалина Е. А. Засодимский // Отечественная история: история России с древнейших времен до 1917 года: энциклопедия. Т. 2: Д – К. Москва, 1996. С. 232; Засодимский // Большая Российская энциклопедия. Т. 10. Москва, 2008. С. 285; Немшилова З. Я. Засодимский // Республика Коми: энциклопедия. Т. 1. Сыктывкар, 1997. С. 452; Спасибенко А. П. Засодимский // Русские писатели: биобиблиографический словарь / редкол.: Д. С. Лихачев [и др.; сост.: Спасибенко А. П., Гайденков Н. М.]. Москва, 1971. С. 336; Шпаковская Е. А., Рогалина Е. А. Засодимский // Русские писатели: 1800–1917: биографический словарь. Т. 2: Г – К / гл. ред. П. А. Николаев; редкол.: В. Н. Баскаков [и др.]. Москва, 1992. С. 327–328; П. В. Засодимский // Спасибенко А. П. Писатели-народники. Москва, 1968. С. 229; П. В. Засодимский (Вологдин) // Гура В. В. Русские писатели в Вологодской области. [Вологда], 1951. С. 88; Гура В. В. П. В. Засодимский и его «Хроника села Смурина» // Засодимский П. В. Хроника села Смурина: роман / [вступ. ст., подгот. текста и примеч. В. В. Гура]. Вологда, 1956. С. 5; Засодимский и его «Хроника села Смурина» // Гура В. В. Из родников жизни: литературно-критические очерки. [Архангельск; Вологда], 1964. С. 165; Народный печальник // Гура В. В. Времен соединенье: очерки, портреты, этюды, обзоры. Архангельск; [Вологда], 1985. С. 203; Путинцев В. А. Писатель-демократ П. В. Засодимский // Засодимский П. В. На большой дороге. Перед потухшим камельком. Москва, 1960. С. 6; П. В. Засодимский // Жаворонков А. З., Тихонова Э. Ф., Тюрин В. В. Писатели на Новгородской земле. Новгород, 1960. С. 23. Пятым ребёнком в небогатой дворянской семье назван в статье С. В. Кузнецовой (Кузнецова С. В. Засодимский // Русские писатели: биобиблиографический словарь / под ред. П. А. Николаева. Ч. 1: А – Л. Москва, 1990. С. 320; Русские писатели: XIX век: биобиблиографический словарь: в двух частях / под ред. П. А. Николаева. 2-е изд., дораб. Ч. 1: А – Л. Москва, 1996. С. 297). Достаточно предсказуемо в свете указанного стереотипного представления о родительской семье П. В. Засодимского очерчено его происхождение в первом и во втором изданиях «Малой Советской Энциклопедии»: в первом – «из обедневших мелкопоместных дворян», во втором – «из обедневшей дворянской семьи» (Засодимский // Малая Советская Энциклопедия. Т. 3. Москва, 1929. Стб. 254; Засодимский // Малая Советская Энциклопедия. 2-е изд. Т. 4. Москва, 1936. Стб. 454). На этом фоне в заданном отношении несколько выделяется статья о П. В. Засодимском в первом издании «Большой Советской Энциклопедии», где сказано, что он «из небогатой дворянско-чиновничьей семьи» (М. К. Засодимский // Большая Советская Энциклопедия. Т. 26. Москва, 1933. Стб. 362). [В третьем издании «Малой Советской Энциклопедии» родительская семья П. В. Засодимского проходит как просто дворянская (Засодимский // Малая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 3. Стб. 1025), а в третьем издании «Большой Советской Энциклопедии» в статье о П. В. Засодимском сведений о его происхождении и семье не имеется (Засодимский // Большая Советская Энциклопедия. 3-е изд. Т. 9. С. 381–382).]

³ Павел Владимирович Засодимский // Бабушкина А. П. История русской детской литературы. Москва, 1948. С. 426.

⁴ Представляется справедливым рассматривать копии формулярных списков о службе подобные тем, к каким относится копия формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 20 мая 1852 г., как самостоятельные документы, потому что понятие копия в случае с ними носит во многом условный характер: типичным является то, что за копиями формулярных списков о службе, о которых идёт речь, скрываются довольно колоритные «подлинники». Так, вполне естественен «подлинник» в виде никоим образом незаверенного формулярного списка о службе с вносимыми в него с течением времени дополнениями и изменениями.

⁵ Автобиографическая заметка П. В. Засодимского / сообщ. Ч. Ветринским // Голос минувшего: журнал истории и истории литературы, издаваемый при постоянном участии в редакции А. К. Джигелегова, С. П. Мельгунова, П. Н. Сакулина и В. И. Семевского. 1913. № 5. С. 145.

⁶ Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 15.

⁷ В выдаваемой в читальный зал Государственного архива Вологодской области описи дело и проходит под имеющимся на обложке заголовком с пояснением (последнее в круглых скобках) и с теми же, что и на обложке, датами его начала и окончания (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Т. 6. Ч. 2. Д. 12254).

⁸ О М. А. Засодимском см.: Лазарчук Р. М. «... С латинского языка переведены на Вологде» (Кто был первым переводчиком «Георгик» Вергилия?) // *Послужить Северу...*: историко-художественный и краеведческий сборник. Вологда, 1995. С. 99–107.

⁹ В дело о дворянстве Засодимских входят документы: 1) указ из Временного присутствия Герольдии Правительствующего сената Вологодскому дворянскому депутатскому собранию об утверждении определения собрания в части о внесении в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, М. А. Засодимского, деда писателя, и о неутверждении в части о внесении в неё его детей Владимира и Градиславы от 4 декабря 1842 г. (л. 6–7); 2) уведомление никольского городничего Вологодскому дворянскому депутатскому собранию об объявлении В. М. Засодимскому вышеназванного указа, о взыскании с него денег «за один лист гербовой бумаги, вместо которой» по делу о дворянстве Засодимских употребили простую, а также об отсылке этих денег в Никольское уездное казначейство от 13 мая 1843 г. (л. 8–8 об.); 3) прошение В. М. Засодимского в Вологодское дворянское депутатское собрание о внесении его с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой в дворянскую родословную книгу от мая 1852 г. (л. 9–10); 4) копия данной М. А. Засодимскому грамоты о внесении его с «родом» в Дворянскую родословную книгу Вологодской губернии, в 3-ю часть, от 2 июня 1817 г. (в хранящейся в деле о дворянстве Засодимских копии грамоты, по-видимому, ошибочно проставлена дата 2 июля 1817 г.: в протоколе о внесении в Дворянскую родословную книгу Вологодской губернии, в 3-ю часть, М. А. Засодимского с «родом» указана дата 2 июня 1817 г. и в вышеназванном прошении В. М. Засодимского от мая 1852 г. написано о выдаче этой грамоты 2 июня 1817 г.) (л. 11); 5) копия грамоты на пожалованный В. М. Засодимскому орден Святого Станислава 4-й степени от 16 февраля 1834 г. (л. 11 об.); 6 и 7) копии патентов на пожалованные В. М. Засодимскому чины: коллежского асессора от 10 октября 1839 г. (л. 12) и надворного советника от 11 декабря 1842 г. (л. 12 об.); 8–11) копии метрических свидетельств Санкт-Петербургской и Вологодской духовных консисторий о рождении и крещении детей В. М. Засодимского: первой о рождении и крещении Михаила от 18 июня 1845 г. (л. 13) и Елизаветы от 22 мая 1852 г. (л. 14) и второй о рождении и крещении Павла от 29 мая 1852 г. (л. 14 об.) и Марии от 9 сентября 1837 г. (л. 13 об.); 12) сопроводительное отношение Вологодской палаты государственных имуществ Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 21 мая 1852 г. к публикуемой копии формулярного списка о службе В. М. Засодимского (л. 15); 13) публикуемая копия формулярного списка о службе В. М. Засодимского (л. 16–21); 14) сопроводительное отношение Санкт-Петербургской духовной консистории Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 22 мая 1852 г. к метрическому свидетельству о рождении и крещении Елизаветы (л. 22); 15) сопроводительное отношение Вологодской духовной консистории Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 29 мая 1852 г. к метрическому свидетельству о рождении и крещении Павла (л. 23–23 об.); 16) копия протокола Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, В. М. Засодимского с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой от 14 июня 1852 г. (л. 25–26); 17) отпуск родословной Засодимских «с изложением документов о дворянстве» (л. 27–28 об.); 18) указ из Правительствующего сената Вологодскому дворянскому депутатскому собранию об утверждении определения о внесении в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, В. М. Засодимского с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой от 14 ноября 1852 г. (л. 29–30); 19) копия определения Вологодского дворянского депутатского собрания от 25 ноября 1852 г. о приобщении вышеназванного указа к делу о роде Засодимских, о сношении с Вологодским земским судом для объявления его В. М. Засодимскому и взыскания с него денег за использованную по делу о дворянстве Засодимских негербовую бумагу с последующей отсылкой их в казну и о донесении об исполнении Департаменту Герольдии по получении соответствующего уведомления от Вологодского земского суда (л. 30 об.); 20) отношение Вологодского земского суда Вологодскому дворянскому депутатскому собранию об объявлении В. М. Засодимскому указа от 14 ноября 1852 г., о взыскании с него денег за использованную по делу о дворянстве Засодимских негербовую бумагу и об отсылке их в Вологодское уездное казначейство от 31 января 1853 г. (л. 31); 21) прошение Е. П. Засодимской в Вологодское дворянское депутатское собрание о выдаче ей засвидетельствованной копии с определения о внесении в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, мужа с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой от 14 июня 1852 г. с целью «поместить для обучения в казенное учебное заведение» сына Павла от февраля 1856 г. (л. 32–32 об.); 22) копия определения Вологодского дворянского депутатского собрания от 11 февраля 1856 г. о приобщении вышеназванного прошения Е. П. Засодимской к делу о дворянстве Засодимских и о выдаче испрашиваемой копии (л. 33); 23) прошение М. В. Засодимского, старшего брата П. В. Засодимского, в Вологодское дворянское депутатское собрание о внесении сына Владимира в дворянскую родословную книгу от 12 января 1878 г. (л. 34–34 об.); 24) копия формулярного списка

о службе М. В. Засодимского, устьсысольского уездного исправника, от января 1878 г. (л. 35–42); 25) копия метрического свидетельства Вологодской духовной консистории о рождении и крещении Владимира от 5 октября 1876 г. (л. 43); 26) копия протокола Вологодского дворянского депутатского собрания о сопричислении к роду Засодимских Владимира от 21 января 1878 г. (л. 44–45); 27) отпуск свидетельства Вологодского дворянского депутатского собрания о сопричислении к роду Засодимских Владимира от 24 января 1878 г. (л. 46); 28) сопроводительное отношение Устьсысольского уездного полицейского управления Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 1 февраля 1878 г. к подписке М. В. Засодимского от 30 января 1878 г. об объявлении ему отношения Вологодского дворянского депутатского собрания о сопричислении к роду Засодимских сына и о получении присланных при нём свидетельств: о рождении и крещении сына и о сопричислении его к роду Засодимских (л. 47–47 об.); 29) вышеуказанная подписка М. В. Засодимского (л. 48); 30) прошение М. В. Засодимского в Вологодское дворянское депутатское собрание о внесении сына Николая в дворянскую родословную книгу от 15 сентября 1885 г. (л. 49–49 об.); 31) копия метрического свидетельства Вологодской духовной консистории о рождении и крещении Николая от 20 августа 1885 г. (л. 50–50 об.); 32) отпуск свидетельства Вологодского дворянского депутатского собрания о сопричислении к роду Засодимских Николая от октября 1885 г. (л. 51–51 об.); 33) прошение М. В. Засодимского в Вологодское дворянское депутатское собрание от 30 июля 1903 г. о выдаче «удостоверения» «в том, что в числе дворян Вологодской губернии значится Михаил Владимирович сын Владимира Михайловича Засодимского» (л. 52); 34) отпуск свидетельства о том от 19 августа 1903 г. (л. 53–53 об.); 35) отношение исправляющего должность петровского губернатора Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 11 сентября 1903 г. с просьбой о заверении печатью возвращаемого при нём того свидетельства и по заверении об отсылке его обратно (л. 54); 36) свидетельство для свободного проезда в Санкт-Петербург, Москву и другие города Российской империи и жительства в оных от 7 сентября 1890 г., выданное от имени вологодского губернского предводителя дворянства П. В. Засодимскому (л. 55–56 об.).

¹⁰ За указанной на титульном листе документа датой его составления стоит дата увольнения В. М. Засодимского от службы по болезни. Документ содержит сведения и за более позднее время. Заверен советником хозяйственного отделения Вологодской палаты государственных имуществ коллежским советником Н. А. Трубочанкиным («С подлинным верно: советник Трубочанкин») и скреплён столоначальником палаты по тому отделению губернским секретарём Н. Я. Поповым («С подлинным читал столоначальник Попов»).

Иных документов о службе В. М. Засодимского, по содержанию подобных копии формулярного списка о его службе от 20 мая 1852 г., в Государственном архиве Вологодской области выявить не удалось.

¹¹ ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 88, 191–191 об., 334.

¹² ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 335–339.

¹³ ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 101 об.

Документ 1

Копия формулярного списка о службе никольского окружного начальника надворного советника Владимира Михайловича Засодимского^а

20 мая 1852 г.

И. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.^б

Надворный советник¹ Владимир Михайлович Засодимский, никольский окружный начальник², пятидесяти пяти лет³, православного вероисповедания, кавалер ордена Св[ятого] Станислава 4^в степени⁴ и^г имеет знак отличия беспорочной службы за XXV лет⁵.

Жалованья^а: 428 р. 88 к.

Столовых^е: 142 р. 96 к.

Итого^ж: 571 р. 84 к.⁶

II. Из какого звания происходит?

Из штаб-офицерских детей⁷.

III. Есть ли имение. У него самого и у родителей. Родовое.

Не имеет³.

IV. Есть ли имение. У него самого и у родителей. Благонприобретенное.

Не имеет³.

V. Есть ли имение. У жены, буде женат. Родовое.

Вологодской губернии, Вельского уезда^и, в деревне Пожарищах 20^к душ и земли до 900 десятин⁸.

VI. Есть ли имение. У жены, буде женат. Благонприобретенное.

Вологодского уезда в селе Миролубове деревянный дом и 30 десятин земли^и и Вельского уезда в деревне Пожарищах 5 душ⁹.

VII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную; не было ль каких особенных по службе деяний или отличий; не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем, и в какое время; сверх того, если находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным: то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено? / VIII. Годы. / IX. Месяцы и числа.

По окончании курса Вологодской губернской гимназии^м в 1808 г.^н, 10 в службу вступил в Вологодскую казенную палату¹¹ подканцеляристом^о, 12 тысяча восемьсот девятого года, апреля тридцатого дня / 1809 / Апреля 30¹³.

Награжден канцеляристом^н, 14 / 1812 / Августа 12.

Произведен в коллежские регистраторы¹⁵ тысяча восемьсот пятнадцатого года, декабря тридцать первого дня / 1815 / Декабря 31¹⁶.

Переведен в губернское правление¹⁷ / 1817 / Декабря 17.

Командирован в канцелярию гражданского губернатора¹⁸ для исправления^р письменных дел / 1817 / Декабря 23.

Произведен в губернские секретари / 1818 / Декабря^с 31¹⁹.

Произведен в коллежские секретари / 1821 / Декабря 31²⁰.

Произведен в титулярные советники / 1824 / Декабря 31²¹.

По Высочайшему повелению^{с*}, получил в награду 500 руб.^т / 1824 / Ноября 2.

По прошению его^у, уволен и определен в Государственную экспедицию для ревизии счетов в число канцелярских чиновников / 1830 / Февраля 27²².

Определен помощником бухгалтера с переименованием в 9^й класс²³ / 1831 / Января^ф 27.

Определен младшим бухгалтером / 1832 / Июня^х 28.

Получил знак отличия беспорочной службы XV-летнего достоинства при грамоте за № 730 / 1832 / Августа 22²⁴.

Всемиловейше пожалован кавалером ордена Св[ятого] Станислава 4^й степени / 1834 / Февраля 2²⁵.

За отлично-усердную службу, по журналу государственного контролера, выдано в единовременную награду из общих остатков по Государственному контролю 500 р. / 1836 / Марта 16.

С разрешения Совета Государственного контроля, последовавшего на представление экспедиции, из оной, согласно прошению его, для определения его^и к другим делам уволен / 1836 / Июля 16.

Определен в Артиллерийский департамент Морского министерства младшим контролером / 1836 / Июля 26.

Произведен^ш в коллежские ассесоры со старшинством с / 1834 / Сентября 21²⁶.

В награду отлично-усердной службы, по положению Комитета гг. министров, Всемиловейше награжден 750 руб. / 1837 / Июня 14.

За труды по устройству^{ш*} отчетности Морского министерства получил, по Высочайшему повелению, единовременно в награду 1200 руб. / 1838 / Марта 23.

Получил знак отличия беспорочной службы XX-летнего достоинства при грамоте^ш за № 1067 / 1839 / Августа 22^з; 27.

Из Всемиловейше пожалованных в награду чиновникам ревизионных частей Морского министерства денег с разрешения председательствующего в Адмиралтейств совете^ю; 28 г.^я адмирала Галла^ю получил^а единовременную награду 250 руб. серебром^б / 1840 / Августа 26^б.

Произведен^г в^д надворные советники со старшинством с / 1839 / Октября 10^з.

Определен окружным начальником по Никольскому округу^з / 1842 / Июля 4^е.

Получил знак отличия беспорочной службы XXV-летнего достоинства при грамоте за № 1715 / 1842 / Августа 22^з.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самых сражениях, и когда именно?

Не был^з.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом, когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончено?

Был под судом вместе^ж с прочими членами Устюжского рекрутского присутствия^з по делу о беспорядках по приему рекрут в 1845 г.^ш, и решением Правительствующего Сената, изъясненным в указе^к от 14^{юл} апреля 1850 года за^м № 3287, сделан ему, Засодимскому, строгий выговор со взысканием следующей с него части употребленных по сему делу прогонных денег и других издержек^з.

XII. К продолжению статской службы способен и повышения чином достоин ли; если же нет, то по каким причинам?

Аттестовался способным и достойным^з.

XIII. Был ли в отпусках, когда и на сколько именно времени; являлся ли на срок и если просрочил, то когда именно явился и была ли причина просрочки признана уважительною?

Был в отпуску в 1840 г. на 28 дней и явился к должности на срок^ш.

XIV. Был ли в отставке с награждением чина, или без того, когда и с которого по какое именно время?

Был в отставке^о без награждения чином с 16 по 26 июля 1836 года^з.

XV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год месяц и число, рождения детей; где они находятся и какого вероисповедания?

Женат на Екатерине Павловой^з; у них дети: сыновья Михаил^ш, родившийся^б 1834 г., 12 сентября^з, продолжает науки в Вологодской гимназии^з, Павел, родившийся 1843 г., ноября 1^с; 40, и дочери Мария, родившаяся 1828 г., генваря^г 1^у; 41, находится в замужестве^з, и Елизавета, родившаяся 1838 г., августа 10^ф; 43. Все они, кроме Михайла и Марьи, находятся при отце; жена и дети православного вероисповедания^с.

Советник: Трубчанкин

Столоначальник: В. Вознесенский

По листам скрепа (внизу): Помощ- – ник – столо- – начальника – (две косые черты) (на лицевой стороне листа) Полевиктов (на оборотной стороне того же листа)

ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 16–21. Подлинник. Рукопись.

Копия формулярного списка о службе никольского окружного начальника надворного советника Владимира Михайловича Засодимского от 20 мая 1852 г. написана на бланке. Занимает три двойных листа. На листах есть штампель в виде помещённого в напоминающую по форме квадрат фигурную рамку двуглавого орла (крылья подняты вверх, три императорские короны, в лапах скипетр и держава). На груди орла щит (английский сердцевидный, заострён кверху) с монограммой императора Николая I (литера «Н» и цифра «I»).

Текстуальные примечания

^а Заголовок документа: «Формулярный список о службе (текст бланка. – В. М.) никольского окружного начальника надворного советника Владимира Михайловича Засодимского». Под названием со смещением вправо сделана датирующая надпись: «Составлен мая 20 (число несколько выдаётся на общем фоне текста. – В. М.) дня 1852 года». В правом верхнем углу титульного листа помета: «Копия» (слово подчёркнуто на титульном листе. – В. М.).

Текст документа переведён из табличной формы в анкетную.

^б Курсивом выделен текст бланка (название XIII графы, отличающееся от других более мелким размером шрифта, в бланке дано жирным). Названия граф приведены с сохранением пунктуации оригинала.

^в В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано падежное окончание: «-й».

^г В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. союз отсутствует.

^д В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово написано сокращённо: «жалов.».

^е В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово написано сокращённо: «стол.».

^ж В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово отсутствует.

^з В публикуемом документе написано поверх III и IV граф один раз. В копию формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. подобным образом внесено: «Нет».

^и В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. отсутствует указание на губернию и вместо «Вельского уезда» написано «Кадниковского уезда».

^к В публикуемом документе сначала значилось: «26».

^л В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. запись о благоприобретённом имении супруги заканчивается на этом слове.

^м В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. название передано «Волоской («-ской» идёт с новой строки. – В. М.) губернской гимназии» и перед ним стоит предлог «в».

^н В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово прописано полностью: «году».

^о В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово отсутствует, а после предыдущего слова потёртость – возможно, удалён предлог «в».

^{о*} В публикуемом документе написано в два слова: «восемь сот». В записи о производстве в чин коллежского регистратора эти два слова соединены в одно (доп.).

^п В публикуемом документе: «концеляристом».

^р В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. вместо «исправления»: «исполнения».

^с В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово написано сокращённо: «декабр.».

^{с*} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. в слове «Высочайшему» нет диакритического знака в случае с буквой «и краткое», а в слове «повелению» нет точки – элемента строчной буквы «и десятеричное», идущей предпоследней (доп.).

^т В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово прописано полностью: «рублей».

^у В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. местоимение отсутствует.

^ф В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «января».

^х В публикуемом документе до исправления было: «июля».

^ц В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано падежное окончание: «-й».

^ч В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. местоимение отсутствует.

^ш В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. перед этим написано: «Правительствующим Сенатом 17 ноября 1836 года».

^{ш*} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. нет диакритического знака в случае с буквой «и краткое» (доп.).

^щ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «грамате».

^з В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. эта запись расположена следом за находящейся под нею в публикуемом документе записью.

^ю В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «в Адмиралтейств Совете».

^я В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «Г^{на}».

^{я'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. после этого слова стоит предлог: «в».

^{б'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово отсутствует.

^{в'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано не «26», а «16» число.

^{г'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. перед этим написано: «Правительствующим Сенатом 30 апреля 1841 года».

^{д'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. предлог пропущен.

^{е'} В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. в случае с месяцем до исправления значилось: «июня». При этом, складывается впечатление, изначально хотели указать: «августа». В этом же документе число «4», как видится, написано поверх стёртого «22».

ж¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. между словами «судом» и «вместе» читаем: «с 9 октября 1845 года».

з¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. название передано: «Устюгского рекрутского присутствия» (точнее – «Устюгского рекрутского присутствия»).

и¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. слово прописано полностью: «году».

к¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «указъ».

л¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. падежное окончание отсутствует.

м¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. предлог написан дважды (в конце текста на одном листе и в начале текста на другом).

н¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. запись об этом сделана так: «Был в 1840 году на 28 дней и явился на срок».

о¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. опущено: «в отставке».

п¹ В публикуемом документе до исправления имя было передано: «Михайло». В таком виде оно и предстаёт в копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.

р¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. после этого слова стоит предлог: «в».

с¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано падежное окончание: «-го».

т¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. название месяца передано: «января».

у¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано падежное окончание: «-го».

ф¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. указано падежное окончание: «-го».

х¹ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г.: «православного исповедания».

Примечания по содержанию

¹ Чиновник, имевший одноимённый чин. О чине надворного советника см. примеч. 30.

² Должности окружных начальников появились в связи с реформой государственной деревни П. Д. Киселёва 1837–1841 гг. По высочайше утверждённому 30 апреля 1838 г. «Проекту учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях», окружный начальник определялся «по представлению управляющего палатой государственных имуществ, с одобрения начальника губернии, министром государственных имуществ» (ч. 2, ст. 23) для управления соответствующим округом государственных имуществ (ч. 2, ст. 10). Подчинялся соответствующей палате государственных имуществ (ч. 2, ст. 89). Округа государственных имуществ «составлялись» «из волостей, приписанных к ним запасных казенных незаселенных и пустопорожних земель и оброчных статей и лесных округов» (ч. 2, ст. 1). По общему правилу, в помощь окружному начальнику назначались: «по управлению лесов... окружный лесничий», а «по управлению волостей и приписанных к ним запасных казенных незаселенных и пустопорожних земель и оброчных статей, особый помощник по хозяйственной части» (ч. 2, ст. 11). «Предметы ведомства окружного начальника» следующим образом очерчены в законе: «1) Волости и находящиеся в составе их сельские общества с принадлежащими к ним землями. 2) Приписанные к округу и волостям запасные казенные незаселенные и пустопорожние земли и оброчные статьи. 3) Лесные округа и леса, к ним причисленные» (ч. 2, ст. 34). «По ведомству волостями и заключающимися в них сельскими обществами, до окружного начальника принадлежат: 1) Дела по устройству сельского и волостного управления. 2) Дела по народоисчислению. 3) Содействие к охранению благоустройства и благочиния по делам веры. 4) Содействие к охранению общественного порядка и учреждений правительства. 5) Содействие к охранению постановлений, относящихся до гражданского состояния государственных крестьян. 6) Меры для улучшения их нравственности. 7) Содействие к охранению в волостях безопасности личной и имуществ. 8) Дела по части паспортной. 9) Содействие мерам врачебного благоустройства. 10) Дела по части обеспечения народного продовольствия. 11) Дела по пожарным случаям. 12) Дела по строительной части и содействие к сохранению в селениях чистоты и порядка. 13) Дела по устройству сельских путей сообщения. 14) Дела хозяйственного управления волостями. 15) Дела по части податей государственных крестьян. 16) Дела по части натуральных повинностей государственных крестьян. 17) Распоряжения по части рекрутской повинности. 18) Дела по прикосновению к судебному ведомству государственных крестьян» (ч. 2, ст. 35). «По управлению запасными ка-

зенными незаселенными и пустопорожками землями и оброчными статьями, состоящими в округе, предметы окружного начальства суть: 1) Собрание верных и точных сведений о сих землях и оброчных статьях с относящимися к ним планами, и составление по сей части статистического описания, с означением всех происходящих перемен. 2) Прием в состав округа пустопорожних земель и угодий, присуждаемых или перечисляемых в казенное ведомство. 3) Дела об отводе земель по Всемилоостивейшему пожалованию, казенным селениям в наделение и под новые поселения; городам под выгоны, монастырям и архиерейским домам и сельскому приходскому духовенству в узаконенную пропорцию, и в случаях, тому подобных. 4) Дела по продаже и промену казенных незаселенных, пустопорожних и оброчных земель и угодий. 5) Сдача земель и угодий округа, отсужденных или перечисляемых из казенного ведомства. 6) Наблюдение за производством волостными правлениями свидетельства целости запасных казенных незаселенных и пустопорожних и оброчных земель и статей округа, и донесение о последствиях сего свидетельства палате государственных имуществ. 7) Охранение сих земель и угодий от завладений и захватов и от незаконного пользования, меры для возвращения казне, ей принадлежащего и предъявление в уездных судах исков, относящихся до сих имуществ. 8) Дела по хозяйственному управлению запасными казенными незаселенными и пустопорожками землями и оброчными статьями, как то: а) составление плана сему управлению и представление одного на рассмотрение палаты государственных имуществ; б) попечение о обмежевании, описании и оценке сих земель и угодий; в) представление палате о заведении новых оброчных статей, о возобновлении запустелых, о поддержании существующих, о мерах для улучшения вообще их состояния, а также находящихся на них разных устройств; г) содействие к отдаче оброчных статей в содержание; д) наблюдение за казенным управлением статьями, оставшимися без отдачи в содержание; е) попечение о возвышении дохода с оброчных статей; ж) наблюдение за исправным одного поступлением в казну; з) меры для взыскания недоимок по сей части; и) наблюдение, чтобы лица, взявшие оброчные статьи по контрактам, содержали их на точном основании условий сих контрактов. 9) Представление об исключении оброчных статей из оклада, в случаях, законами определенных» (ч. 2, ст. 58). «По лесной части ведомству окружного начальства подлежат состоящие в его округе: 1) Леса казенные: а) единственного, б) общего владения, в) въездные. 2) Леса спорные между казною и частными лицами, или разными ведомствами. 3) Леса крестьянские. 4) Податные лесные участки и заказные рощи сельских обществ, выделенные из крестьянских лесов. 5) Леса, приписанные к разным ведомствам, неизъятые от влияния лесного начальства» (ч. 2, ст. 59) [Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. 13. Отд-ние 1. № 11189]. «Принимая во внимание многообразную компетенцию окружного начальника, – писал Н. М. Дружинин, – надо признать, что пределы его власти были чрезвычайно широкими и в силу расплывчатых формулировок закона, открывали безграничное поле для личного усмотрения. Законодатель рассматривал окружного начальника как полномочного представителя дворянского государства, создающего порядок и благосостояние в государственной деревне; отсюда могущественное и властное положение этого органа в системе местного управления государственной деревни. Вобрав в себя черты окружного комиссара 1826 года, институт окружных начальников пошел значительно дальше и сделался прообразом крестьянских опекунов пореформенного периода – мирового посредника и земского начальника» (Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. Москва; Ленинград, 1946. С. 544).

Основания привлечения окружного начальника к ответственности в «Проекте учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» определены так: «Окружный начальник отвечает: а) За допущение беспорядков и злоупотреблений по подведомственному ему управлению. б) За распоряжения, превышающие его власть и за неупотребление оной в надлежащих пределах. в) За неблагоприятное принятие нужных мер и за происшедший от того вред или убыток казенного или общественного интереса. г) Когда оставит без исполнения правила, в обязанность ему постановленные, или не исполнит предписаний палаты государственных имуществ. д) Когда попустит беспорядки и злоупотребления со стороны подведомственных ему мест и лиц и обнаруженные сокроет пред палатою государственных имуществ. е) Если поступит в каком-либо случае вопреки своей должности. ж) Если допустит накопление недоимок в податях и прочих денежных сборах с подведомственных ему крестьян и не сделает надлежащих распоряжений о взыскании сих недоимок. з) Если попустится на лихоимство, незаконные сборы, растрату казенных денежных сумм, на употребление подведомственных ему крестьян в работы для своих прибытков и государственных имуществ и доходов от них в свою пользу, или сделает другие злоупотребления в противность законов» (ч. 2, ст. 524) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Отд-ние 1. № 11189).

В соответствии с «Проектом учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях», за «основание» «при образовании округов государственных имуществ» надлежало принимать «уездное разделение» (ч. 2, ст. 2) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Отд-ние 1. № 11189). Никольский округ государственных имуществ, начальником которого в течение 10 лет являлся В. М. Засодимский, был создан на основе Никольского уезда Вологодской губернии. Этот уезд граничил с Кологривским и Ветлужским уездами Костромской и Котельническим и Орловским уездами Вятской губерний, а внутри Вологодской губернии с Тотемским, Устюжским (Великоустюжским) и Устьсысольским уездами. Никольское окружное управление относилось к окружным управлениям 2-го разряда. Поэтому, согласно приложенному к высочайше утверждённому 30 апреля 1838 г. «Проекту учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» «Росписанию чинов, составляющих губернское и окружное управление государственных имуществ», должность никольского окружного начальника состояла в VIII классе, т. е. находилась на уровне гражданского чина коллежского асессора (см. примеч. 26) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Отд-ние 2. К № 11189).

³ В копии формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 9 августа 1852 г. значится, что он «пятидесяти девяти лет».

Судя по исповедным росписям Церкви Николая Чудотворца, что на Известии г. Вологды за 1802–1804 гг., В. М. Засодимский родился около 1800 г.: в исповедных росписях названной церкви за 1802 и 1803 гг. указано, что ему 3 года, а в исповедной росписи этой церкви за 1804 г. – 4 (в первом из этих документов, в разделе «Приказные», проходят коллежский секретарь Михайло Андреев Засодимский 57 лет и его жена Елисавета Андрианова 53 лет с детьми Грядиславой 14 лет, Филониллой 9 лет и Владимиром 3 лет, во втором – коллежский секретарь Михайло Андреев Засодемский 57 лет и его супруга Елисавета Андреянова 54 лет с детьми Градиславой 15 лет, Филониллой 10 лет и Владимиром 3 лет, а в третьем – коллежский секретарь Михайло Засодимский 58 лет и его супруга Елисавета Андреянова 55 лет с детьми Филанидой 16 лет, Градиславой 11 лет и Владимиром 4 лет) [Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 496. Оп. 19. Д. 255. Л. 68; Д. 256. Л. 88; Д. 257. Л. 50]. Местом рождения В. М. Засодимского, можно предположить, являлся г. Архангельск: его отец М. А. Засодимский, согласно его послужным спискам, находящимся в составе ведомостей о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии 1805 г., за 1-е половины 1807, 1808, 1811 и 1814 гг., за 1807 и 1808 гг. и за 2-ю половину 1810 г. и групповых послужных списков «служащих в Вологодской губернии при учебных заведениях» за 1809, 1810, 1814 и 1820–1821 гг., с 1797-го по 1802 г., когда получил определение столоначальником Вологодской казённой палаты, служил в Архангельской удельной экспедиции (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 110. Л. 9 об.–10; Д. 174. Л. 6 об.–7; Д. 223. Л. 7 об.–8; Д. 228. Л. 7 об.–8, 39 об.–40; Д. 255. Л. 5 об.–6; Д. 267. Л. 6 об.–7; Д. 283. Л. 5 об.–6; Д. 302. Л. 6 об.–7; Д. 382. Л. 7 об.–8; Д. 387. Л. 5 об.–6; Д. 511. Л. 18 об.–19).

В свете вышеприведённых данных о времени появления на свет В. М. Засодимского на 20 мая 1852 г. ему было около 52 лет.

В копии формулярного списка о службе В. М. Засодимского от 9 августа 1852 г., возможно, показан его возраст не на 9 августа 1852 г., а на более позднее время. Но, так или иначе, отвечающие в большей мере действительности сведения о возрасте В. М. Засодимского, вступившего в службу, согласно бумагам, 30 апреля 1809 г., выглядели бы менее предпочтительно по сравнению с отражёнными в документе ввиду того, что по «Положению о канцелярских служителях гражданского ведомства» от 14 октября 1827 г. начало действительной службы следовало отсчитывать со времени достижения служащим 16 лет (см. примеч. 13). Это, в частности, повлияло на пенсионное законодательство. Согласно «Уставу о пенсиях и единовременных пособиях» от 6 декабря 1827 г. – первому общему пенсионному уставу в России, «лета для заслуги» пенсии считались «с того времени, когда служащий вступил в действительную службу и находился в оной на лицо» (§ 2), а действительной служба «почиталась» «с 16 лет возраста, несмотря на то, ежели бы служащий был произведен и прежде сих лет в обер-офицерское звание (§ 3) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 2. № 1592). Эти положения не теряли актуальности долгое время. Так, они проходят в регламентирующей пенсионное обеспечение и выдачу пособий книге 3 Уставов о службе гражданской в Сводах законов Российской империи изданий 1832, 1842 и 1857 гг. (Свод законов Российской империи (далее – СЗ РИ). Изд. 1832. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. Кн. 3: Свод Устава о пенсиях и единовременных пособиях. Ст. 1407, 1408; Изд. 1842. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской. Кн. 3: Устав о пенсиях и единовременных пособиях. Ст. 68, 69; Изд. 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской. Кн. 3: Уставы о пенсиях и единовременных пособиях. Ст. 63, 64).

⁴ В связи с упразднением ордена Святого Станислава 4-й степени В. М. Засодимский стал кавалером ордена Святого Станислава 3-й степени: именным указом «Об упразднении четвертой степени ордена Святого Станислава» от 28 мая 1839 г. повелевалось «пожалованных до издания статута (статута ордена Святого Станислава от 28 мая 1839 г. – В. М.) четвертою степенью ордена переименовать в кавалеры третьей степени» (п. 1). По поводу же выданных грамот «на пожалование орденом Св[ятого] Станислава бывших третьей и четвертой степеней» в этом указе сказано: «Выданные от Капитула орденов грамоты на пожалование орденом Св[ятого] Станислава бывших третьей и четвертой степеней оставить при лицах, награжденных оными, в прежнем их виде, так как они, на основании настоящего установления НАШЕГО, по спискам Капитула орденов и по формулярным их спискам, в новом наименовании своем имеют быть гласны» (п. 3) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 14. Отд-ние 1. № 12383).

Орден Святого Станислава 4-й степени занимал низшее место в иерархии орденов. С его упразднением на положение низшего ордена, жалуемого при обыкновенном прохождении службы, перешёл орден Святого Станислава 3-й степени.

⁵ См. примеч. 24.

⁶ Содержание указано за треть года и, по сравнению с нормативным, уже в меньшем размере. В соответствии с приложенным к высочайше утверждённому 30 апреля 1838 г. «Проекту учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» «Нормальному штату окружных управлений», начальнику окружного управления 2-го разряда, к числу каковых и принадлежало Никольское окружное управление, полагалось годовое содержание в размере 2000 р.: 1500 р. в качестве жалованья и 500 р. в качестве столовых (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 13. Отд-ние 2. К № 11189).

⁷ Роль стандартного выражения в ситуации с лицами дворянского происхождения в этом случае играла фраза «из дворян».

Штаб-офицерскими детьми называли детей чиновников VI–VIII классов по Табели о рангах (приспосабливаясь к современным реалиям, штаб-офицеры – старшие офицеры). По определению вплоть до 1845 г. чиновники этих классов, за исключением тех, что стали гражданскими чиновниками VIII ранга благодаря полученной при отставке награде после издания высочайше утверждённого 29 июля 1832 г. мнения Государственного совета «О непризнании в потомственном дворянстве чиновников, получивших чины коллежского асессора или 8-го класса при отставке» (распубликовано Правительствующим сенатом 2 сентября 1832 г.) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 7. № 5529), являлись потомственными дворянами.

О получении указа из Правительствующего сената с известием о всемирнолюбивейшем пожаловании «за усердную службу Вологодского уездного училища смотрителя Засодемского (в цитируемом фрагменте фамилия через «е». – В. М.)», отца В. М. Засодимского, чином коллежского асессора, гражданским чином VIII класса по Табели о рангах, Вологодское губернское правление уведомило директора училищ Вологодской губернии и Вологодской губернской гимназии отношением от 2 июля 1808 г., после чего, 4 июля 1808 г., согласно клятвенному обещанию, М. А. Засодимский как произведённый в новый чин и был при означенном директоре священником вологодского кафедрального собора приведён к присяге на верность императору и тому, кто будет назначен наследником престола (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 248. Л. 69, 70).

Благодаря пожалованию М. А. Засодимскому, сыну дьячка, чина коллежского асессора состоялось решение Вологодского дворянского депутатского собрания, согласно журналу собрания от июня 1817 г., о внесении его в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, и о «сочинении» протокола об этом (ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 101 об.). В соответствии с решением появился протокол – протокол Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении коллежского асессора Михайлы Андреева сына Засодимского с «родом» в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, от 2 июня 1817 г. (см. прил.). Но указом из Временного присутствия Герольдии Правительствующего сената Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 4 декабря 1842 г., данным по рассмотрении представленного ревизовавшей действия Вологодского дворянского депутатского собрания комиссией при рапорте от 16 марта 1837 г. «списка» «с изложением существа документов, на основании которых признан в дворянстве тем собранием коллежский асессор Михайло Засодимский (фамилия подчёркнута в цитируемом фрагменте. – В. М.) с детьми его», в отличие от М. А. Засодимского, его дети Владимир и Градислава не удостоились утверждения в дворянском достоинстве, так как «о происхождении от него показанных при нем сына Владимира и дочери Градиславы» метрических свидетельств не было «ни в списке» «прописано», «ни особо» «представлено» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 6–7).

Спустя почти 10 лет после появления вышеозначенного указа, когда старшему сыну В. М. Засодимского Михаилу предстояло вступить в службу, от В. М. Засодимского в Вологодское дворянское депутатское собрание вошло прошение (датовано маем 1852 г.)

о внесении в дворянскую родословную книгу не только его детей Михаила и Павла, Марии и Елизаветы, но и его самого. Для внесения В. М. Засодимского с детьми в дворянскую родословную книгу в Вологодское дворянское депутатское собрание поступили: во-первых, при вышеупомянутом прошении выданная М. А. Засодимскому грамота о внесении его с «родом» в Дворянскую родословную книгу Вологодской губернии, в 3-ю часть, от 2 июня 1817 г., документы на пожалованные В. М. Засодимскому орден Святого Станислава 4-й степени и чины коллежского асессора и надворного советника, грамота на орден от 16 февраля 1834 г. и патенты на чины от 10 октября 1839 г. и от 11 декабря 1842 г., а также метрические свидетельства о рождении и крещении Михаила и Марии, первое Санкт-Петербургской духовной консистории от 18 июня 1845 г. и второе Вологодской духовной консистории от 9 сентября 1837 г., во-вторых, при отношении Вологодской палаты государственных имуществ от 21 мая 1852 г. публикуемая копия формулярного списка о службе В. М. Засодимского, в-третьих, при отношениях Санкт-Петербургской и Вологодской духовных консисторий, первой от 22 мая 1852 г., второй от 29 мая 1852 г., выписанные ими метрические свидетельства о рождении и крещении, первой Елизаветы от 22 мая 1852 г., второй Павла от 29 мая 1852 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 9–23 об.). «На основании представленных доказательств» Вологодское дворянское депутатское собрание, согласно журналу оного от 14 июня 1852 г., приняло решение о внесении В. М. Засодимского с детьми Михаилом и Павлом, Марией и Елизаветой в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть (ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 204. Л. 232, 234 об.–236). Решение получило утверждение указом из Правительствующего сената Вологодскому дворянскому депутатскому собранию от 14 ноября 1852 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 29–30).

⁸ 1) В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. вместо «Вельского уезда» написано «Кадниковского уезда» в связи с тем, что в соответствии с высочайше утверждённым 28 ноября 1849 г. мнением Государственного совета «О присоединении западной оконечности Вельского уезда к Кадниковскому уезду», содержащиеся в котором «предположения» надлежало «привести в действие с 1 января 1851 года», д. «Пажарица под деревней Мизинской», т. е. д. Пожарище под д. Митинской, перешла в состав Кадниковского уезда Вологодской губернии (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 24. Отд-ние 2. № 23683; К № 23683). По Списку населенных мест Вологодской губернии по сведениям 1859 года, разновременственная деревня Кадниковского уезда Пожарище располагалась «по проселочной Каргопольской дороге», при р. Явенге, в 168 верстах от уездного города и в ней насчитывалось 9 дворов и 70 жителей: 38 мужского пола и 32 женского (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 7: Вологодская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Санктпетербург, 1866. № 5308). В официальном справочнике административно-территориального устройства Вологодской области на 1 января 2000 г. д. Пожарище указана среди населённых пунктов Явенгского сельсовета Вожегодского муниципального района (Вологодская область: административно-территориальное устройство на 1 января 2000 года: официальный справочник / Администрация Вологодской области. Вологда, 2001. № 1906).

2) Надлежало вносить количество душ мужского пола по последней ревизии. Начало 1850-х гг. ознаменовалось проведением 9-й ревизии.

В клировой ведомости Покровской Явенгской церкви Кадниковского уезда за 1852 г. по отстоящей от церкви на расстоянии $\frac{1}{4}$ версты д. Пожарищу проходят 7 дворов Е. П. Засодимской с 22 душами мужского пола и 22 женского, 1 двор Е. Н. Шипиловой, сестры поэта К. Н. Батюшкова, с 3 душами мужского пола и 3 женского и 3 двора государственных крестьян с 10 душами мужского пола и 8 женского (ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 455. Л. 434 об.–435).

3) 1 десятина = 2400 квадратных сажений $\approx 1,0925$ га.

4) В алфавитном списке помещиков 1820–1830-х гг. с указанием числа принадлежавших им душ в разрезе населённых пунктов Вологодской губернии против записи об имении Е. П. Засодимской – 25 душах по д. Пожарищу Zubовской волости Вельской округи – значится: «Причислены 1826, марта 26, из-за Кологривовой Александры 17 и из-за Павла Михайлова Засецкого 8 душ» (ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 147 об.).

Вышеназванный список позволяет составить некоторое представление о благосостоянии отца матери писателя флота лейтенанта Павла Михайловича Засецкого. По списку, П. М. Засецкий перед свадьбой дочери Екатерины имел 94 души в Вологодской губернии: 87 душ в Вологодской округе (64 в Ракульской волости: 18 по сд. Фоминскому, 17 по д. Петракову, 8 по д. Обсакову (в документе: в д. Аксакове), 2 по сд. Новому и 19 по д. Обухову; 10 в Сямской волости: 3 по д. Рылову и 7 по д. Брякину; 13 в Маслен-

ской волости, по д. Попадьюну) и 7 душ в Вельской (в Zubовской волости, по д. Пожарищу) (ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 136 об.–137). После свадьбы дочери против записи о его имении появилась помета: «1826, марта 26, исключить из селца Фоминского 1 и из деревни Пожарища 7, а всего 8 душ за Катерину Засодимскую» (Там же. Л. 136 об.). Как видим, к дочери отошли все те немногие души, что считались за отцом по периферийной для помещичьего мира Вельской округе (и почти только они). Посредством следующей, за вышеприведённой, пометы сказано о существенном увеличении вологодского имения П. М. Засецкого вследствие перехода к нему имения Федора Алексеевича Засецкого: «1826, июля 12, причислить из-за Федора Засецкого 70 (до исправления: «80». – В. М.) душ по тем же селениям, какие значатся в верху» (Там же). В верхней части листа расписан состав имения Ф. А. Засецкого: Вологодской округи в Ракульской волости 6 душ по сц. Чечулину, 18 по д. Тчанникову и 17 по д. Галкину, в Кубенской 15 по д. Волкову и в Оларевской 12 по д. Шастову и 8 по д. Муравьеву. Роспись снабжена пометами: 1) «29 марта 1823 причислить [в] селцо Чечюлино (так в помете. – В. М.) 5 душ, по[куп]ных у Елены Самариной, из [Нов]городской губернии»; 2) «27 февраля 1824 исключить из деревни Шастова 1 душ[у] за Флегонта Барша»; 3) «1826, июля 12, исключить остальные 70 (до исправления: «80»; в свете сделанных помет получается, что «остальные» это не 70, а 80. – В. М.) душ за Павла Засецкого» (Там же). На душевладение П. М. Засецкого в других губерниях некоторый свет отбрасывает копия его послужного списка 1825 г., где показано, что он имел в Вологодской и Новгородской (Новгородской) губерниях всего 84 крестьянские души (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 52. Л. 99 об.). [В последнем документе состав семьи П. М. Засецкого очерчен так: жена дворянская дочь Катерина Григорьевна (в девичестве Путилова), сыновья Константин, Николай и Александр и дочери Наталья и Елизавета (Там же. Л. 100)]. Дополнительно отметим, что в алфавитном списке малолетние Михайло и Константин Павловичи Засецкие прописаны владельцами 22 душ в Вологодской округе, в Ракульской волости (10 по д. Галкину и 12 по д. Митину) (ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 56. Л. 137).

⁹ 1) Знакомым с творчеством П. В. Засодимского селение Миролюбово известно и как Токаренец. В отличие от топонима «Пожарище», топоним «Миролюбово» в случае с Вологодской губернией в качестве названия населённого пункта – редкость. Это в высшей степени справедливо и по отношению к топониму «Токаренец». Вместе же они образуют обладающее крайне высоким маркирующим потенциалом сочетание. Согласно Списку населенных мест Вологодской губернии по сведениям 1859 года, владельческое селцо Миролюбово (Токаренец) находилось на Архангельском тракте, в 19 верстах от г. Вологды и в нём стоял только 1 двор и числилось 9 жителей: 6 мужского пола и 3 женского (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 7: Вологодская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Санктпетербург, 1866. № 27). [По поводу указанного в скобках названия Токаренец заметим, что селцо было поблизости от казённой деревни Токарева с 23 дворами и со 136 жителями, 61 мужского пола и 75 женского, с сельским управлением и расправой и с этапным домом (Там же. № 28).] Ныне Миролюбова (Токаренца) не существует.

2) П. В. Засодимский посвятил отдельный очерк своим воспоминаниям о жизни в сц. Миролюбове (Токаренце) с характерным наименованием «В родном уголке». В начале 1970-х гг. в вологодской прессе об этом селении вышла в двух редакциях статья краеведа В. К. Панова, изучавшего места, связанные с жизнью П. В. Засодимского: Панов В. К. «Токаренец тож» // Красный Север: орган Вологодского областного комитета КПСС и областного Совета депутатов трудящихся. 1971. 14 нояб. [С. 4]; Он же. Родные места Засодимского // Вологодский комсомолец: орган Вологодского обкома ВЛКСМ. 1972. 4 июня. [С. 4].

3) См. примеч. 8.

4) В 1855 г. Е. П. Засодимская приобрела у своего брата Н. П. Засецкого имение – 36 душ в Вологодском уезде: 2 души по сц. Чечулину, 15 по д. Тчанникову, 10 по д. Галкину и 9 по д. Митину. В проекте купчей крепости на это имение читаем: «Лета тысяча восемьсот пятьдесят пятого, июня в двадцать третий день, потомственный дворянин прапорщик Николай Павлов Засецкий, продал я с разрешения Вологодского приказа общественного призрения, изъясненного в отношении Вологодской палате гражданского суда от 22 июня за № 4411, потомственной дворянке жене штабс-капитана Екатерине Павловой Засодимской и наследникам ее в вечное и потомственное владение крепостное свое заложенное в оном приказе с переводом долга оному по двум займам, первому одной тысячи четырехсот двадцати одного рубля тридцати копеек и второму шестисот сорока семи рублей

восьмидесяти девяти копеек, процентов и всех обязанностей в рассуждении исправного платежа долга и процентов доставшееся мне после родителя моего флота лейтенанта Павла Михайлова Засецкого по крепостному духовному завещанию, засвидетельствованному в Вологодской палате гражданского суда 1852 года, июля 7 дня, недвижимое имение, состоящее Вологодской губернии и уезда в деревнях Чанникове (так в документе. – *В. М.*) 15, Галкине 10, в сельце Чечулине 2 и деревне Митине 9, а всего писанных по последней, 9^я, ревизии тридцать шесть мужского пола душ дворовых людей и крестьян с их женами, вдовами, девками, пасынками, приемными и рожденными после ревизии обоого пола детьми и со всеми их семействами, без раздробления оных, с их крестьянским и господским разного рода строением, имуществом, скотом, птицами, скотским кормом, хлебом, наличным и в земле посеянным, также с владеемою ими пашенною, непашенною, сенокосною, лесопорослою и всякого качества землею, без остатка, коей в деревнях Чанникове тридцать шесть десятин, Галкине тридцать девять десятин и Митине сорок десятин и сельце Чечулине сто восемьдесят десятин единственного моего владения и в принадлежащей к деревне Чанникове пустоше Киверниковой тридцать шесть десятин единственного же владения. А взял я, Засецкий, у нее, Засодимской, за вышеписанное недвижимое имение денег серебряною монетою три тысячи двести пятьдесят рублей, включая в то число и долг Вологодскому приказу общественного призрения, при сей купчей все сполна. Напредь же сей купчей оное мое недвижимое имение никому другому не продано, кроме Вологодского приказа общественного призрения, не заложено, ни у кого ни в каких крепостях не укреплено, ни за что не отписано и в споре ни с кем не состоит. С написания сей купчей все государственные подати, поземельные и прочие повинности за проданных мною крестьян платить ей, г. Засодимской, а мне до того платежа дела нет, для чего и обязуется она перечислить их за себя. Рекрутские долговые доли, сколько таковых в настоящее время на продаваемых крестьянах состоит, переходят на ответственность покупщицы, г. Засодимской...» (ГАВО. Ф. 178. Оп. 2. Д. 74. Л. 5–6). В составленном спустя год после этой сделки «Общем списке господ дворян Вологодского уезда, имеющих право участвовать во всех делах дворянского собрания» (список от 6 октября 1856 г.) Н. П. Засецкий проходит как беспоместный дворянин: в нём против его имени указано: «За ним имения никакого не состоит» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 863. Л. 38 об.). Таковым же он значится и в одноимённом списке от декабря 1859 г. (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 68 об.).

По Списку населенных мест Вологодской губернии по сведениям 1859 года, владельческие сельцо Чечулино и деревни Галкино и Тчанниково располагались по правую сторону Белозерского тракта на расстоянии от г. Вологды 10–12½ вёрст (Чечулино в 10 верстах, Галкино в 12½ и Тчанниково в 12), а владельческая деревня Митино – по левую сторону Архангельского тракта на расстоянии 24 вёрст от г. Вологды. В сц. Чечулине насчитывалось 2 двора и 22 жителя, 13 мужского пола и 9 женского, в д. Галкине – 9 дворов и 61 житель, 28 мужского пола и 33 женского, в д. Тчанниково – 8 дворов и 45 жителей, 24 мужского пола и 21 женского, и в д. Митине – 6 дворов и 41 житель, 21 мужского пола и 20 женского (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 7: Вологодская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Санктпетербург, 1866. № 80, 287, 288, 290). До наших дней эти населённые пункты не дожили.

¹⁰ Об образовании В. М. Засодимского удалось установить следующее: 24 марта 1805 г., по ведомостям о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии 1805 г., за 1805 г. и за 1-ю половину 1807 г., он поступил в находившееся в том же здании, что и Вологодская губернская гимназия, и открытое незадолго перед этим, 12 ноября 1804 г., двухклассное Вологодское уездное училище (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 110. Л. 1 об., 12 об.–13; Д. 111. Л. 1 об., 20 об.–21; Д. 223. Л. 1 об., 22 об.–23). Штатным смотрителем этого училища, судя по копии с копии высочайше утверждённого 2 октября 1822 г. доклада министра духовных дел и народного просвещения, с 13 октября 1804 г. по 23 августа 1821 г., по день смерти, служил отец В. М. Засодимского, М. А. Засодимский (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 583. Л. 1). Судя по ведомостям о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1-ю и 2-ю половины 1807 г., за 1807 г., за 1-ю половину 1808 г. и за 1808 г., ученик младшего отделения I класса Вологодского уездного училища В. М. Засодимский стал учеником учреждённого «при Вологодском уездном училище приходского, вместо младшего отделения (I класса училища. – *В. М.*)» с 8 ноября 1807 г., т. е. со дня открытия этого одноклассного приходского училища (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 174. Л. 3 об.–4, 21 об.–22; Д. 175. Л. 8 об.–9; Д. 223. Л. 22 об.–23; Д. 228. Л. 1^а об.–2, 24 об.–25, 33 об.–34, 52 об.–53). В Вологодском приходском училище он проучился недолго: уже 9 января 1808 г., по ведомости о состоянии Вологодской губер-

ской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1-ю половину 1808 г., он вновь «вступил» в I класс Вологодского уездного училища (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 228. Л. 51 об.–52). 30 сентября 1808 г., судя по датированному этим числом списку переводимых из I во II класс учеников Вологодского уездного училища, в конец которого вписан В. М. Засодимский, и ведомостям о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1808 г. и за 2-ю половину 1810 г., он был переведён во II класс Вологодского уездного училища (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 225. Л. 6 об.; Д. 228. Л. 22 об.–23; Д. 267. Л. 18 об.). В «Изображении успехов Вологодского уездного училища в науках, преподаваемых учителями Федором Миловидовым и Алексеем Смельковым. Испытание июня... дня 1810го года» указано, что ученик II класса «Владимир Засодимский» получил шаров: 9 из 15 по всемирной истории, 11 из 20 по российской грамматике, 8 из 15 по всеобщему землеописанию, 10 из 16 по 2-й части арифметики, 11 из 20 по российской истории, 12 из 20 по российскому землеописанию, 4 из 10 по естественной истории, 6 из 10 по латинскому языку и 5 из 10 по немецкому языку, – благодаря чему набрал 76 из 136 шаров, вследствие чего, судя по этому «изображению», оказался по общему количеству шаров 6 учеником из 16 (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 272. Л. 1 об.–2). 18 августа 1810 г., по ведомостям о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 2-ю половину 1810 г. и за 1-ю половину 1811 г., В. М. Засодимский, наряду с другими учениками Вологодского уездного училища, подвергся открытому испытанию и, как и ещё 11 учеников II класса Вологодского уездного училища, удостоился перевода в I класс Вологодской губернской гимназии (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 267. Л. 1 об.–2, 18 об., 20 об.–21; Д. 302. Л. 17 об.–18). Гимназию он окончил в 1814 г.: в предваряемом отпуском сопроводительного рапорта директора училищ Вологодской губернии Училищному комитету Императорского Московского университета от 28 сентября 1814 г. отпуске «Порядков публичных испытаний, учиненных сего, 1814го, года в августе и сентябре месяцах и Списков отличившимся на оных ученикам в учебных заведениях, в Вологодской губернии находящихся» он значится последним, пятым, в имеющемся в «Порядке испытания учеников в Вологодской губернской гимназии сего, 1814го, года августа 26го числа» списке учеников Вологодской губернской гимназии «4го класса, кончавших курс учения, выпущены с аттестатами» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 3488. Л. 2–3). В вышеуказанном «порядке испытания учеников в Вологодской губернской гимназии» так описано состоявшееся 26 августа 1814 г. публичное испытание: «Когда по предварительном извещении чрез г. директора прибыли Его Преосвященство Вологодский и Великоустюжский епископ и кавалер Онисифор, Спасокаменского монастыря архимандрит и Вологодской семинарии префект Гавриил и Его Превосходительство правящий должность вологодского гражданского губернатора господин действительный (так в документе. – В. М.) статский советник и кавалер Иван Иванович Винтер, а чрез гг. учителей – прочие чиновники и чрез градскую полицию собрались разных сословий посетители, то в 4^м часу пополудни, по занятии чиновниками мест, акт начался речью, говоренною на русском языке старшим учителем 1^м Суровцовым, после которой испытываемы были ученики в следующих предметах: 1^е, в Законе Божием. 2^е, французском языке, математике и физике. Посем говорена речь на французском языке учеником IV^{го} класса Павлом Обнорским. 3^е, немецком языке, психологии и политической экономии. 4^е, латинском языке. Посем говорена речь на латинском языке учеником III^{го} класса Васильем Поповым. 5^е, истории, географии и статистике. 6^е, логике, нравственной философии и российской словесности. 7^е, естественной истории, технологии и коммерческой науке. 8^е, юриспруденции. Наконец, говорена благодарная к посетителям речь на русском языке учеником II^{го} класса Александром Ретровским. Посем были раздаваемы отличившимся ученикам призы. В заключение же акта были показываемы ученические упражнения в рисовальном искус[с]тве. Сей учебный акт кончился в 8 часов пополудни» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 3488. Л. 2 об.). По завершении обучения в гимназии числящийся в списке учеников IV класса оной в ведомости о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1-ю половину 1814 г. последним, десятым, В. М. Засодимский, как и ещё 6 его одноклассников, не имел желания «продолжать службу в ученом звании» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 382. Л. 19 об.–20).

В. М. Засодимский, согласно ведомостям о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии 1805 г., за 1805 г. и за 1-е половины 1811 и 1814 гг., являлся самым младшим как среди учеников I класса Вологодского уездного училища (и училища в целом), так и среди учеников I и IV классов Вологодской губернской гимназии (в первом случае и гимназии в целом) (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 110. Л. 10 об.–14; Д. 111. Л. 18 об.–22; Д. 302. Л. 16 об.–18; Д. 382. Л. 19 об.–20).

Указание документа на то, что В. М. Засодимский окончил Вологодскую губернскую гимназию в 1808 г., появилось, приходит на ум, не без влияния того, что во времена, когда

обязательным стало включение в формулярный список о службе данных об образовании, нормой в ситуациях, подобных той, что у В. М. Засодимского, было вступление в службу по выходе из стен учебного заведения и нетипичным являлось совмещение службы в одном месте и учёбы в другом, естественное для времени, когда практиковалась подвергшаяся запрету как порочная запись незрелых молодых людей на службу (см. примеч. 3 и 13). Сведения об образовании в том виде, в каком они предстают в публикуемом документе, нивелируя факт раннего вступления в службу В. М. Засодимского, гармонично смотрятся в контексте реалий середины XIX в.

¹¹ Губернский финансовый орган.

¹² Чин подканцеляриста – чин, находившийся в чиновной иерархии ниже чинов, включённых в Табель о рангах (поэтому его условно можно назвать «подтабельным»), т. е. ниже обер-офицерских чинов, составлявших первую категорию чинов в Табелях о рангах (применяясь к современности, обер-офицеры – младшие офицеры). Следом за чином подканцеляриста шёл аналогичный чин канцеляриста. Сенатским указом от 17 января 1737 г. повелевалось: «Иметь ранги канцеляристам сержантские, а подканцеляристам капральские, и для того Герольдмейстеру и об них взнестъ в выписку о рангах» (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 10. № 7160). Упразднённые в конце XVIII в. чины сержанта и капрала как предшественные обер-офицерским также не значились в Табелях о рангах.

¹³ На момент вступления в службу, т. е. на 30 апреля 1809 г., В. М. Засодимскому было около 9 лет. Для того времени запись незрелых молодых людей на службу – типичное явление, зиждущееся, как видится, на представлении о том, что чем раньше молодой человек начнёт служить, тем моложе он будет на момент получения как первого, так и последующих классов чинов (классные чины – чины, помещённые в сетку Табеля о рангах, где каждый чин указан против какого-либо класса) и, соответственно, занятия хороших должностей. В целях изжития этого явления «Положением о канцелярских служителях гражданского ведомства» от 14 октября 1827 г. запрещалось лиц моложе 14 лет причислять к какому-либо гражданскому ведомству и повелевалось считать начало действительной службы со времени достижения служащим 16-летнего возраста (ст. V) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 2. № 1469).

¹⁴ См. примеч. 12.

¹⁵ Один из первых классов гражданских чинов: относился к XIV, самому низшему, классу. С него началась служба В. М. Засодимского в называвшихся на манер военных обер-офицерскими гражданскими чинах XIV–IX классов. Полученные В. М. Засодимским после чина коллежского регистратора гражданские чины, подпадавшие под выше-названную категорию, относились к следующим классам: чин губернского секретаря – к XII, чин коллежского секретаря – к X и чин титулярного советника – к IX.

В именном указе «О правилах производства в статские чины» от 16 декабря 1790 г., в частности, о пожаловании чинами этой группы сказано: «1. Произвождение чинов в штатное положение и на убыль только места из канцелярских служителей да будет оставлено по прежнему на основании указа Нашего, на докладе Сената 1765 года августа 8 (сентября 5) состоявшегося. 2. К ободрению людей достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению, по представлениям их начальства давать чины тем из удостоенных, кто не менее трех лет в одном чине действительно служит, разумея до 8 класса; но и тут по точным доказательствам прилежности, особливаго искусства и успеха в делах, и то порядком из чина в чин и именно: из нижних чинов канцелярских в регистратуры и тому подобные, из сих в губернские секретари или во второй надесят класс, потом в коллежские секретари или в титулярные советники» (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 23. № 16930). Очерченную систему гражданского чиновпроизводства «до 8 класса» скорректировал именной указ с говорящим названием «О произвождении из губернских секретарей в коллежские секретари, а из сего чина в титулярные советники» от 16 апреля 1811 г. (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 31. № 24596).

¹⁶ Дата в случае с записью об удостоении В. М. Засодимского чином коллежского регистратора, как и даты против подобных же записей с чинами губернского секретаря, коллежского секретаря и титулярного советника, – это не дата как такового производства в чин, а дата, с которой считалось старшинство в чине, отсчитывалась выслуга следующего чина.

Почему в качестве даты старшинства в чине указан последний день года, ответ даёт именной указ «О правилах производства в статские чины» от 16 декабря 1790 г. В п. 13 указа читаем: «Для облегчения Общаго Собрания Сената помещения на вакансии, представления кандидатов и отставку, яко дела ни какому недоразумению неподверженные, и на кои имеются ясные законы, делать в Первом Сената департаменте; рассмотрение же о произвождении в чины да останется по прежнему в Общем Собрании; но дабы и тут

упредить обиду в разборе старшинства между удостоенными делать оное в конце декабря каждого года под одним числом, представляя внесенные от генерал-губернаторов, правящих ту должность и прочих мест и чинов, право к сему имеющих удостоверение по губерниям по порядку одна за другою» (ПСЗ РИ. Собр. 1. Т. 23. № 16930).

¹⁷ Речь идёт о Вологодском губернском правлении.

¹⁸ Речь идёт о Канцелярии вологодского гражданского губернатора.

¹⁹ См. примеч. 15 и 16.

²⁰ См. примеч. 15 и 16.

²¹ См. примеч. 15 и 16.

²² С определением В. М. Засодимского в число канцелярских чиновников Государственной экспедиции для ревизии счетов начался санкт-петербургский период его службы.

Благодаря переезду В. М. Засодимского с семьёй в столицу в исповедной ведомости Власиевской церкви, что в Обухове г. Вологды за 1829 г. против записи о его семье, где росло три ребёнка: Павел, Мария и Иоанн, – появилась помета: «Уехали в Санкпитебургх» (ГАВО. Ф. 1063. Оп. 9. Д. 1. Л. 362). Из этих троих детей не выживут Павел и Иоанн. Упомянутый Павел являлся первенцем четы Засодимских. Согласно метрической тетради Параскевинской церкви, что на Пятницком мосту г. Вологды на 1826 г. (консисторский экземпляр), у «титularного советника Владимира Михайлова Засодемского (в документе фамилия через «е». – В. М.) от жены ево Катерины Павловы родился сын Павел» 9 сентября 1826 г. [11 сентября крещён; «при крещении восприемником был капитан-лейтенанта (точнее – флота лейтенанта. – В. М.) Павла Михайлова господина Заседского (в документе фамилия через «дс». – В. М.) сын Николай» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 118. Л. 374). Н. П. Засецкий как родной брат матери приходился новорождённому дядей.

²³ Поэтому В. М. Засодимский стал называться чиновником 9-го класса.

Переименование В. М. Засодимского в чиновники 9-го класса произошло ввиду занятия им должности помощника бухгалтера в соответствии с сенатским указом «О переименовании состоящих по счетной части чиновников в классы» от 24 октября 1829 г. Этот указ появился после данного Правительствующему сенату именного указа «О правилах производства гражданских чиновников, служащих в военном ведомстве и по счетным частям, в 8 и 5 классы» от 24 июня 1829 г., где, в частности, предписывалось чиновников, определённого в нём круга, переименовать в «соответственные» их чинам «классы» и «производить не в чины, а в классы» «по 5-й включительно» (вследствие этого последнее не касалось чиновников самого высшего из них ранга, V ранга), что мотивировалось намерением «отвращения затруднений», «происходивших» «при исполнении» «особых правил» производства «в 8 и 5 классы», под действие которых подпадали эти чиновники (см. примеч. 26) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 3. № 2573; Т. 4. № 2950, 3252).

²⁴ Знак отличия беспорочной службы учредили за 5 лет до этого, о чём в «Статуте знака отличия беспорочной службы» от 22 августа 1827 г. сказано: «Учрежденным почитать его в 22 день августа 1827 года, в память дня НАШЕГО коронования» (§ 2), т. е. в память состоявшегося 22 августа 1826 г. венчания на царство Николая Павловича. В соответствии со статутом, 22 августа его и надлежало ежегодно жаловать (§ 3), причём гражданским чиновникам на Владимирской ленте (§ 6). По поводу учреждения этого знака в преамбуле статута значится: «Объемля отеческим попечением пользы и выгоды каждого сословия верных НАШИХ подданных и желая явно поставить на вид пред НАМИ и пред Отечеством цену постоянно беспорочной службы, МЫ признали справедливым, в награду оной, установить новый знак отличия, как доказательство уважения и благоволения НАШЕГО к скромным, но не менее существенным достоинствам служащих». «Время служения, – гласит статут, – за которое назначается знак отличия беспорочной службы, определяется состоящим в классах и выслужившим полных 15, 20, 25, 30 35 и 40 лет и так далее, прибавляя к каждому сроку выслуги по пяти лет, и считая службу от первого обер-офицерского чина» (§ 9) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 2. № 1313). В связи с этим в высочайше утверждённые 30 марта 1829 г. «Дополнительные постановления, для руководства по предмету удостоения чиновников к знаку отличия беспорочной службы» включили положение: «Время поступления в классный чин, сообразно с ВЫСОЧАЙШЕ утвержденным в 1827 году Уставом о пенсиях, считать не ранее как с 16-тилетнего возраста, несмотря на то, хотя бы представляемые к знаку отличия беспорочной службы и прежде сего возраста получили офицерский чин» (п. 6) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 4. № 2850). Из обладавших необходимой выслугой для получения знака отличия беспорочной службы право на награждение этим знаком имели, как сказано в «Статуте знака отличия беспорочной службы», «исключительно те, кои во все время оной известны стали и по формулярным их спискам и в должностях, ими занимаемых, ревностными и усердными, и кои трудами постоянными, непоколебимою нравственностью и продолжительным прилежанием оказали себя полез-

ными и верными исполнителями в делах службы» (§ 13). Согласно статуту, по получении каждого нового знака отличия беспорочной службы чиновник обязан был заслуженный им ранее знак отличия беспорочной службы вернуть в капитул орденов (§ 12) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 2. № 1313).

Следующих знаков отличия беспорочной службы, за XX и XXV лет, В. М. Засодимский удостоился уже в соответствии с пришедшим на смену «Статуту знака отличия беспорочной службы» от 22 августа 1827 г. высочайше утвержденным 10 марта 1837 г. «Уставом о знаке отличия беспорочной службы для военных и гражданских чиновников», где нашли отражение вышеприведенные данные из основной части названного статута и из «Дополнительных постановлений, для руководства по предмету удостоения чиновников к знаку отличия беспорочной службы» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 12. Отд-ние 1. № 10020).

В свете неприятностей по службе у В. М. Засодимского в 1840–1850-е гг. необходимо отметить, что, в соответствии с § 28 «Устава о знаке отличия беспорочной службы для военных и гражданских чиновников», права на получение знака отличия беспорочной службы лишались: «1) Все те, кои были, по разным случаям, под судом и в прикосновенности к судным и следственным делам, и по решениям суда, полного оправдания в поступках своих не получили. 2) Бывшие под судом и следствием, и хотя ненаказанные или неоштрафованные по недостатку доводов к обвинению, но оставленные в подозрении. 3) Бывшие под судом, но прощенные Всемилоштивейшими манифестами. 4) Подлежавшие, по поступкам своим, преданию суду, но избавленные от того силою Всемилоштивейших манифестов, или Монаршим прощением. 5) Все те, кои по формулярным спискам, в течение того срока, за который следовало бы определить знак, в чем-либо были не удостоены...», но это не касалось тех чиновников, «коих неаттестование относилось только к недостатку способностей, но которые со стороны усердия к службе и благонравия» имели «одобрительные засвидетельствования». В соответствии с § 31 устава, к нему не могли представляться: 1) состоявшие под следствием или судом и «коих действия» «по прикосновенности к следственным и уголовным делам» подлежали «совокупному с оными рассмотрению» до тех пор, пока не получали полного оправдания, и 2) те, которые хотя и не состояли под следствием или судом, «но действия коих, до службы относящиеся», «по каким-либо обстоятельствам», находились «в рассмотрении высшего начальства», «до окончательного о них решения». Лишенные права на получение знака отличия беспорочной службы по § 28 устава, согласно § 30 его же, могли воспользоваться правом на получение этого знака, «если после окончания дел, или после случаев, по которым не могли быть удостоены таковой награды, они выслужили вновь беспорочно и с усердием установленные на получение знака лета» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 12. Отд-ние 1. № 10020). Положения, находящиеся в §§ 28, 30 и 31 первоначального варианта закона – «Устава о знаке отличия беспорочной службы для военных и гражданских чиновников», – находим и в редакции этого закона в «Учреждении орденов и других знаков отличия» в «Своде законов Российской империи» издания 1857 г. (ст. 718, 720 и 721), но при этом в вышеуказанной редакции закона вместо содержащегося в первоначальном варианте положения о вычете из срока выслуги на получение знака отличия беспорочной службы за выговор, «полученный на службе не по суду, но со внесением оного в формулярный список», одного года (§ 25) есть положение о вычете из срока выслуги на получение знака отличия беспорочной службы за выговор, «полученный на службе со внесением в формулярный список (ст. 711, п. 4 и примеч.)», одного года (ст. 715) [ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 12. Отд-ние 1. № 10020; Учреждение орденов и других знаков отличия // СЗ РИ. Изд. 1857. Т. 1. Ч. 2]. Для понимания, с чем это связано, нужно указать, что, согласно высочайше утвержденному 1 июня 1853 г. мнению Государственного совета «О порядке означения штрафов в формулярных списках», действие ст. 1096 и 1351 «Устава о службе по определению от правительства» издания 1842 г. «о воспреещении представлять к наградам чиновников», «подвергшихся по суду оштрафованиям», распространялось «только на тех, у которых в послужных списках» были «отмечены, в штрафной (XI) графе, штрафы, положенные прямо от Высочайшего Имени, или по приговору уголовных судилищ» (чиновников, «у коих бытность под судом или сделанные им по суду и от Высочайшего Имени замечания и другие взыскания» были «показаны только в графе (VII) формуляра о прохождении службы», не следовало подводить под действие вышеназванных статей) (п. 4) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 28. Отд-ние 1. № 27308). В этом же высочайше утвержденном мнении Государственного совета по поводу внесения в графы VII, о прохождении службы, и XI, штрафную, формулярного списка о службе порочащих чиновника сведений сказано: «1. Бытность под судом и определенный окончательным решением судного дела штраф всегда вносятся в формулярный о службе список, но с следующим различием: в штрафной (XI) графе формуляра отметка сия делается тогда, когда штраф наложен был

на состоящего под судом чиновника: а) по приговору, постановленному на основании узаконений, действовавших до издания уложения о наказаниях (имеется в виду высочайше утверждённое 15 августа 1845 г. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». – В. М.), без различия, было ли в приговоре сказано о внесении штрафа в список или нет, и б) по состоявшемуся, на основании уложения, приговору, если штраф, сим приговором определенный, принадлежит к числу штрафов, только по суду налагаемых; если же штраф, на основании уложения определенный, такого рода, что может быть налагаем не только судебным, но и административным порядком (примеч. к 71 ст. улож[ения]), то оный вносится в штрафную графу формуляра в таком только случае, когда в приговоре именно заключено внести штраф в послужной список. 2. При постановлении вновь приговоров о преданных уголовному суду чиновниках, судебные места обязаны при определении таких штрафов, которые по действующим ныне законам могут быть определяемы не только судебным, но и административным порядком, в избежание недоразумений, непременно изыскивать, должно ли положенное решением взыскание внести в штрафную (XI) графу послужного списка; затем всякая неподлежащая внесению в штрафную графу подсудимость отмечается в графе (VII) формуляра о прохождении службы. 3. Определяемые по суду после издания уложения о наказаниях замечания, более или менее строгие, не подлежат внесению в штрафную графу формуляра, исключая только выговоров и замечаний, делаемых прямо от Высочайшего Имени, когда притом о внесении оных в штрафную графу именно повелено будет» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 28. Отд-ние 1. № 27308). Вскоре после выхода в свет редакции «Устава о знаке отличия беспорочной службы для военных и гражданских чиновников» в «Учреждении орденов и других знаков отличия» (в «Своде законов Российской империи» издания 1857 г.) появился новый, третий по счёту, основной закон о знаке отличия беспорочной службы – высочайше утверждённый 20 мая 1859 г. «Устав о знаке отличия беспорочной службы». Произошло серьёзное ужесточение требований для получения этого знака. Так, согласно новому закону, навсегда лишались права на получение знака отличия беспорочной службы «все те из бывших под судом и присужденных к какому-либо наказанию или взысканию или подвергшихся штрафам, у коих бытность под судом и сделанные им замечания или другие взыскания и наказания» оказались показанными «в послужных списках, в штрафной графе или в графе о прохождении службы» (ст. 30, п. 4) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 34. Отд-ние 1. № 34513). Прелюдией к этому закону явился именной указ «Об изменении сроков пожалования знака отличия беспорочной службы» от 3 апреля 1858 г., где с целью, согласно указу, возвышения значения этой награды постановлялось: «Знак отличия беспорочной службы назначать впредь за действительную выслугу сорока лет и следующие десятилетия. – Удостоение к знаку отличия за выслугу других меньших сроков, отменить», что не распространялось на тех чиновников, «которые до дня состояния сего указа приобрели право на получение знака отличия беспорочной службы за прослужение сроков, определенных уставом о знаке отличия 1837 года» (п. 1, 4) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 33. Отд-ние 1. № 32944). Поэтому возможно вследствие ошибки в опубликованном тексте воспоминаний П. В. Засодимского указано, что его отец «имел знак отличия за 35-летнюю беспорочную службу» (Прощай, деревня // Засодимский П. В. Из воспоминаний. Москва, 1908. С. 155).

²⁵ В заверенной копии грамоты на пожалованный В. М. Засодимскому орден Святого Станислава 4-й степени от 16 февраля 1834 г. видим: «Божиею милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский и прочая, и прочая. Нашему чиновнику девятого класса младшему бухгалтеру Государственной экспедиции для ревизии счетов — Засодимскому. В воздаяние ревностной службы Вашей и отличных трудов, Государственным контролером засвидетельствованных и Комитетом Министров одобренных, Всемиловитейше пожаловали Мы Вас указом, во 2^й день февраля 1834го года капитулу данным, кавалером Императорского и Царского ордена Нашего Святого Станислава четвертой степени» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 11 об.). Ордена Святого Станислава 4-й степени В. М. Засодимский удостоился через 2 года после того, как орден Святого Станислава вошёл в число общероссийских наград по именному указу «О причислении к орденам Империи Российской польских орденов Белого Орла и Св[ятого] Станислава» от 17 ноября 1831 г. (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 6. Отд-ние 2. № 4948), и через почти полтора года после награждения его знаком отличия беспорочной службы, что представляется необходимым отметить ввиду именных указов от 2 апреля 1828 г. и от 23 января 1832 г., в первом из которых читаем: «Государь Император Высочайше повелеть изволил, чтоб отныне впредь чиновников, не имеющих еще знака беспорочной службы, не представлять к орденам, разве за отличие по содержанию орденских статут» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 3. № 1908), а во втором, объявленном в циркулярном предписании Инспекторского департамента Главного морского штаба, –

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР на положение Комитета Министров, о награждении некоторых чиновников, ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: к ордену Св[ятого] Станислава не представлять тех, кои не имеют знака отличия беспорочной службы» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 7. № 5100).

См. примеч. 4.

²⁶ Чин VIII класса. В копии патента на пожалованный В. М. Засодимскому чин коллежского асессора от 10 октября 1839 г. сказано: «Божиею милостию Мы, Николай Первый, Император и Самодержец Всероссийский и прочая, и прочая, и прочая. Известно и ведомо да будет каждому, что Мы Владимира Засодимского, который Нам в девятом классе служил, за оказанную его в службе Нашей ревность и прилежность в Наши коллежские ассесоры тысяща осьмсот тридцать шестого года, сентября двадесят пятого дня, Всемиловнейше пожаловали и учредили, яко же Мы сим жалуем и учреждаем, повелевая всем Нашим подданным оного Владимира Засодимского за Нашего коллежского ассесора надлежащим образом признавать и почитать; и Мы надеемся, что он в сем ему от Нас Всемиловнейше пожалованном чине так честно и прилежно поступать будет, как то верному подданному надлежит» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 12).

В соответствии с высочайше утверждённым 25 июня 1834 г. «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе», коим «все лица», что могли «по закону участвовать в службе», разделялись на 3 разряда по воспитанию: в 1-й разряд вошли «лица, совершившие курс наук в высших в государстве учебных заведениях и получившие от оных установленные ат[т]естаты», во 2-й – «лица, совершившие курс наук и получившие ат[т]естаты средних учебных заведений» и в 3-й – «лица», не имевшие «ат[т]естатов ни тех, ни других из означенных учебных заведений» (§ 2), – чиновники 2-го разряда по воспитанию при условии, что они «дворяне родовые», подлежали производству «из 9 в 8 класс» на общих основаниях, т. е. «вообще за усердное и похвальное отправление службы, начальством засвидетельствованное» (§ 4), через 4 года, а «за особенное отличие» через 3 года, в противном случае – на общих основаниях через 10 лет, а «за особенное отличие» через 6 лет (§§ 32, 33), при этом «никто из чиновников сего разряда» не имел права быть «произведен в чин 8 класса иначе, как при занятии должности, оному соответствующей или высшей» (§ 34) и чиновники, принадлежавшие ко 2-му и 3-му разрядам по воспитанию, «кои по силе сего положения» получали «производство в чины 8 и 5 классов», не могли «пользоваться иным старшинством, как со времени представления, после сего положения сделанного» (примеч. к § 14) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 9. Отд-ние 1. № 7224). Особый подход к производству «из 9 в 8 класс» обуславливался тем, что до 1845 г. человек, не являвшийся потомственным дворянином, с переходом в число чиновников VIII класса им становился, если не подпадал под действие высочайше утверждённого 29 июля 1832 г. мнения Государственного совета «О непризнании в потомственном дворянстве чиновников, получивших чины коллежского асессора или 8-го класса при отставке» (распубликовано Правительствующим сенатом 2 сентября 1832 г.) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 7. № 5529) [«Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» содержало запрет на награждение при отставке nepомомственных дворян чином VIII класса (§ 20) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 9. Отд-ние 1. № 7224)].

Во исполнение именного указа, предваряющего «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе», «для постепенного введения и охранения постановляемого в сем положении правила, дабы чины, поколику возможно, соответствовали местам занимаемым» возникли сопровождаемые именными указами от 20 ноября 1835 г. высочайше утверждённое «Росписание должностей гражданской службы по классам, от XIV до V включительно» и от 6 декабря 1839 г. высочайше утверждённое «Росписание гражданских должностей морского ведомства по классам». В первом из этих «роspисаний» должности помощников бухгалтеров по Государственному контролю отнесены к IX классу, а бухгалтеров – к VIII (В. М. Засодимский с 27 января 1831 г. по 28 июня 1832 г. занимал место помощника бухгалтера Государственной экспедиции для ревизии счетов, а с 28 июня 1832 г. по 16 июля 1836 г. – младшего бухгалтера той экспедиции), во втором должности младших контролёров в департаментах – к VIII классу (В. М. Засодимский с 26 июля 1836 г. по 4 июля 1842 г. служил младшим контролёром Артиллерийского департамента Морского министерства) [ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд-ние 2. № 8594, к № 8594 (в книге опечатка: «К № 8593»); Т. 14. Отд-ние 1. № 12952; Отд-ние 2. К № 12952].

Вышеупомянутый именной указ от 20 ноября 1835 г. содержит положение: «Производство гражданских чиновников, состоящих в ведомствах военном и морском, впредь до издания составляемых для них, по воле НАШЕЙ, новых образований, оставить на основании прежних правил, до издания положения 25 июня 1834 года действовавших...» (п. 7) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд-ние 2. № 8594). Также «по прежним срокам и правилам»

этим именным указом уже дозволялось из группы лиц, чье приостановленное, «в ожидании росписаний», производство в чины в целом им предписывалось «разрешить ныне же» «на точном основании» высочайше утвержденного 25 июня 1834 г. «Положения о порядке производства в чины по гражданской службе», его самого и «приложенных при нем росписаний», «в виде меры, единовременно на сей только раз допускаемой, произвести», «по удостоениям начальств», в один чин тех, какие: 1) выслужили «по день обнародования росписаний» «в настоящих чинах определенные прежними узаконениями сроки», 2) имели «при действии сих узаконений» «право на производство в следующий чин за выслугу» и 3) не подлежали производству в следующий чин по новым правилам, так как «не занимали соответственных по росписанию должностей», в связи с чем специально оговаривалось: «Само собою разумеется впрочем, что если кто, выслужив сроки и по прежним и по новым правилам, занимает при том должность, дающую ему право на производство в следующий чин по самому росписанию, то таковому срок выслуги в прежнем и старшинства в новом чине должен быть исчисляем по новым правилам» (п. 8) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд-ние 2. № 8594). Содержащееся в высочайше утвержденном 21 июля 1836 г. положении Комитета министров «О порядке отдачи старшинства в чинах производимым по положению 25 июня 1834 и указу 20 ноября 1835» толкование этого указа (точнее толкование его п. 8) легализовало «по прежним срокам и правилам» производство в один чин и тех из очерченной группы лиц, которые удовлетворяли только первым двум из вышеуказанных условий и которым просто выгоднее было получение следующего чина не в соответствии с новыми правилами (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 11. Отд-ние 1. № 9402).

«По прежним срокам и правилам», судя по «Уставу о службе по определению от правительства» издания 1832 г., для производства в чин коллежского асессора «по общим гражданским ведомствам» на общих основаниях потомственным дворянам по происхождению также требовалось иметь 4 года выслуги в чине IX класса, а «вступившим в службу из другого какого-либо состояния» предписывалось иметь 12 лет выслуги в чине этого класса (ст. 305) [однако если они до производства в чин коллежского асессора становились через орден потомственными дворянами, то для них «срок выслуги в чин коллежского асессора» определялся «равный с прочими дворянами», но «если кто из них» удостоился «орденом в чине уже титулярного советника, то таковому четырехлетний срок» считался «не далее, как со времени пожалования его орденom, без зачета прослуженных дотоле в сем чине лет», но не в случае пожалования «орденом в течение последних уже четырех лет», остававшихся «ему до чина коллежского асессора», когда «прежняя выслуга» «не вычиталась» и его надлежало производить «в сей чин по прошествии двенадцати лет от времени пожалования его в титулярные советники» (ст. 306)]. Помимо этого, как тем, так и другим, если они имели аттестаты только об окончании гимназий, следовало ещё подвергнуться испытаниям по предметам, не преподававшимся в гимназиях (ст. 315), однако, необходимо указать, служившие «по счетным частям», в том числе штатными бухгалтерами, контролёрами и их помощниками «во всех местах государственного управления», и в целом гражданские чиновники военных ведомств, что не имели права на производство в чин коллежского асессора на общих основаниях, не пройдя соответствующих испытаний в науках, могли производиться не только не в коллежские асессоры, а «в 8-й класс» без этих испытаний (ст. 360–362, 367, 369, 370), если они удовлетворяли условию, сформулированному таким образом в отношении могущих претендовать на такое производство чиновников военного ведомства: «В 8-й и 5-й классы все означенные чиновники производятся без испытаний... но не иначе, как по полной выслуге в том самом ведомстве положенных сроков, не считая времени нахождения в прежнем чине по другим частям, на кои изъятия из общих правил не распространены» (ст. 362). При таком производстве им надлежало иметь в виду: «Чиновники, произведенные таким образом в 8 и 5 классы, обязаны прослужить в том же ведомстве, в коем классы сии получили, до производства их из 8 в 7, а из 5 в 4-й классы; если же по собственному желанию своему перейдут в иное ведомство, то не могут быть приняты в оное иначе, как чиновники 8 класса титулярными, а чиновники 5 класса коллежскими советниками, хотя бы получили классы сии не по выслуге узаконенных лет, а за отличия по службе; но состоящим в 7 и 6 классах не запрещается определяться по собственному их желанию к должностям по другим ведомствам, и в таком случае они переименовываются из 7 класса в надворные советники, а из 6 класса и из военных советников в коллежские советники» (ст. 365) (Свод Устава о службе по определению от правительства // СЗ РИ. Изд. 1832. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской).

²⁷ См. примеч. 24.

²⁸ В то время Адмиралтейств-совет – высший орган по хозяйственной части морского ведомства.

²⁹ На русский манер адмирала звали Романом Романовичем.

³⁰ В то время чин VII класса. Согласно копии патента на пожалованный В. М. Засодимскому чин надворного советника от 11 декабря 1842 г. (патент составлен по той же типовой форме, что и патент на чин коллежского асессора), он удостоился этого чина 13 сентября 1840 г. (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 12 об.).

В соответствии с высочайше утверждённым 25 июня 1834 г. «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе», чиновников 2-го разряда по воспитанию (см. примеч. 26) вне зависимости от происхождения надлежало производить «из 8 в 7 кл[асс]» на общих основаниях, т. е. «вообще за усердное и похвальное отправление службы, начальством засвидетельствованное» (§ 4), через 4 года, а «за особенное отличие» через 3 года (§§ 32, 33) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 9. Отд-ние 1. № 7224). Но для того, чтобы это чинопроизводство состоялось в соответствии с названным положением, им следовало занимать как минимум должность VIII класса: именным указом от 20 ноября 1835 г. (см. примеч. 26) «и для облегчительнейшего на первое время исполнения положения 25 июня 1834 года» взамен §§ 18, 34 и 43 оно вводилось: «По всем ведомствам гражданской службы, чиновники всех установленных трех разрядов определяются к местам, как с действительным на оных утверждением, так и для одного токмо исправления должности, не иначе, как сообразно чину каждого; чины же получают соответственно классам, должностям их в росписании присвоенным, и не могут быть производимы далее, как одним выше сих классов чином. Из сего общего правила допускаются токмо два рода изъятий: *первое*, во всех вообще ведомствах начальствам дозволяется, по усмотрению действительной нужды в замещении должностей, определять в оные, или назначать к исправлению их, чиновников, имеющих чины и одним классом выше или двумя ниже той степени, в которой положена должность; на губернские же штатные места, в случаях необходимых, до особого впредь постановления, определять и лица, состоящие в чинах более чем двумя степенями ниже оных; *второе*, дозволяется определять, по желанию чиновников, и в должности, более чем одною степенью ниже чинов их; но в сем последнем случае таковой чиновник не может быть произведен в чин иначе, как при поступлении в должность, чину его соответствующую, или высшую» (п. 2) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 10. Отд-ние 2. № 8594), – интересующее нас положение чего о том, что чиновники «по всем ведомствам гражданской службы» «не могут быть производимы далее, как одним выше сих классов (классов занимаемых ими должностей. – В. М.) чином», распространили на гражданских чиновников морского ведомства именным указом от 6 декабря 1839 г. (распубликован 30 декабря 1839 г.) со дня утверждения предваряемого им высочайше утверждённого «Росписания гражданских должностей морского ведомства по классам» (п. 1, 2) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 14. Отд-ние 1. № 12952). При этом вышеупомянутым именным указом от 6 декабря 1839 г. чиновников, «которые, по день утверждения сего росписания, выслужили срок к получению следующих чинов по прежнему о сем положению» и «которые, при действии сих узаконений, имели бы право на производство в следующий чин за выслугу», дозволялось «в виде меры, единовременно на один только раз допускаемой, произвести по удостоениям начальств, в один заслуженный уже ими чин по прежним срокам и правилам» как в том случае, если они не имели права на производство в следующий чин по новым правилам, потому что «не занимали соответственных по росписанию должностей», так и в том случае, если они имели право на производство «по прежним и по новым правилам» и им лучше было получить следующий чин в соответствии со старыми правилами (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 14. Отд-ние 1. № 12952; Продолжение СЗ РИ. Изд. 1832. Ч. 4. С. 3273; ч. 5. С. 4544). Раньше же, судя по «Уставу о службе по определению от правительства» издания 1832 г., для производства в чин надворного советника на общих основаниях требовалось иметь 5-летнюю выслугу в чине коллежского асессора (ст. 338) (Свод Устава о службе по определению от правительства // СЗ РИ. Изд. 1832. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской).

Как отмечено в примеч. 26, В. М. Засодимский в Артиллерийском департаменте Морского министерства состоял в должности VIII класса.

Чин надворного советника оказался самым высоким из достигнутых В. М. Засодимским чинов. Это вызвано уже тем, что должность никольского окружного начальника, занятая им вскоре после производства в настоящий чин VII класса и ставшая последней ступенью на пути его карьерного роста, являлась, как и та, что находилась за ним в бытность пожалования этим чином, должностью VIII класса (см. примеч. 2 и 26), а, как сказано выше, по общему положению гражданских чиновников не следовало производить «далее, как одним выше сих классов (классов занимаемых ими должностей. – В. М.) чином», что, необходимо отметить, нашло отражение в «Уставе о службе по определению от правительства» как издания 1842 г. (ст. 530), так и издания 1857 г. (ст. 556) (Устав о службе

по определению от правительства // СЗ РИ. Изд. 1842. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской; Изд. 1857. Т. 3: Уставы о службе гражданской).

³¹ См. примеч. 2 и 6.

³² См. примеч. 24.

В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. после записи о награждении знаком отличия беспорочной службы за XXV лет написано: «Высочайшим приказом от 9 августа 1852 года по болезни от службы уволен / 1852 / А[в]густа 9. / Состоял под следствием («следст-» и с новой строки «-ствием». – В. М.) о фальшивой выписке в расход денег 2 руб. 88³/₄ коп., отпущенных за постройку Поспеховского магазина (речь идёт о хлебозапасном магазине. – В. М.)» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 338 об.–339). [В Списке населенных мест Вологодской губернии по сведениям 1859 года Поспехово проходит как казённая деревня Никольского уезда в 122 верстах от уездного города и 120 верстах от становой квартиры, на Вохомской торговой дороге, при речке Польшихе, с 9 дворами и 53 жителями: 26 мужского пола и 27 женского (Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Вып. 7: Вологодская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года / изд. Центр. стат. ком. М-ва внутр. дел; обраб. ст. ред. Е. Огородниковым. Санктпетербург, 1866. № 5795).]

В тяжёлое для Российской империи время Крымской войны 1853–1856 гг. В. М. Засодимский вновь оказался на службе. В препровождённом при отношении вологодского губернского предводителя дворянства вологодскому гражданскому губернатору от 28 февраля 1855 г. «Списке гг. офицеров, назначенных в дружины Государственного подвижного ополчения по Вологодской губернии» [судя по сопроводительному письму, в список вошли лица, избранные на службу в ополчение на экстраординарном дворянском собрании, о каком идёт речь в высочайше утверждённом 29 января 1855 г. «Положении о Государственном ополчении», и список составлен в соответствии с § 29 вышеназванного положения, где сказано: «Избранные дворянством офицеры распределяются по дружинам сколь возможно уравнильнее и, по назначении сборных пунктов для дружин, немедленно отправляются на оные» (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 30. Отд-ние 1. № 28994)] В. М. Засодимский числится штабс-капитаном 4-й, кадриковской, дружины от Вологодской губернии, что в рамках Государственного подвижного ополчения станет 140-й (ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1600. Л. 15). В чине штабс-капитана, в армейской пехоте обер-офицерском чине X класса, В. М. Засодимский записан на основании содержащегося в § 26 «Положения о Государственном ополчении» правила, предписывавшего гражданских чиновников, не служивших в военных обер-офицерских чинах, если они находились в чинах надворного советника или коллежского асессора, принимать в ополчение штабс-капитанами (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 30. Отд-ние 1. № 28994). [Учитывая преследовавшие В. М. Засодимского в последнее время неприятности по службе, целесообразно указать, что, в соответствии с «Положением о Государственном ополчении» (§ 27), не подлежали избранию в ополчение «лица, состоящие под судом или следствием, а также неодобрительного поведения», зачем надлежало следить начальникам губерний и губернским предводителям дворянства (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 30. Отд-ние 1. № 28994).] В 140-ю дружину Государственного подвижного ополчения В. М. Засодимский, судя по тому, когда в неё удостоились определения указанные в вышеназванном списке, как и В. М. Засодимский, среди офицеров 4-й дружины от Вологодской губернии А. И. Богославский, Ф. И. Дубровский, А. И. Иконников, С. Н. Челищев и В. Т. Шарыгин, согласно формулярным спискам об их службе, получил назначение с переименованием в чин штабс-капитана, по-видимому, высочайшим приказом по Государственному подвижному ополчению от 24 апреля 1855 г. (ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 1600. Л. 15–15 об.; Ф. 85. Оп. 1. Д. 10. Л. 12 об.–13, 136 об.–137, 234 об.–235, 254 об.–255, 354 об.–355; Д. 16. Л. 179 об.–180, 224 об.–225, 280 об.–281, 296 об.–297, 303 об.–304, 355 об.–356). Уволен же штабс-капитан 140-й дружины В. М. Засодимский от службы был в связи с расформированием Государственного подвижного ополчения с переименованием в гражданский чин надворного советника высочайшим приказом по Государственному подвижному ополчению от 19 августа 1856 г. [Вологодские губернские ведомости (далее – ВГВ). 1856. № 37. Отд. 2. Ч. офиц. С. 367 (ошибочно указано: «– 366 –»)]. Благодаря этой службе В. М. Засодимского включили в многократно публиковавшийся в «Вологодских губернских ведомостях» в 1862 г. список лиц, служивших в «Вологодском ополчении» и «приглашаемых» начальником Вологодской губернии «за получением высланной из Военного министерства бронзовой медали в память войны 1853–1856 годов» (ВГВ. 1862. № 16. (21 апр.) Ч. офиц. С. 103; № 17. Ч. офиц. С. 109; № 18. Ч. офиц. С. 117; № 19. Ч. офиц. С. 127; № 20. Ч. офиц. С. 135; № 21. Ч. офиц. С. 141–142; № 22. Ч. офиц.

С. 147; № 23. Ч. офиц. С. 154; № 24. Ч. офиц. С. 161; № 25. Ч. офиц. С. 169; № 26. Ч. офиц. С. 177; № 27. Ч. офиц. С. 185; № 28. Ч. офиц. С. 191–192; № 29. Ч. офиц. С. 197–198; № 30. Ч. офиц. С. 207; № 31. Ч. офиц. С. 214; № 32. Ч. офиц. С. 221–222; № 33. Ч. офиц. С. 229; № 34. Ч. офиц. С. 235–236; № 35. Ч. офиц. С. 241–242; № 36. Ч. офиц. С. 248; № 37. Ч. офиц. С. 256; № 38. Ч. офиц. С. 262; № 39. Ч. офиц. С. 267; № 40. Ч. офиц. С. 275; № 41. Ч. офиц. С. 280; № 42. (20 окт.) Ч. офиц. С. 287–288). Согласно высочайше утверждённым 26 августа 1856 г. «Правилам для раздачи бронзовой медали и бронзового наперсного креста в память минувшей войны 1853–1856 годов», «для чинов Государственного подвижного ополчения, бывших в военных делах с неприятелем, поступивших в состав войск, приведенных в военное положение или выступивших в поход» (см. примеч. 33) предназначались бронзовые медали в память войны 1853–1856 гг. на Андреевской ленте (§ 7), а «для чинов ополчения», «не выступивших в поход с мест формирования», – бронзовые медали в память войны 1853–1856 гг. на Владимирской ленте (§ 8), притом что «всем вообще чинам военного и морского ведомств» – медали именно светло-бронзовые (примеч. под § 16). Памятные медали, по этим правилам, не надлежало выдавать, в том числе, «бывшим под штрафами и не получившим прощения» и «находившимся под судом или следствием прежде получения полного оправдания» (§ 29) (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 31. Отд-ние 1. № 30895).

Спустя 3 года после увольнения из Государственного подвижного ополчения надворный советник В. М. Засодимский подал объявление вологодскому губернскому предводителю дворянства (от января 1860 г.) о желании на предстоящих дворянских выборах «бал[л]отироваться на должности: вологодского уездного судьи и посредника» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 88). Его желание приняли во внимание, но на состоявшихся в середине января 1860 г. дворянских выборах как в кандидаты на должность вологодского уездного судьи, так и в посредники по делам полюбовного специального межевания земель Вологодского и Грязовецкого уездов он потерпел сокрушительное поражение: на первых из них, по «Списку гг. дворянам, назначенным к бал[л]отированию в кандидаты уездного судьи» от 15 января 1860 г., в то время как он получил 18 избирательных и 32 неизбирательных шара, коллежский секретарь Н. Е. Ленин – соответственно, 32 и 18, штабс-капитан Ф. М. Пасынков – 42 и 8, а капитан 2-го ранга Д. И. Фомин – 46 и 4, а на вторых, по «Списку гг. дворянам, назначенным к бал[л]отированию в звание посредника по специальному межеванию по Вологодскому и Грязовецкому уездам» от 18 января 1860 г., в то время как он удостоился 16 избирательных шаров при 59 неизбирательных, штабс-капитан Ф. М. Пасынков – 51 избирательного при 24 неизбирательных, а коллежский асессор П. В. Ефимьев – 63 избирательных при 12 неизбирательных (коллежский советник Ф. И. Яржинский от баллотировки отказался). На прошедших тогда же выборах посредника по делам полюбовного специального межевания земель Кадниковского уезда, по «Списку гг. потомственным дворянам Кадниковского уезда, бал[л]отируемым в звание посредника полюбовному размежеванию земель» от 16 января 1860 г., В. М. Засодимский был избран лишь кандидатом на означенную должность: если за него дали 20 шаров против 11, то за коллежского асессора А. М. Головкова – 27 против 2, но при этом за коллежского советника Ф. И. Яржинского – 14 против 17. Ввиду этого лишь кандидатом на должность посредника по делам полюбовного специального межевания земель Кадниковского уезда он и оказался утверждённым, отношением начальника Вологодской губернии вологодскому губернскому предводителю дворянства от 4 марта 1860 г. (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 232–233, 261–262, 297–298, 404–405). Ещё более неблагоприятным образом для В. М. Засодимского закончились дворянские выборы, прошедшие в начале 1863 г. Согласно «Списку гг. потомственным дворянам Кадниковского уезда, назначенным к бал[л]отированию в звание уездного судьи» от 25 февраля 1863 г., если он, как и надворный советник Ф. И. Дубровский, набрал только 11 избирательных шаров на фоне 44 неизбирательных, то коллежский асессор А. Г. Лодыгин – 19 избирательных на фоне 36 неизбирательных, губернский секретарь В. В. Леонтьев – 35 избирательных на фоне 19 неизбирательных, а коллежский асессор А. И. Богославский – 43 избирательных на фоне 11 неизбирательных. По «Списку гг. потомственным дворянам Кадниковского уезда, назначенным к бал[л]отированию в звание исправника земского суда» от 25 февраля 1863 г., за него опустили только 11 шаров, а против – 44, притом что за коллежского секретаря П. В. Сорохтина – 35, а против – 19, а за капитан-лейтенанта Я. Н. Зубова – 47, а против – 7. Согласно «Списку гг. потомственным дворянам Кадниковского уезда, бал[л]отируемым в звание заседателя уездного суда» от 26 февраля 1863 г., в то время как на его долю пришлось 17 избирательных и 35 неизбирательных шаров, на долю коллежского асессора Н. В. Боярского – соответственно, 28 и 24, коллежского секретаря А. И. Иконникова – 29 и 23, коллежского регистратора А. М. Зубова – 48 и 4, а подпоручика Г. С. Холмова – 49 и 2, правда при этом на долю коллежского секретаря П. А. Соловьева – 15 и 37, коллежского регистратора

И. П. Решеткина – 13 и 39, коллежского асессора Н. П. Непеина – 8 и 44, а коллежского асессора В. П. Семерикова – 4 и 48 (от баллотировки отказались губернские секретари В. В. Леонтьев, Анд. Анд. Попов и В. И. Федосеев и коллежский регистратор П. В. Кузьмин). Судя по «Списку гг. потомственным дворянам Кадниковского уезда, бал[л]отируемым в звание неперменного заседателя земского суда» от 26 февраля 1863 г., в то время как в случае с ним волеизъявление участников собрания вылилось в результат 9 шаров против 43, а в случае с коллежским асессором В. П. Семериковым – 6 против 46, в ситуации с коллежским секретарём П. А. Соловьевым – в результат 13 против 39, губернским секретарём А. П. Макшеевым – 26 против 26, губернским секретарём В. И. Федосеевым – 28 против 24, а коллежским секретарём П. В. Сорохтиным – 41 против 10 (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1088. Л. 245–247, 275–278).

Данными о том, что В. М. Засодимский получал за свою службу пенсию, мы не располагаем. А вопрос об этом видится весьма актуальным, так как В. М. Засодимский по увольнении от государственной службы прожил довольно долго: согласно метрической книге Николаевского собора г. Кадникова на 1881 г. (консistorский экземпляр), он скончался «от старости» 7 января 1881 г., т. е. тогда, когда ему было уже около 80 лет (прах его погребли, как указано в вышеназванной метрической книге, на третий день после смерти, 9 января 1881 г., при кадниковской Димитриевской Кладбищенской церкви) (ГАВО. Ф. 496. Оп. 11. Д. 324. Л. 42 об.–43). (Обращает на себя внимание то обстоятельство, что земной путь В. М. Засодимского завершился и тело его предали земле неподалёку от Ильинской Засодимской церкви, сыном дьячка которой являлся его отец М. А. Засодимский.) Известно только, из объявления В. М. Засодимского вологодскому губернскому предводителю дворянства от января 1860 г., о факте представления формулярного списка о его службе в Министерство государственных имуществ для исходатайствования ему пенсионера (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 88).

³³ Если бы в нашем распоряжении находился более поздний подобного рода документ о службе В. М. Засодимского, состоявшего в 1855–1856 гг. офицером 140-й дружины Государственного подвижного ополчения, то в этой графе, по-видимому, мы увидели примерно бы то же, что и в аналогичной графе, например, формулярного списка о службе кадниковского земского исправника губернского секретаря В. Т. Шарыгина за 1857 г., где у него благодаря службе в 1855–1856 гг. в 140-й дружине Государственного подвижного ополчения имеется запись: «Был в походах: с 30 июля по 8 сентября из г. Кадникова до г. Подольска Московской губернии, с 18 по 24 ноября 1855 г. из г. Подольска до Павловского Посада Богородского уезда и обратно к месту назначения для расформирования дружины с 25 апреля по 6 июня 1856 года – и был причислен с дружиною к Сводному запасному Рязскому пехотному полку. В сражениях не был» (ГАВО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 10. Л. 352, 353).

³⁴ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. после этого идёт: «(2) В 1853 г. состоял под судом о удержании у должностных лиц жалованья и по решению Правительствующего Сената в 1854 году от суда освобожден» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 337, 338).

³⁵ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. эта графа заполнена так: «За состоянием под следствием неизвестно» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 336).

³⁶ В копии формулярного списка о службе от 9 августа 1852 г. после этого читаем: «и ныне состоит с 9 августа 1852 года» (ГАВО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 977. Л. 336).

³⁷ См. док. 2–3.

³⁸ Аналогичная дата в качестве даты рождения Михаила указана в копии метрического свидетельства Санкт-Петербургской духовной консистории о его рождении и крещении от 18 июня 1845 г. со ссылкой на метрическую книгу Троицкой лейб-гвардии Измайловского полка церкви на 1834 г. Как прописано в копии метрического свидетельства, при состоявшемся 30 сентября 1834 г. крещении ребёнка восприемниками выступили: «воспитанник 2^й гимназии Николай Павлов Засецкий и вдова надворная советница Елизавета Андриянова Засодимская» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 13). Н. П. Засецкий доводился новорождённому дядей со стороны матери, а Е. А. Засодимская – бабушкой по отцу.

³⁹ Михаил на 20 мая 1852 г. уже не учился в Вологодской губернской гимназии. Его отчислили из 6-го класса гимназии по прошению отца от 16 февраля 1852 г. В том прошении В. М. Засодимский заявил: «Имею желание обучающегося в 6 классе Вологодской губернской гимназии сына моего Михаила Засодимского определить ныне на службу. А потому я имею честь покорнейше просить дирекцию училищ уволить помянутого моего сына Засодимского из гимназии, снабдив его надлежащим свидетельством о поведении и успехах его в преподанных ему в гимназии предметах, и возвратить мне представленные

при помещении его в гимназию документы» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 2153. Л. 8). В отпуске свидетельства об обучении в Вологодской губернской гимназии Михаила от марта 1852 г. читаем: «Дано из Вологодской губернской гимназии в том, что он находился в этом заведении с 1845 года, 19 августа, по 16 февраля 1852 года частным пансионером и, при отлично-хорошем поведении, обучаясь в шестом классе, оказал успехи: в Законе Божиим достаточные, арифметике достаточные, алгебре достаточные, геометрии достаточные, физике средственны[е], географии: всеобщей достаточные, русской достаточные, — истории достаточные, языках: русском достаточные, немецком достаточные, французском достаточные, — законоведении хорошие, чистописании хорошие и черчении хорошие. Почему он, Михаил Засодимский (в документе фамилия через «е». — В. М.), как не кончивший курса не может пользоваться правами чиновников второго разряда по воспитанию, однако же пользуется преимуществами лиц, имеющих надлежащие удостоверения об изучении предметов программы под лит[ерою] «А» при высочайше утвержденных 28 ноября 1844 года Дополнительных правил к Уставу о гражданской службе» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 2153. Л. 10–10 об.). [С таким свидетельством Михаилу, если бы он по «увольнению» из гимназии вступил в гражданскую службу, для получения первого классного чина на общих основаниях достаточно было прослужить 2 года, в то время как тем потомственным дворянам, какие не могли воспользоваться «преимуществами лиц, имеющих надлежащие удостоверения об изучении предметов программы под лит[ерою] «А» при высочайше утвержденных 28 ноября 1844 года Дополнительных правил к Уставу о гражданской службе», для этого требовалось провести на службе 4 года: по «Уставу о службе по определению от правительства» издания 1842 г. не имеющим свидетельств учебных заведений и обучавшимся только в низших учебных заведениях «дворянам родовым», т. е. дворянам потомственным, или в текущем контексте канцелярским служителям 1-го разряда по происхождению, для получения первого классного чина следовало выслужить 2 года (ст. 600), а по высочайше утверждённому 28 ноября 1844 г. «Дополнительным правилам к Уставу о гражданской службе» «не обучавшиеся в уездных училищах или равных им заведениях, или не имеющие аттестатов о приобретении познаний, означенных в программе под лит[ерою] А» «канцелярские и другие нижние служители и все неклассные должностные лица гражданского ведомства», что относились по происхождению к 1-му разряду, подлежали производству в первый классный чин «не иначе, как по истечении» 4 лет службы (§ 3). Но если бы Михаил окончил Вологодскую губернскую гимназию и после этого вступил в гражданскую службу, то для производства в первый классный чин на общих основаниях, согласно вышеуказанному «Уставу о службе по определению от правительства» (ст. 583), ему надлежало бы иметь лишь 1 год выслуги (ПСЗ РИ. Собр. 2. Т. 19. Отд-ние 1. № 18474; Устав о службе по определению от правительства // СЗ РИ. Изд. 1842. Свод учреждений государственных и губернских. Ч. 3: Уставы о службе гражданской).]

⁴⁰ В имеющейся в метрической книге Георгиевской церкви г. Великого Устюга на 1843 г. (консistorский экземпляр) записи о рождении и крещении Павла значится, что он появился на свет 4 ноября 1843 г. (!) и при состоявшемся 9 ноября 1843 г. крещении восприемниками стали: «города Никольска 1^я гильдии купец Илья Яковлев Грибанов и означенного надворного советника Владимира Михайлова Засодимского (в документе фамилия через «е». — В. М.) дочь Мария, девица» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 7. Д. 104. № 11. Л. 6 об.–7). В копии снятого с этой записи метрического свидетельства Вологодской духовной консистории о рождении и крещении Павла от 29 мая 1852 г. видим то же самое (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 14 об.).

Крёстный П. В. Засодимского Илья Яковлевич Грибанов входил в число воротил масштабов Европейского Севера России. В одном из примечаний к статье «Отпуск товаров из Вологды к Архангельскому порту в весеннюю навигацию 1849 года» сказано: «Грибанов есть главный наш торговец...» (ВГВ. 1849. № 27. Отд. 2. Ч. неофиц. С. 266). О масштабах оставленного И. Я. Грибановым своим детям, сыновьям Владимиру и Сергею, имения в Вологодской губернии даёт некоторое понятие публикация о вводе их во владение им в «Вологодских губернских ведомостях» от 4 марта 1861 г. В конце публикации читаем: «Цена завещанному имению объявлена 2,000,000 руб.» (ВГВ. 1861. № 9. Отд. 1. С. 91). На положение в обществе И. Я. Грибанова сквозь призму должностей и наград яркий свет проливает формулярный список о его службе как попечителя Устюжской (Великоустюжской) городской больницы от 3 ноября 1859 г. (ГАВО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 933. Л. 115–120). И. Я. Грибанов проходит в нём 58-летним никольским 1-й гильдии купцом, потомственным почётным гражданином и коммерции советником. Согласно этому документу, звание потомственного почётного гражданина он получил 17 декабря 1837 г., а коммерции советником стал 24 сентября 1854 г. Происходя из купеческого сословия, «воспитание получил в родительском доме и ни в каком учебном заведении не находился» (л. 115 об.). Занимал

должности: никольского городского головы (трёхлетие с 1835 г.), директора хлебного запасного магазина в г. Архангельске (трёхлетие с 1844 г.), церковного старосты при Спасо-Преображенской церкви г. Великого Устюга (в течение 6 лет с 1848 г.), члена Комитета для надзора за браком товаров при Архангельском порте («Комитета для надзора забракования товаров в Архангельском порте») (с 28 августа 1850 г. по 1 января 1852 г.) и попечителя Устюгской (Великоустюгской) городской больницы (с 12 ноября 1851 г.). Имел золотые медали: для ношения на шее на Аннинской ленте «за пожертвование хлеба в Архангельской губернии» (1 ноября 1831 г.), для ношения на шее на Владимирской ленте за пожертвование хлеба и денег в пользу погоревших жителей д. Крыловской Никольского уезда (31 декабря 1836 г.) и с надписью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте за неслужебные отличия (предписание министра внутренних дел на имя начальника Вологодской губернии от 15 февраля 1858 г.), – а также тёмно-бронзовую в память войны 1853–1856 гг. на Аннинской ленте (указ из Вологодского губернского правления от 9 декабря 1857 г.). Награды несли важную статусную нагрузку. В случае с наградой как символом признания, как вкладом в репутационный капитал значение придавалось не только как таковому факту её наличия, но и факту объявления через газету или / и пропечатания для всеобщего сведения в газете о ней. В связи с какой-либо наградой в «Вологодских губернских ведомостях» не раз появлялось имя крёстного П. В. Засодимского. Так, в номере от 23 октября 1854 г. помещено известие о пожаловании И. Я. Грибанова 24 сентября 1854 г. в коммерции советники (ВГВ. 1854. № 43. Отд. 2. Ч. офиц. С. 457), от 8 марта 1858 г. – последней из вышеуказанных золотых медалей (ВГВ. 1858. № 10. Отд. 2. Ч. офиц. С. 97). Помимо этого, в номере от 23 сентября 1839 г. объявлено о Высочайшем благоволении как директору Устюгского (Великоустюгского) уездного отделения Общества попечительного о тюрьмах за деятельность по обществу в 1838 г. (удостоен 21 июля 1839 г.) (ВГВ. 1839. № 39. Ч. офиц. С. 308), от 29 января 1844 г. – о благословении Святейшего правительствующего синода за благотворительность в пользу Церкви (ВГВ. 1844. № 5. Ч. офиц. С. 71), от 2 декабря 1844 г. опубликовано об искреннейшей благодарности Вологодского губернского попечительства детских приютов за пожертвование в пользу детских приютов 15 р. асс. (ВГВ. 1844. № 49. Ч. офиц. С. 554–555), от 7 апреля 1845 г. – о благодарности от того же попечительства за пожертвование 100 р. сер. в пользу Вологодского детского приюта (ВГВ. 1845. № 14. Ч. офиц. С. 223), от 29 марта 1852 г. – о признательности начальства от министра внутренних дел за пожертвование 600 р. сер. в пользу Устюгской (Великоустюгской) городской больницы по случаю избрания её попечителем (ВГВ. 1852. № 13. Отд. 2. Ч. офиц. С. 106) (сведения об этой награде внесены в выше-названный формулярный список о службе И. Я. Грибанова), в номере от 15 мая 1854 г. – о Высочайшей благодарности за пожертвование 1000 р. сер. в пользу войск (ВГВ. 1854. № 20. Отд. 2. Ч. офиц. С. 208–209), от 11 января 1858 г. – о признательности от Вологодского губернского комитета Общества попечительного о тюрьмах как директору Устюгского (Великоустюгского) уездного отделения общества за благотворительность в отношении узников Устюгского (Великоустюгского) острога, расценённую как особенное усердие к пользе несчастных (ВГВ. 1858. № 2. Отд. 2. Ч. офиц. С. 13), от 4 октября 1858 г. – о признательности от того же комитета как директору Устюгского (Великоустюгского) уездного отделения общества за особое пожертвование 50 р. сер. на одежду для узников тюремного замка (ВГВ. 1858. № 40. Отд. 2. Ч. офиц. С. 419), от 3 октября 1859 г. объявлено о Высочайшей благодарности за благотворительность в течение первой половины 1859 г. (ВГВ. 1859. № 40. Отд. 1. С. 324).

⁴¹ Аналогичная дата в качестве даты рождения Марии проходит в записи о её рождении и крещении в метрической тетради Власиевской церкви, что в Обухове г. Вологды на 1828 г. (консistorский экземпляр). Согласно этой записи, при состоявшемся 7 января 1828 г. крещении ребёнка «восприемницею была вологодская помещица Катерина Григорьевна госпожа Засецкая» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 123. Л. 183). К. Г. Засецкая являлась бабушкой новорождённой по линии матери. В копии снятого «по прошению коллежской ассесорши Катерины Павловой дочери жены Засодимской» «для записки ее, Марию (так в цитируемом фрагменте. – В. М.), в какое-либо казенное учебное заведение» с записи в метрической тетради Власиевской церкви, что в Обухове г. Вологды метрического свидетельства Вологодской духовной консистории о рождении и крещении Марии от 9 сентября 1837 г. показано то же самое (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 13 об.).

⁴² Мария Владимировна в замужестве состояла за обер-офицером Корпуса лесничих Владимиром Иосифовичем (Осиповичем) Дебуаром.

⁴³ Аналогичная дата в качестве даты рождения Елизаветы проставлена в копии метрического свидетельства Санкт-Петербургской духовной консистории о её рождении и крещении от 22 мая 1852 г. со ссылкой на метрическую книгу Троицкой лейб-гвардии Измайловского полка церкви на 1838 г. По копии метрического свидетельства, при состоявшемся 9 сентября 1838 г. крещении ребёнка восприемниками являлись: «служащий в Министерстве финансов надворный советник Павел Иванов Колпаков и титулярного советника Василья Виноградова жена Анисья Семенова» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 14).

Документ 2

Из книги для записки брачных обысков Воскресенской церкви, что в Ракулеве Вологодского уезда за 1804–1830 гг.^а – запись о брачном обыске титулярного советника Владимира Михайлова сына Засодимского и дочери сельца Фоминского Вологодского уезда помещика Павла Михайловича Засецкого девицы Екатерины

18 октября 1825 г.

1825^{то} года, октября 18^{то} дня, по указу Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского, Вологодского уезда Воскресенской Раковлевской церкви священник Димитрий Образцов с причетниками учинили сей обыск, что сего года, месяца и числа града Вологды титулярный советник Владимир Засодимский, сын Михайлов, вступает в первый брак Вологодского ж уезда Воскресенского Раковлевского прихода сельца Фоминского^б помещика Павла Михайловича Засецкого с дочерью девицею Екатериною своим произволением добрым и непринужденным, имея крепкую на то мысль и усердное желание, и непревратное намерение; сродства ж между оными плотского и духовного и присвоения, до супружества не допускающего, и иного никакого правильного препятия, супружеству возбраняющего, не обретаются; ежели же хотя едино что из вышереченного явится когда неистинно, повинны мы, нижеподписавшиеся, истязанию церковному и политическому.

К сему обыску тысяцкий надворный советник и ковалер Алексей Алексеев сын Монаков¹ руку приложил

К сему обыску титулярный советник и кавалер Антип Евфратов² руку приложил

ГАВО. Ф. 1063. Оп. 47. Д. 2. Л. 75. Подлинник. Рукопись.

Книга для записки брачных обысков Воскресенской церкви, что в Ракулеве Вологодского уезда за 1804–1830 гг. пронумерована, прошнурована и скреплена как печатью Преосвященного вологодского архиерея духовной консистории, так и, начиная с 3-го листа, рукой вологодского градского владимирского священника (священника Владимирской церкви, что у Пороховой башни г. Вологды) и 3-й части благочинного Алексея Петрова Михайловского. Книга насчитывает 92 листа. Лист с записью о брачном обыске В. М. Засодимского и Е. П. Засецкой представляет собой часть большого листа с филигранью. На части листа с интересующей записью видны на просвет литеры «КФ», являющиеся парными к литерам «ММ». Согласно М. В. Кукушкиной, эти литеры указуют на фабрику Михаила Макарьина, существовавшую в Вельском уезде (Кукушкина М. В. Филигранные надписи на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. (Обзор Собрания П. А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии Наук. Вып. 2: XIX–XX века / [авт.: А. И. Копанев, В. А. Петров, М. Н. Мурзанова и др.; отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц]. Москва; Ленинград, 1958. С. 350–351).

Текстуальные примечания

^а Заголовок документа: «Книга, данная из Вологодской духовной консистории Вологодского уезда Воскресенской церкви, что в Ракулеве священно- и церковнослужителям для записки взимаемых пред венчанием обысков, каковую записку чинить им сообразно приложенной при сем форме, без всякого упущения, июля 14^{то} дня 1804 года».

^б Последний слог дописан над строкой (вставка).

Примечания по содержанию

¹ О выступившем в роли тысяцкого на свадьбе родителей П. В. Засодимского А. А. Монакове см. в: Фортунатов Ф. Н. Памятные заметки Вологжанина. (Вологда в 1812 году, Сперанский, Магницкий, Трошинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Словоцов и др.) // Русский Архив. Издаваемый при Чертковской библиотеке. 1867. Вып. 12. Стб. 1646–1708; Сафонов М. М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Ленинград, 1988. 247, [1] с. (в указателе имён проходит как Манаков А. А.).

² Антип (Антипа) Яковлевич Евфратов, по имеющимся данным сначала в чине коллежского секретаря, затем титулярного советника, служил в 1820–1830-е гг. советником в Вологодской палате уголовного суда. См.: Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1823. Ч. 2. В Санкт-Петербурге, [б. г.]. С. 76; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1824. Ч. 2. В Санкт-Петербурге, [б. г.]. С. 77; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи,

на лето от Рождества Христова 1825. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 79; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1826. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 79; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1827. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 80; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1828. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 83; Месяцослов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи, на лето от Рождества Христова 1829. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 86; Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1832. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 69; Месяцослов и Общий штат Российской империи на 1836. Ч. 2. В Санктпетербурге, [б. г.]. С. 70. Кроме того, что титулярным советником, в изданиях на 1825, 1826, 1827, 1828, 1829 и 1832 гг. числится кавалером ордена Святой Анны 3-й степени, а в издании на 1836 г. – кавалером ордена Святой Анны 4-й степени.

Документ 3

Из метрической тетради Воскресенской церкви, что в Ракулеве Вологодского уезда на 1825 г. (консistorский экземпляр)^а – запись в части о бракосочетавшихся о венчании титулярного советника Владимира Михайловича Засодимского с дочерью сельца Фоминского Вологодского уезда помещика Павла Михайловича Засецкого девицею Екатериною

18 октября 1825 г.^б

No.	Кто именно венчаны.	Число венчанья.	Кто были поручители или поезжане. ^в
7	<p>Месяц</p> <p>Града Вологды титулярный советник Владимир Михайлович Засодимский Вологодского ж уезда сельца Фоминского помещика Павла Михайловича Засецкого с дочерью девицею Екатериною; оба первым браком</p> <p>Оное таинство совершали приходские: <i>Димитрий Образцов</i> <i>Диакон Александр Неклюдов</i> <i>Дьячек Андрей Лебедев</i> <i>Пономарь Александр Димитревский</i></p>	<p><...></p> <p>18</p> <p>Священник</p>	<p>Октябрь</p> <p>Указной обыск учинен и в книгу записан, при коем были поручители: надворной советник Алексей Алексеевич Монаков и титулярный советник Антон^д Евфратов</p>

ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 116. Л. 869. Подлинник. Рукопись.

Метрическая тетрадь Воскресенской церкви, что в Ракулеве Вологодского уезда на 1825 г. (консistorский экземпляр) имеет внутреннюю нумерацию. В ней 21 пронумерованный лист. Перед ним «лист-обложка» с номером метрической тетради – № 32. Пронумерованные листы прошнурованы и скреплены как печатью Преосвященного вологодского архиерея духовной консистории, так и, вместе с «листом-обложкой», рукой Экономии Вологодского архиерейского дому Корнильева (Корнилиево-Комельского) монастыря настоятеля игумена Августина. Заполненные листы метрической тетради скреплены подписями священно- и церковнослужителей Воскресенской церкви, что в Ракулеве: священника Димитрия (Матфиева) Образцова, диакона Александра Иосифова Неклюдова, дьячка Андрея Алексеева Лебедева и пономаря Александра Андреева Димитревского. Запись о венчании В. М. Засодимского с Е. П. Засецкой в рамках внутренней нумерации находится на листе 10. Этот лист является половиной большого листа с филигранью, соответствующей той, что проходит в книге С. А. Клепикова под № 71: «АСНХ венз. под короной / МУСТ» и сверху год. В нашем случае год 1823-й. Филигрань расшифрована так: «А. С. Н. Хлюстина Медынского уезда село Троицкое» (Клепиков С. А. Филигранные надписи на бумаге

русского производства XVIII – начала XX века. Москва, 1978. С. 13, 78, 91). Метрическая тетрадь Воскресенской церкви, что в Ракулеве входит в состав дела Вологодской духовной консистории с метрическими тетрадями церковью Вологодского уезда на 1825 г. под № 1–40, и нумерованные её листы проходят в рамках него под номерами с 860 до 880 («лист-обложка» – под номером 859).

Текстуальные примечания

^а Заголовок документа: «Тетрадь, данная из Вологодской духовной консистории, на основании указа Святейшего Правительствующего Синода мая от 16 дня 1802 года, Вологодского уезда Воскресенской церкви, что в Ракулеве священно- и церковнослужителям для записки родившихся, брачавшихся и умерших в 1825 году».

^б Дата события.

^в Курсивом выделен текст бланка. Пунктуация сохранена полностью.

^г Так в документе.

^д Так в документе.

Приложение

Протокол Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении коллежского асессора Михайлы Андреева сына Засодимского с «родом» в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть

2 июня 1817 г.

1817 года, июня 2 дня, по указу Его Императорского Величества, Вологодское благородное депутатское собрание рассматривали объявление с приложением послужного списка, поданное коллежским асессором Михайлом Андреевым сыном Засодимским^а. Из списка ж видно: оной Засодимской происходил чинами: провинциальным секретарем 1783, декабря 31, губернским секретарем 1786, сентября 9, коллежским секретарем 1792, декабря 31, по Высочайшему повелению коллежским асессором 1807, декабря 31¹. И для того определили: просителя Засодимского^б и род ево^в внести родословной дворянской книги в 3^ю ея часть² и снабдить установленною грамотою, взыскав при выдаче оной положенные жалованной грамоты 86 статьею³ деньги, сколько внести пожелает.

Губернской предводитель Брянчанинов

Вологодской депутат Гневашев

Грязовецкой депутат Брянчанинов

Кадниковской депутат Василий Макшеев

Велскою депутат Николаи Макшеев

Дворянства секретарь Зубов

ГАВО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 5. Л. 312 об. Подлинник. Рукопись.

Протокол Вологодского дворянского депутатского собрания о внесении коллежского асессора Михайлы Андреева сына Засодимского с «родом» в дворянскую родословную книгу, в 3-ю часть, написан на листе, с другой, лицевой, стороны которого – протокол собрания о внесении коллежского секретаря Петра Александрова сына Воронова в дворянскую родословную книгу, в 1-ю часть, от 2 июня 1817 г. Эти протоколы находятся в деле с журналами и протоколами Вологодского дворянского депутатского собрания за 1811 (несколько), 1814–1819 гг. и входят в блок протоколов за 1817–1818 гг., скреплённый рукой секретаря дворянства Николая Зубова (секретаря Вологодского дворянского депутатского собрания поручика Н. Н. Зубова). Лист с текстом протокола о внесении М. А. с. Засодимского с «родом» в дворянскую родословную книгу – часть большого листа с водяным знаком. Литеры – «ВМ / М и Б» – позволяют определить изготовителя бумаги. В книге С. А. Клепикова литеры расшифрованы так: «Вологодская (Вельская) мануфактура Мартыяновых и Белозерских (следовало не «Белозерских», а «Белозерова». – В. М.)» (Клепиков С. А. Филигранные знаки на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. Москва, 1978. С. 17, 78). Лист датирован читающимся на просвет 1816-м годом.

Текстуальные примечания

^а Фамилия подчёркнута карандашом.

^б До исправления: «Засодимской».

^в Слова «и род ево» вписаны над строкой. Вставка, судя по внешним признакам, единовременна с основным текстом.

Примечания по содержанию

¹ Аналогичные даты против названных в документе первых трёх чинов указаны и в находящихся в составе ведомостей о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1-е половины 1807, 1808 и 1811 гг., за 1807 и 1808 гг. и за 2-ю половину 1810 г. и групповых послужных списков «служащих в Вологодской губернии при учебных заведениях» за 1809, 1810, 1814 и 1820–1821 гг. послужных списках М. А. Засодимского, но при этом в имеющихся в ведомости о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии 1805 г. и в групповом послужном списке служащих 1-го департамента Вологодского губернского магистрата за середину 1790-х гг. его послужных списках только против чина коллежского секретаря отмечена та же дата, что и после него в протоколе (во втором из этих документов прописано, что с неё считается старшинство в чине), а против предыдущих чинов в первом из этих источников – только означенные после них в протоколе годы, а во втором – означенные в протоколе годы, но с иными, чем в протоколе, месяцами и числами: против чина провинциального секретаря в нём написано: «783 / Августа 19», а против чина губернского секретаря – «786 / Февраля 13». Те же даты, что и во включённом в групповой послужной список служащих 1-го департамента Вологодского губернского магистрата за середину 1790-х гг. послужном списке М. А. Засодимского, против чинов провинциального секретаря и губернского секретаря приведены и в его послужном списке, являющемся составной частью группового послужного списка служащих 1-го департамента Вологодского губернского магистрата за 1793 г. (в этом документе нет данных о наличии у него чина коллежского секретаря). Что же касается чина коллежского асессора, то против него в тех документах, где показано его наличие у М. А. Засодимского, значится зафиксированная после него в протоколе дата. В отличие от протокола, во всех вышеотмеченных послужных списках М. А. Засодимского есть сведения и о первом его классном чине, чине коллежского архивариуса (в послужном списке в ведомости о состоянии Вологодской губернской гимназии и училищ Вологодской губернии за 1807 г. он назван просто чином «архиварьюса»). В наиболее ранних из имеющихся в распоряжении его послужных списков, в послужных списках в составе групповых послужных списков служащих 1-го департамента Вологодского губернского магистрата за 1793 г. и середину 1790-х гг., против этого чина читаем: «779 / Мая 5» (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 110. Л. 8 об.–10; Д. 174. Л. 6 об.–7; Д. 223. Л. 7 об.–8; Д. 228. Л. 7 об.–8, 39 об.–40; Д. 255. Л. 5 об.–6; Д. 267. Л. 6 об.–7; Д. 283. Л. 5 об.–6; Д. 302. Л. 6 об.–7; Д. 387. Л. 5 об.–6; Д. 511. Л. 18 об.–19; Ф. 833. Оп. 1. Д. 564. Л. 5 об.–6; Д. 707. Л. 3 об.–4 об., 7). Здесь же для полноты картины представляется целесообразным упомянуть и о последнем классном чине М. А. Засодимского. Для него им стал шедший следом за чином коллежского асессора чин надворного советника. В этот чин, согласно предписанию Училищного комитета Императорского Московского университета директору училищ Вологодской губернии от 16 июля 1820 г., «статный смотритель Вологодского уездного училища Михаил Засодимский» был произведён указом из Правительствующего сената от 24 мая 1820 г. со старшинством с 31 декабря 1818 г. (ГАВО. Ф. 438. Оп. 3. Д. 507. Л. 41).

² В Жалованной грамоте на права, вольности и преимущества благородному Российскому дворянству от 21 апреля 1785 г., более известной как Жалованная грамота дворянству 1785 г., о 3-й части дворянской родословной книги сказано: «В третью часть родословной книги внесут роды осмикласного дворянства по алфавиту» (ст. 79). Тут же приведено толкование: «Осмикласное дворянство не иные суть роды, как те, о коих в табели о рангах блаженной и вечнодостойной памяти Государя Императора ПЕТРА ПЕРВАГО 1722 года Генваря 24 дня в 11 пункте узаконено сими словами: Все служители Российские или чужестранные, которые осьми первых рангов находятся или действительно были, имеют оных законные дети и потомки в вечныя времена лучшему старшему дворянству во всяких достоинствах и авантажах равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были, и прежде от коронованных глав никогда в дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были» (толкование к ст. 79) ([Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1785 год. В Санктпетербурге, 1786]. № 29).

³ Жалованная грамота на права, вольности и преимущества благородному Российскому дворянству от 21 апреля 1785 г. в ст. 86 содержит положение: «При внесении рода в родословную книгу отдается на волю дворянского собрания той Губернии, имеет ли каждый род внести и сколько денег в дворянскую казну, что при каждом съезде единожды дворянское собрание определить имеет; но не выше двух сот рублей» ([Указы, манифесты и другие правительственные постановления, объявленные из Государственной Военной коллегии. За 1785 год. В Санктпетербурге, 1786]. № 29).

Список иллюстраций

1. Копия формулярного списка о службе никольского окружного начальника надворного советника Владимира Михайловича Засодимского. 20 мая 1852 г. Первый разворот. ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 12254. Л. 16 об.–17

Научное издание

**АКАДЕМИК ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ
ПЛАТОН СЕМЕНОВИЧ ТЮРИН И КУЛЬТУРА
ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ XIX века»**

Сборник материалов научной конференции
(Вологда – с. Архангельское, 10 – 11 ноября 2016 г.)

Оригинал-макет – Е. А. Лежнева
Иллюстрации отпечатаны в типографии
ИД «Вологжанин»

Подписано в печать 14.09.17 Формат 60х84 1/8
Усл. печ. л. 10,23 Тираж 75 экз. Заказ № 15

Вологодская областная универсальная научная библиотека
160000, Вологда, ул. М. Ульяновой, д. 1.
тел. (8172) 21-17-79